

МОЯ ДАЛЕКАЯ ДЕРЕВНЯ...

Людмила Осокина

Людмила Осокина

МОЯ ДАЛЕКАЯ ДЕРЕВНЯ...

Документально-художественный проект

МОСКВА

«Вест-Консалтинг»

Людмила Осокина

**МОЯ ДАЛЕКАЯ
ДЕРЕВНЯ...**

Документально-художественный проект

Вест-Консалтинг
Москва
2020

УДК 82-94
ББК 84(2Рос=Рус)
О755

Осокина Л. М.

О755 **Моя далекая деревня...** Документальная проза —
М.: «Вест-Консалтинг», 2020 — 200 с., илл.

ISBN 978-5-91865-589-4

В этой книге московская поэтесса и прозаик Людмила Осокина, автор таких известных книг, как «Кофейная девушка» и «Халупа», рассказывает о своем детстве, которое прошло у нее в далекой алтайской деревне — Осколково.

Воспоминания о детских годах дороги каждому человеку. Но у Людмилы Осокиной это не просто экскурс в детство, это еще и путешествие в исчезнувшую страну — СССР, которой уже нет на карте мира. Кроме того, это и воспоминания о тех реалиях, которых уже совсем не осталось в современной жизни.

Вместе с этой книгой вы окунетесь в волшебный мир детства и той, исчезнувшей реальности, воспоминания о которой так дороги людям старшего поколения.

© Людмила Осокина, 2020
© «Вест-Консалтинг», оформление, 2020

ЧАСТЬ I. СЕЛО И ОКРЕСТНОСТИ

Глава 1. Переезд в Осколково

В Осколково мы переехали 27 июня 1969 года, этот день я почему-то очень хорошо помню. Зачем мы туда переехали? Так было положено.

Мой отец — Осокин Михаил Иванович, работал участковым инспектором, а люди, которые занимали эту должность, должны были, примерно каждые 5 лет, менять свое место жительства, всё начинать с чистого листа, как говорится. Ведь понятное дело, если человек долго сидит на одном

месте, то обзаводится кучей друзей, знакомых и даже родственников, и не может уже должным образом выполнять свои служебные обязанности. Так считалось, во всяком случае. Поэтому полагалось переезжать.

Вот мы в один прекрасный день и переехали из Боровского в Осколково. Это село находилось в этом же, Алейском районе, только по другую сторону от райцентра, от города Алейска. Боровское располагалось от Алейска в 40 км на запад, а Осколково находилось в 40 км на восток.

Местность, в которой было расположено Осколково, довольно сильно отличалось от той, в которой находилось Боровское. В первую очередь, отсутствием озера. Кроме небольших мелких степных речек, в этом районе никаких озер поблизости не было, что кардинально меняло картину. Все-таки озеро придавало Боровскому некую уникальность. (Хотя... озеро, оказывается, есть, я просто не знала о его существовании, оно расположено не в самом селе, а неподалеку, с северо-восточной стороны, но для меня его на тот момент не было).

Второй потерей в плане уникальности, являлось отсутствие бора. Он тоже придавал некую сказочность и неповторимость прежней деревне. К тому же, природа была немногоскудна: поля да поля с небольшими околками (такие небольшие лесочки), в которых росли только лиственные породы деревьев, никаких сосен уже не было и в помине. Да и сами эти лесочки были не такие живописные, как по ту сторону.

Единственным приобретением в плане пейзажа являлись только маячившие на горизонте горы. Из Боровского их не было видно, а вот из Осколкова — в самый раз. И это, нас, детей, почему-то страшно радовало. Озеро и бор нам уже порядком надоели, а вот горы были чем-то необычным, недоступным, неведомым и загадочным.

Горы, правда, оттуда виднелись лишь небольшим силуэтом, реально до них еще было очень далеко, но на первых порах нам и этого было достаточно.

А еще в той стороне, где-то там далеко-далеко, около гор текла чарующая река Чарыш. Все это было так необыкновенно, так необычно, что мы не особо переживали по поводу расставания с Боровским. Нас манило неведомое.

Скарб наш ехал на грузовике, а мы сами, всей нашей семьей из 6-ти человек, на легковом автомобиле. Не знаю, чей это был автомобиль, по-моему, его дали от милиции, чтобы нас перевезти.

И вот, наконец, мы приехали на новое место жительства. Наша семья тут вселялась в новую квартиру в новом доме, рассчитанном на две семьи. Из этих новых домов даже была построена целая улица, правда, небольшая: 5 домов с одной стороны, 5 — с другой. Но улица была какая-то тупиковая, с обеих сторон она ограничивалась огородами.

Улица эта находилась почти на краю села с западной стороны. За ней — была еще одна, а затем шли огороды, за ними — небольшой лужок и далее — поля. И только совсем недавно я узнала название этой улицы: Майская, но когда мы там жили, она была без названия, может, где и называлась как-то в документах, но реально — никак, табличек с названием улицы и номерами домов у нас не было. А письма и другую корреспонденцию нам приносили по фамилиям, поскольку все, проживающие в селе жители, были на почте известны.

И вот в этом месте мне предстояло провести всю свою сознательную детскую жизнь, годы учебы в школе с 3-го по 10-й класс.

Этот период я уже помню достаточно хорошо, потому что была уже в более сознательном возрасте, 9 лет, как никак.

Что ж, начну описание места, куда я, вместе со своей семьей попала на 8 лет своей жизни.

Глава 2. Осколково. Путь в деревню

Я уже говорила, что село было расположено примерно в 40–42 км от районного города Алейска. А сам Алейск находился в 120 км от краевого центра — Барнаула. Поэтому, чтобы добраться откуда-то до Осколково, надо сначала доехать до Алейска.

Путь в Осколково из Алейска пролегал по высокой насыпной региональной трассе, которая шла на восток, в сторону... Я даже не знаю, куда там она шла, то ли в Усть-Чарышскую Пристань, то ли в Усть-Калманку, то ли еще куда. Но это не особо и важно. Сначала по самой трассе проезжали поселок Уржум, потом, проехав еще немного, пару километров, поворачивали с трассы налево и попадали в село Толстая Дуброва, проезжали насквозь это село и затем еще 10 км ехали от Толстой Дубровы до самого Осколково, въезжая в село с восточной стороны. Так сюда ходили автобусы. И расстояние от города здесь уже было где-то км 53, ведь ехали, получается, в объезд, давали большой крюк.

Но был еще другой путь, более близкий, с западной стороны. Эта дорога не делала такого крюка, не заходила ни в Толстую Дуброву, ни даже в Уржум, а, не доходя до Уржума, сразу сворачивала налево и, по менее удобной трассе, а потом и вовсе по грунтовой, проселочной дороге доходила до Осколково. Так отец ездил в город и обратно на своем мотоцикле. Так ездили и все другие жители села, если ехали на каком-либо своем, или совхозном транспорте. Но общественный ходил в село вот таким вот странным образом.

Между Толстой Дубровой и Осколковым располагалась какая-то, не очень приятная местность: то ли болотца, то ли пастбища какие, вдалеке виднелись лесопосадки. Перед въездом в деревню протекала небольшая речка —

Мостовка. С западной же стороны места были поприятнее: поля с перелесками.

Деревню делила на 2 равные части речка под названием Паразиха.

Наш дом находился по ту сторону этой самой речки, с западной стороны. Всё б ничего, только все объекты, так сказать, соцкультбыта, находились на другой стороне — на восточной: и магазины, и школа, и клуб, и правление совхоза, и больница, и почта, и прочее.

Нас, детей, в первую очередь интересовало расположение школы. А она, получается, располагалась не особо удобно, ходить было далеко: с запада на восток через всю деревню. На это уходило не менее 20–30 минут.

Впрочем, по ширине, с запада на восток, деревня была не очень большой, ее как раз можно было пересечь за полчаса. А вот с севера на юг она была намного длиннее, несколь-

*Въезд в село Осколково с восточной стороны. Июль 2019 г.
Фото Людмилы Осокиной.*

ко километров, наверное. Я даже никогда не была на этих окраинах.

Наша улочка, Майская, из десяти домов располагалась как бы в низине. А на возвышенности, над ней, на небольшой горке, была еще одна улица — Алтайская, а дальше уже шло поле. Это место называлось Грива. Таким образом, мы жили на Гриве.

Глава 3. Погода и климат

Климат в Осколково был несколько иной, чем в Боровском, посуровее. И уже совсем далече была эта деревня от нашего родового Парфёнова. Не было у нас здесь не только родственников, но и даже знакомых. Всё было чужое и чуждое.

Село это, в отличие от Боровского, было открыто всем ветрам. Зимой здесь частенько бушевали страшные бураны, чего в Боровском никогда не случалось. Бураны эти были хороши лишь тем, что мы в эти дни не ходили в школу, занятия как правило отменялись, о чем сообщалось по радио. И мы были этому очень рады.

Вообще, погода на Алтае была, не в пример московской, суровая. Морозы в 20–25 градусов были обычным явлением. Но они как-то переносились легко. А большими морозами считались те, которые под 40. Ну, соответственно, были и снега, и бураны, и огромные сугробы. Но все-таки, в Боровском климат был более похожим на средне-русский. Там, по крайней мере, буранов не было. Все было как-то мягче, добрее, что ли.

Но, с другой стороны, в Осколково, из-за открытости всем ветрам появилась какая-то легкость, что ли... Природа не так близко подступала к человеку, находилась в некотором отдалении и в меньшем количестве, не была такой

навязчивой. Всё было в облегченном варианте: леса, луга, речки. Было такое ощущение, что какие-то громоздкие декорации унесли и устроили всё по-простому. Я выросла на природе именно такого, облегченного типа, поэтому она мне ближе.

Природа располагалась по большей части с западной стороны, а всё, что касалось людей и цивилизации — с восточной.

Глава 3. Близлежащие деревни

Самые ближайшими к Осколково деревнями были Толстая Дуброва и Уржум. Ну, это то, что мне запомнилось и имело хоть какое-то отношение к нашей жизни. А так там были и еще какие-то поселки, на выезде, например, из Толстой Дубровы на трассу, с другой стороны трассы находился совхоз «Приятельский». Мы даже ездили с отцом туда как-то в поселковый магазин, покупали там что-то для школы.

Где-то в полях, за Уржумом, был совхоз «Александровский», а в юго-западной стороне — поселок Плотáва, именно Плотáва, а не Полтава. Еще село Ветёлки есть, там же, примерно. Там стоит указатель на трассе, что вот Ветелки здесь, немного в стороне. Но что это за поселение такое, не знаю, мы там никогда не были.

В северо-восточной стороне находилось село Брусéнцево. Ведь дело в том, что почти все эти поселения относились к сфере ведения отца, он был участковым не только в самом Осколково, но и в этих селах. Хотя в Брусенцево, по-моему, нет, но частенько упоминалась эта деревня в его разговорах.

Но вот Толстая Дуброва — это самая ближняя деревня к Осколково, и самая с ней взаимосвязанная. Через

нее, в первую очередь, ходили автобусы из города. Она, к тому же, более живописная, более живая, чем Осколково. Там, помнится, какой-то пруд есть в центре села или даже два пруда. Рядом с деревней не голые поля, а околки, лес. И это как-то дает какую-то защиту и уют деревне. И хорошо еще то, что региональная трасса, идущая из районного города Алейска на восток, в сторону Усть-Чарышска, проходит недалеко, буквально в 5–6 км от деревни. У трассы уже начинает брать мобильная связь, а так в деревнях

АЛЕЙСКИЙ РАЙОН

Карта Алейского района. Село Осколково внизу справа.
Взято из интернета.

связи такой нет. Это я говорю уже о современных реалиях. Тогда-то никакой связи мобильной не было, ясное дело.

Что еще сказать про Толстую Дуброву? Странное название у нее. Почему она так называется — Толстая Дуброва, неизвестно. Но мы как-то не вдумывались в это: Толстая и Толстая. Сначала удивлялись, а потом попривыкли как-то.

Отец частенько возил нас на мотоцикле туда в магазины, если чего не было в Осколково, могло быть там. Еще у него там, кажется, были какие-то приятели, немного в отдалении. Раньше в Т. Дуброве была восьмилетняя школа, а среднюю ученики ездили заканчивать у нас, в Осколково. Теперь всё наоборот, что печально. Так что да. Народу в ней сейчас проживает человек 400 с чем-то, меньше, чем в Осколково, почти наполовину, в Осколково где-то 650 человек.

Что касается Уржума, то мы его только проезжали, а так никогда особо туда не заглядывали, не останавливались там. Он стоит как раз на региональной трассе, она делит его пополам. И через него идут все автобусы из города, из Алейска на восток. Там уже связь нормальная, там раньше, говорят, и заправка была. Это удобно, с одной стороны, с другой... Может, и не совсем. Это ведь беспокойство какое — трасса. Но, что есть, то есть. А так Уржум по прямой от Осколково в 10 км, это надо ехать в сторону пасеки, но там грунтовая дорога. А если ехать через Т. Дуброву, то расстояние соответственно увеличивается примерно до 20 км. А от города он, наверное, км в 35, а может и в 20. Кстати, это довольно маленький поселок, человек 260 в нем проживает.

Часть 2. Наш дом

Глава 1. Наш дом

Дом наш в Осколково был сделан не из кирпича, как в Боровском, а из бетонных плит, что было гораздо хуже, так как эти плиты, в отличие от кирпичных стен, зимой жутко промерзали. У нас в этом доме было уже 3 жилых комнаты: детская спальня, взрослая спальня и зал — такая проходная комната во взрослую спальню, а также довольно большая кухня, коридор и веранда.

*Наш дом в селе Осколково. Июль 2019 г.
Здесь давно живет уже другая семья.
Фото Людмилы Осокиной.*

Самыми теплыми комнатами были взрослая спальня и кухня, самими холодными — детская спальня и зал, так как находились с южной, открытой, ветреной стороны. Вторую половину дома с северной стороны занимали соседи: Рысёвы.

Дом наш имел новомодное по тем временам отопление. В грубку — дровяную плиту, был встроен котел, от него тянулись по всем комнатам трубы и батареи, и когда топились грубка, то это отопление активизировалось и таким образом обогревался весь дом. Честно говоря, согревался он не особо, мы сильно мерзли зимой.

Отец сразу же распорядился построить вместо грубки печку, что и было сделано. И в принципе правильно, потому что в деревне как-то без печки никак. Грубка — это так, баловство, а печка — это уже что-то серьезное. Впрочем, и грубка, но уже в составе печки продолжала существовать, но стала называться почему-то по-другому: плита.

Наша детская комната и зал зимой сильно промерзали, углы, выходящие на улицу, были ледяными и с них все время капала вода. Кстати, как раз в таком углу и стояла моя кровать, и мне да, было как-то не совсем уютно от такого расположения. Летом-то ничего, но вот зимой... Порой начинало капать сверху и прямо мне на голову. Но воду смахивали тряпкой и всё, и до следующего раза, пока она снова не накопится. Так вот и зиму проскакивали.

В этом доме всё было как-то бестолково. С одной стороны, как бы было больше места, но использовалось оно как-то нерационально. Взрослая спальня была теплой и просторной комнатой, но полупустой, там стояли только родительская кровать, шкаф, швейная машинка и два стула.

В зале никто не жил. Там стояли диван, круглый стол, трельяж, комод, этажерка с книгами, стиральная машинка, и еще два стула, на эти стулья мы вешали школьную одежду.

Кухня тоже была полупустой. Ну что там было? Печка с плитой в углу, широкая деревянная лавка у окна, обеденный стол, буфет, да несколько стульев.

А вот наша комната, помимо того, что меньше всех, была забита до отказа. Мы жили там вчетвером: бабушка, два моих брата и я. Там стояло 3 кровати, бабушкин сундук и даже у двери маленький столик. Непонятно, почему родители не могли поменяться с нами местами? Но как-то так вот было положено им спать в своей спальне, а нам, детям, в своей, и так вот оно и было.

В коридоре — он был, впрочем, довольно просторным, висела вешалка, стоял рукомойник и в углу — помойное ведро.

Веранда тоже была довольно просторной, светлой. Там стояли 2 стола с закрытыми дверцами, в них у нас хранилась зимой провизия, и еще впоследствии туда поставили газовую плиту. Она работала от газовых баллонов. Ее мы использовали летом, когда переставали топить в доме печь. Правда, первое время мы пользовались для этих целей керосинкой.

У дома также имелось высокое крыльцо, на котором удобно было сидеть в летний период.

Глава 2. Территория около дома

На улице, с западной стороны дома, на некотором расстоянии располагался дровяной сарай на пару с соседями с северной стороны, а уличная уборная располагалась на пару с соседями с южной стороны.

Территория около дома сначала не была огорожена, что было крайне неудобно, нельзя было посадить огород. И мы, помню, пару лет мучились без ограды и без огорода, соответственно, но потом ее все-таки поставили, и всё стало

по-другому, мы смогли, наконец-то, завести огород, и около дома сразу стало как-то уютней.

Отец, после переезда сразу распорядился построить большой сарай для скота, так как в этом дровяном сарайчике наши коровы не помещались. К слову сказать, у нас их было 3: основная, дойная корова, еще двухлеток, который зимой шел на мясо, и маленький теленок, рожденный в текущем году. Помимо всего прочего, мы держали еще 2-х свиней. Одну свинью обычно забивали на 7-е ноября, другую — на Новый год. Еще под Новый год мы забивали бычка. Так всю зиму были и с мясом, и с салом. А летом — и с молоком.

Да, это был, как говорится, необходимый джентельменский набор скота для житья в деревне. Еще правда, полагалось иметь кур, штук 20. У нас было штук 10 когда мы переехали, но потом они перевелись. Очень уж хлопотное это дело — куры.

Почти все, окружающие нас соседи, имели в своем хозяйстве еще и овец, а из птицы, помимо кур, разводили гусей либо уток, но нашей семье такое было не под силу.

Ко всему этому дворовому изобилию, как правило, прилагались еще собака и кошка. Собака, чтобы дом сторожить, а кошка, чтобы мышей ловить. Никто не сидел без дела. Кошка жила в избе, но имела свободный выход, собака — только на улице. Иногда, в большие морозы или в метели, ей разрешалось зайти на веранду, но не более того.

В доме положено было иметь подпол, но рыть его нам приходилось уже самим. Также необходим был и погреб. Он располагался за сараем. Тоже сами делали. Правда, отец пригнал откуда-то экскаватор, он вырыл большую яму, а потом уже сами доделывали.

Подпол располагался на кухне. За кухонной дверью еще делалось специальное отверстие — лаз под пол, для кошки,

чтобы она могла справлять зимой свои надобности, а заодно и мышей ловить. В подполе хранилась картошка. Основная часть картошки засыпалась в подпол почти доверху с осени, потом она постепенно поедалась и приходилось спускаться за ней все ниже и ниже.

Часть картошки хранилась в погребе, но она там обычно промерзала. А так, в погребе, хранились, в основном корнеплоды, помимо всего прочего стояли и бочки с квашеной капустой, а также с солеными огурцами и помидорами.

Часть 3. Школа

Глава 1. Здание школы

Наша школа находилась по ту сторону речки. Она была 2-х этажной. Больше двухэтажных зданий в деревне на ту пору не было. Подход к ней осуществлялся через большую деревенскую площадь, которая была открыта всем ветрам. Зимой в сильные морозы или в бураны перейти такую площадь нам, детям, представлялось большой проблемой.

*Здание школы в современном виде. Июль 2019 г.
Фото Людмилы Осокиной.*

Перед школой росли большие тополя. Это тогда так было, в те годы. Сейчас они куда-то подевались. Сзади находилось большое футбольное поле и школьный фруктовый сад. С правой стороны располагалась сельская библиотека, с левой стороны — клуб.

Соседство с клубом было необычайно удобным, ведь вечером, после занятий, если мы учились во вторую смену, можно было пойти в кино.

Внизу в школе располагалось несколько классных помещений и спортзал, примерно 5, вверху примерно столько же. Но классы на втором этаже были более удобными и приятными для обучения. В них было теплее и уютнее. Младшие и средние школьники учились, в основном, наверху, а старшеклассники — внизу.

Как ни странно, школа мне нравилась, особенно второй этаж, особенно первые от входа два класса.

В холле второго этажа в конце коридора имелось небольшое возвышение типа сцены. (Сейчас, правда, это возвышение убрали). Вот в этом холле, на этой сцене и проходило большинство школьных праздников. Из классов выносили стулья и ставили в ряд перед сценой, и — вот тебе и зрительный зал. Здесь же, на втором этаже, проводились школьные елки. Для малышей — в 10 утра, для школьников постарше — в 13 часов дня, для еще более старших — в 17 часов, и для старшеклассников — в 19. Обычно сами елки проходили 28-го, 29-го, либо 30-го декабря.

У входа в школу имелся небольшой тамбур, там обычно кучковались мальчишки на переменах. У входа в основное помещение школы справа была раздевалка. Здесь кто как хотел вешал свою верхнюю одежду. Зимой раздевалка была переполнена, так много в ней висело зимней одежды.

Напротив раздевалки у окна сидела техничка — школьная уборщица. В ее ведении находился школьный звонок, а также

*Школа. Холл второго этажа. Июль 2019 г.
Фото Людмилы Осокиной*

швабры, тряпки, веники, ведра, которые хранились тут же, под лестницей, ведущей на второй этаж. Слева располагалась деревянная лестница, по которой поднимались на второй этаж, справа — был проход к классам на первом этаже. Здесь же, под лестницей, располагалась и раковина с водой, куда мы бегали пить, мыть руки, либо смачивать тряпку для доски.

В классах назначались дежурные по классу, и они должны были на переменах приводить в порядок доску, стирать с нее все написанное на прежнем уроке, а также должны были проветривать класс, а после уроков, уже начиная с седьмого класса, нужно было остаться и вымыть пол. Да, вот так, нас детей, сразу же приучали к труду.

На 1-м этаже был большой зал или коридор, откуда был вход в учебные классы, они располагались, в основном, по правую руку, 2 класса. Затем в глубине зала был спортзал, прямо по курсу — кабинет физики и далее, в углу, в закутке таком, кабинет химии. Слева классов не было, там были

окна. Правда только сразу у входа был проход в трудовые мастерские, где проводились с мальчиками уроки труда, а у самого входа был кабинет военрука.

Глава 2. Одежда школьников. Школьная мебель тех времен

В школу мы в те времена надевали школьную форму в обязательном порядке, никаких тут вольностей не допускалось. Да никто особо-то не вольничал, потому что у многих детей лучше формы ничего особенного из одежды и не было. Ходили в чем попало дома и на улице, это тебе не город, ну а в школу-то надо было как-то собраться. Девочки носили темно-коричневые школьные платья с фартуками, с черными либо с белыми, смотря по обстоятельствам. В холодную погоду сверху на школьное платье можно было надеть теплую кофту. Брюки девочкам носить было нельзя, в старших классах, правда, разрешали уже.

Мальчики носили пиджаки, рубашки и брюки черного либо темно-коричневого цвета. На физкультуру надевали принесенные из дома физкультурную форму и кеды.

На ноги зимой все надевали валенки или пимы, как мы их называли. Сменной обуви не было, так и сидели все уроки в валенках.

Сидели мы за обычными деревянными партами на 2 человека. Парты были с наклоном, что было достаточно удобно, и с откидной частью спереди, чтобы можно было вставать. Рассаживали учеников учителя, самим выбирать себе место было нельзя. Девочки почему-то непременно должны были сидеть с мальчиками за одной партой. Зачем это делалось — непонятно, правда в старших классах уже особо об этом не заботились.

Поверхность парт красилась либо зеленой, либо голубой краской. В верхней части парты было место для чернильниц и ручек, специальные такие углубления. Надо сказать, что первые два класса и какую-то часть третьего мы писала перьевыми ручками с чернилами. Поэтому носили с собой чернильницы. Руки, естественно, все были в пятнах от чернил, а тетради порой и в кляксах. К тетрадям в те времена прилагалась специальная бумажка — промокашка, чтобы можно было промокнуть написанное, иначе оно расплывалось.

Первые шариковые ручки со стержнями появились где-то в 1970-м году. Мы сдавали на них деньги, 35 копеек, и потом нам выдали эти ручки. Они были очень простой формы, белого цвета с синим колпачком.

Под партой было специальное место для портфеля или ранца. В принципе, такие парты были достаточно удобны, тем, что хорошо закрывали всю нижнюю часть и там много чего можно было прятать.

Впоследствии от таких парт, как от пережитка прошлого, постарались избавиться, заменив их современными столами и стульями. Но столы все равно были на двух учеников, хотя стулья уже стали отдельными. Где-то в 6-м — 7-м классе мы учились уже за новыми столами, от них в классе как-то сразу стало светлее и приятнее. Один у них был недостаток: весь низ был открыт и ничего уже нельзя было спрятать под партой, в частности учебники для списывания на контрольной. Но также ноги хотелось спрятать от излишнего обозрения. Ведь под формой, мы, девочки носили в то время толстые коричневые чулки, они крепились к ногам резинками, толстой либо тонкой, которые сильно врезались в ноги. И порой такие резинки были видны из-под платья, особенно когда сидишь вот так вот. И выставлять эти чулки с торчащими резинками было не очень прилично.

С чулками мы натерпелись в свое время. За ними нужен был глаз да глаз. Они могли собраться в гармошку на коленях, либо вовсе сползти. Также частенько на них образовывались дырки на самых видных местах, на коленях либо на пятках. Но альтернативы простым чулкам тогда еще не было. Ни о каких колготках мы долгое время не слыхали, их еще даже и не изобрели. Но если они где-то и были, то до нас они еще точно не дошли. Зимой, конечно-же, мы поверх этих чулок, надевали теплые рейтузы.

Поэтому все свои детские школьные годы я проходила в чулках и в рейтузах. А впоследствии, в старших классах и в брюках, которые надевались под платье.

Правда, в теплую погоду в конце мая или в начале сентября можно было вместо этих чулок надеть носочки либо гольфы. Либо вообще ничего не надевать, если было очень жарко, в конце мая, например.

Из одежды, помимо собственно школьной формы, в младших классах помню у себя уже голубое пальто осеннее, мне оно очень нравилось. А зимой я носила шубку из искусственного меха табачного цвета, а шубка эта мне почему-то очень не нравилась. Из обуви зимой надевали валенки, осенью — резиновые сапоги. Каких-то других сапог у нас не водилось и обуви другой на осень тоже. Грязь у нас там осенью и весной стояла по колено и пройти в чем-то еще по деревне было проблематично. Но самое главное, этого чего-то еще просто не было, как-то вот резиновыми сапогами обходились.

В сапоги и даже в валенки некоторые мальчишки поддевали портянки. Портянки долгое время носил отец. Потому что носки были довольно дорогим удовольствием. Они быстро рвались на носках и на пятках. Самым сложным было эти портянки правильно надеть, так чтобы они не натирали ноги, и этому надо было учиться. Ну а так, мы дети, в валенки, да и в сапоги в основном, надевали шерстяные носки, которые

вязали либо бабушка, либо мать. На голову я надевала теплый шерстяной платок. Я помню, что носила именно платки, шапок у меня не было. Шапки — это что-то городское. Зимой мне, поверх шубы, порой повязывали огромную шерстяную шаль. Меня укутывали в нее полностью, а концы завязывали сзади. Но такую шаль надевали на меня только в самый сильный мороз, либо в метель, так-то, конечно, в такой шали ходить было смешно, я была в ней как кукла-неваляшка.

Глава 3. Учеба. Учителя

В Осколково я пошла в 3-й класс, 2 класса уже отучилась в Боровском.

Помню нашу классную руководительницу — Ершову Людмилу Георгиевну. Она же вела у нас все уроки. Для учеников 3-го и даже 4-го класса еще не было учителей-предметников. Они появились только в 5-м классе. А так 2 года нас учила именно эта учительница.

Училась я более-менее. В 3-м классе, в третьей четверти, единственный раз за все школьные годы, я стала отличницей, и мое фото повесили на специальную доску почета. А так, в основном, я была хорошисткой, училась на четверки и пятерки.

Потом уже, в более старших классах, у меня появились и тройки, по алгебре и геометрии, и вроде бы еще по какому-то предмету. Русский у меня был на 4, литература на 5, на 5 я тянула географию и историю. Химию и физику на 4.

Директором в школе была в то время Надежда Борисовна Шахова. Это имя, отчество и даже фамилия, по-моему, идеально подходили к ее должности. Но она была слишком высоко для нас, для детей, и существовала для нас чисто фигурально. В реальности мы с ней почти никак не контактировали.

Конечно, знания и любовь к какому-либо школьному предмету, а также и оценки по нему, напрямую зависели от учителей, которые вели этот предмет, и от взаимоотношений с ними.

Из учительского состава смутно припоминаю физичку — хрупкую, бесцветную девушку в очках. Она же, по-моему, вела у нас и химию. Это была выпускница какого-то вуза, отработавшая у нас практику от некуда деваться. Вела уроки она вяло, скучно, лишь бы отделаться. Такое отношение способно убить всякое желание изучать предмет и эти предметы я и не особо жаловала.

Из иностранных языков мы тогда изучали только немецкий. И его у нас вели какие-то практикантки, которые постоянно сменялись, потому что никто из них не хотел жить в такой глуши.

Но двух учителей я запомнила на всю жизнь. Одну — в положительном плане, другую — в отрицательном.

Однажды к нам тоже приехала какая-то практикантка и стала вести то ли историю, то ли русский и литературу, то ли все эти предметы вместе. Но помню, что по какой-то новой зарубежной истории мы стали проходить, мельком так, литературу тех стран: Франции, Англии, Германии. И мне она запомнилась тем, что впервые открыла, во всяком случае, лично для меня, зарубежную классическую литературу. Именно с ее подачи я стала читать Бальзака, Гюго, Диккенса, Лондона, Флобера. И в первую очередь, я прочитала роман Флобера «Госпожа Бовари», и он меня потряс, и я стала мечтать о такой же сногшибательной любви.

Прочитала много книг Бальзака, которые почему-то нашлись в нашей школьной библиотеке. Пробовала читать после Бальзака Диккенса, но не смогла. Мне его стиль после Бальзака не понравился. Так что эта учительница открыла мне целый мир очень интересной литературы, за что я ей

благодарна. Без нее мне вряд ли пришло в голову все это читать. Приключенческие романы и фантастику — это еще куда ни шло. Но что бы вот такое... Нет, я бы даже и не подумала, что это нужно читать. Как ни странно, я как не силюсь, не могу вспомнить ни имени ее, ни отчества, ни фамилии. И вот это действительно, странно, почему так... Придется у кого-то из одноклассников об этом спрашивать. Узнала-таки. Ее звали Лидия Шарапова, и она была местной жительницей, просто училась в городе, а потом вернулась после учебы назад в деревню. Поэтому мне показалось, что она откуда-то приехала.

Еще одна учительница тоже запомнилась мне на всю жизнь. Это учительница математики Ирина Ильинична Шмидт. А вот ее я хорошо запомнила. Она появилась у нас в школе, когда я училась уже в 7-м классе. Выписали ее

*6-й «б» класс с кл. руководительницей Л. Г. Еришовой. 1972 г.
Я — справа от учительницы. Рядом с мной Катя Гринвальд.
Фото из домашнего архива.*

откуда-то из Новосибирска. Уникальность этой учительницы заключалась в том, что она была горбуньей. Да, у нее элементарно был горб, правда, не очень большой, с левой стороны, на левом плече. Как-то так. Говорили, что этот горб появился у нее не с рождения, как это обычно бывает, а в результате автомобильной аварии. Жила эта Ирина Ильинична, как старая колдунья, одна в полупустом доме недалеко от школы.

Она была небольшого роста, черноволосая, с живыми черными глазами. Предмет свой она знала очень хорошо, любила его и преподавала с большим энтузиазмом. Но вследствие своего физического недостатка она была очень злой и терроризировала всех, особенно отстающих учеников. Наверное, учительская должность пришлась ей как нельзя кстати, чтобы оторваться по полной за все свои проблемы. И она отрывалась, не щадя, как говорится, горба своего. Свою жесткость она оправдывала тем, что радеет за качество знаний своих учеников и старается для их же блага. Тут сложно было что-либо возразить. Может, так оно и было, с одной стороны. Но, с другой, можно ведь прививать любовь к своему предмету и не таким варварским методом, можно ведь и с любовью прививать. Как делала это учительница русского и литературы, о которой я тут уже говорила. Тогда можно полюбить предмет, а не возненавидеть его.

Плохо еще было то, что эта горбунья, начиная с 8-го класса, стала нашей классной руководительницей и мучила именно наш класс с особым усердием. Именно из-за этой учительницы у меня в аттестате стоят тройки по алгебре и геометрии и именно эти оценки решили в итоге мою судьбу, мне не хватило полбалла для поступления в МГУ на истфак. Но это я только впоследствии поняла, как можно вот такими делами, всего лишь школьными оценками, сломать человеку жизнь, а сначала меня печалили только тройки в аттестате.

Саму математику я не любила и не понимала, зачем она вообще мне в жизни нужна. Я еще признавала арифметику, да, это надо, сложение там, вычитание, умножение, деление и дроби. Но вся эта фигня алгебраическая мне зачем? Формулы, уравнения, корни, степени? Вообще, я не знаю, кто такое издевательство, как математику, придумал над детьми? Чтобы испортить детям жизнь? И несмотря на то, что математика наряду с русским языком, считалась чуть ли ни первым предметом в школе, на нее было отведено очень много часов, я не понимала, на что она мне лично может в жизни пригодиться. Поэтому и не могла заставить себя добиваться каких-то успехов по данному предмету. Я мечтала только об одном: сдать его поскорее и больше никогда в жизни о нем не вспоминать. И мне действительно в жизни этот предмет никогда не пригодился. Но жизнь испортил. Так что да.

Глава 4. Одноклассники

Из одноклассников в первую очередь я помню Аллу Ершову, поскольку она еще являлась и моей ближайшей соседкой, жила на верхней, Алтайской улице, и частенько заходила за мной, идя в школу. Мы первое время друг к другу в гости ходили, дружили.

Еще на нашей улице, в самом ее конце, жила Тоня Бабанина, она приехала в нашу деревню примерно в 5-м классе и жила она там у родственников

*Алла Ершова.
Фото из домашнего
архива Аллы Ровейн.*

своих. А потом, где-то в 9-м классе, уехала снова куда-то, в Новосибирскую область.

Из мальчиков в нашей стороне жил Витя Альтергот, в соседнем доме с Аллой. А немного в стороне, уже не на Гриве, жила Катя Гринвальд.

Еще была такая девочка в классе — Таня Дёмина, я с ней первое время дружила. Но она жила на той стороне, далеко от нас, так что мы могли общаться только в школе, так вот, через всю деревню, мы в гости друг к другу не ходили.

Я и Дёмина были девочками рослыми, но я была только третья по росту, первой была Ольга Рожкова, второй — Таня. Алка и Катя были девочками среднего, самого нормального для девочек роста. Девочке не очень хорошо было иметь высокий рост, начинали дразнить дылды, оглоблей. Поэтому высокие девочки горбились, стараясь казаться ниже, но это мало помогало.

Я-то была еще не слишком и высокой, самой маленькой из высоких, так что не особо выделялась, и таких уж особых проблем с ростом не испытывала.

Из девочек еще вспоминаются мне Наташа Ефимова и Наташа Локтионова. Помню также Валю Черкашину, с которой мы сидели одно время вместе на первой парте.

Витя Альтергот и Коля Белоруков, одноклассники. Фото из домашнего архива Виктора Альтергота.

Из мальчишек помню Колю Белорукова, Сережу Лаптева, Валеру Беседина, Валеру Борзёнкова.

Мне, естественно, больше запомнились девочки, потому что с мальчишками, нам, девочкам, в средних классах дружить было не принято, нормальной дружбой, естественно. Сразу начинали говорить о дружбе в другом плане. Мальчишки в школе вообще были как-то на вторых ролях, учились они намного хуже девочек, кстати, как-то и не принято было мальчишкам хорошо учиться, сразу могли каким-то заучкой обозвать, мальчишки другие дружить бы перестали.

Самой яркой звездой у нас в классе была Катя Гринвальд. Она была достаточно симпатичной девочкой, приятной в общении, но, самое главное — она умела петь. Она

10-й класс, 1977 год. Я — во втором ряду, первая слева, рядом со мной слева — Таня Дёмина, — справа Валя Черкашина.
Фото из домашнего архива.

*Катя Гринвальд,
одноклассница.*

*Фото из домашнего архива
Ekaterina Grünwald.*

была из семьи алтайских немцев, сама фамилия за себя говорит. Кстати, и в селе, и на Алтае было довольно много немцев, по-моему, это были немцы Поволжья, высланные в годы войны в Сибирь. Одна газета в Алтайском крае выходила на немецком языке и некоторые передачи были по радио на немецком.

В семье у Кати было 12 детей. Даже для деревни это было слишком много, обычно в семьях было по 5–6 детей, поэтому их семья считалась многодетной. Почти все девочки из ее семьи были знамениты тем, что умели петь, поэтому шли на сцену.

Так вот, Катя умела петь. Но первое время она пела не одна, у нас в классе была такая своеобразная певческая группа из 4-х человек, куда входили, помимо Кати еще и я, а также Алка Ершова и Тоня Бабанина. Пели мы под аккомпанемент баяниста, а, в некоторых случаях, и вовсе без музыки. Одна из песен, которую мы пели, была «Огромное небо», ее мы исполняли на различных школьных праздниках. Еще ходили выступать на фермы в красные уголки.

Потом я, почему-то, от этой группы откололась, у меня куда-то пропал голос. Ну, я болела каждую зиму простудными заболеваниями, подолгу лежала в больнице, мне кололи антибиотики, поэтому здоровье несколько ослабло и голос пропал.

Со временем Катя стала петь одна. У нее, как у певицы, сразу же объявились поклонники. Внешность у нее была

в самый раз для звезды школьного масштаба: средний рост, ни худая, ни полная, волосы средне-русые с модной тогда стрижкой «гаврош». Приятное, симпатичное личико.

Примерно в 7-м классе руководство школы закупило аппаратуру для эстрадного ансамбля: гитары, барабаны, микрофон. И Катя стала выступать с этим ансамблем. Это сразу подняло ее на недосягаемую высоту среди девочек не только нашего класса, но всей школы, и никто уже не мог с ней тягаться в популярности. А пела она такие песни как «Лебединая верность», «Яблоки на снегу», «Червона рута», «Надежда» и другие, популярные на тот момент, песни советских композиторов, как говорится.

Часть 4. Вспоминая детство. Детские забавы

Глава 1. Речка и мост

Через все село протекала речка под названием Паразі́ха (придумать же такое!). Впрочем, на карте она называлась — Порозиха (недавно нашла еще одну версию названия Порозиза), но тогда мы об этом не знали. Такое название у нее было якобы потому, что она текла не так, как обычно текут реки: с севера на юг, а наперекор судьбе: с юга на север. Все равно, название какое-то, не очень благозвучное. Но никто ее по имени и не называл, звали просто речкой и всё.

Речка Паразі́ха протекала как раз по центру деревни с севера на юг, деля ее на две части, Осколково было вытянуто в длину на несколько километров как раз по берегам этой речки.

Речка была небольшая, в ширину всего несколько метров, может быть, 5–6, где-то чуть побольше 8–10. Само русло было пошире, метров 50, как минимум, по большей части, оно было все заросшее раkitником. С одной стороны берега были крутые, с другой — пологие. Дно у речки было песчаным, а сама она неглубокая в основном течении, максимум, по колено. Но так было не везде. В некоторых местах образовывались ямы и там можно было даже купаться, глубина была довольно основательная. Но такие места надо было искать, ведь каждый год они бывали в разных местах. И то место, которое в предыдущем году

было глубоким, в последующем году могло совсем обмелеть. И нам, детям, очень важно было найти в текущем году места для купания. Так как летом мы все свое свободное время проводили, в основном, на речке.

Я ходила на речку вместе со своими братьями и их друзьями — местными ребятами. Ходили целыми такими стайками.

Переехать эту речку можно было только по одному мосту, который находился ровно посередине деревни. Мост этот представлял из себя ужасное зрелище, он был очень узким, весь в колдобинах. Но самое главное: располагался достаточно низко над водой. Летом-то высота была как бы нормальной, никто особо и не жаловался, но весной эта маленькая речка сильно разливалась, затопляла всё своё, достаточно обширное русло, и мост скрывался под водой примерно недели на две. Происходило это в конце марта — начале апреля, а порой и в середине апреля. И это было крайне неудобно для всех.

Совхоз, конечно, налаживал временную переправу с помощью лодки. Но детям ездить в лодке без родителей не разрешали. И в школу мы ходить уже не могли. Поэтому и каникулы нам старались делать чуть позднее, когда разольется речка. Конечно, ее разлив доставлял много проблем не только нам, детям, но и взрослым, ведь все магазины, учреждения находились на другой стороне, а ночью в темноте вообще нельзя было переправиться через речку, даже на лодке. И если что вот так бы случилось в этот период, то никоим образом никуда нельзя было выбраться.

Но потом вода благополучно спадала, и мы получали радость обретения моста и той стороны, обретения школы, клуба, магазинов.

Этот мост элементарно вместе с паводком могло унести водой и для начала еще надо было удостовериться, что он,

после всего происшедшего с ним, на месте. И непонятно, почему не могли построить другой, более приличный мост, это же получается объект первой необходимости в деревне, как вот жить без моста? Ну, конечно, необходимость в новом мосте возникала, в основном, тогда, когда разливалась речка, а так-то можно было и жить. Но вот почему-то долгое время не могли его сделать, кстати, он так и простоял еще много лет после моего отъезда из деревни и только в 2017-м году построили новый мост. А так еще 40 лет он все стоял.

И вот каждый день мы должны были ходить в школу через этот мост. Осенью, в грязь, там образовывались жуткие ямы, в которые мы дети, порой проваливались по колено. А если занятия были во вторую смену, то идя после школы домой, мы непременно в эти ямы заваливались, так как осенью темнело рано, ничего уже не было видно, когда мы шли, а освещения практически не было никакого, разве только что луна на небе. Это мы здесь, в Москве привыкли к постоянной освещенности улиц в любое время года и суток. А там, в деревне, ничего почти не освещалось. Редко где на каком столбе могла висеть какая-то одинокая лампочка, да и та вскоре перегорала. Хорошо, если иногда светила луна, а если нет, то вот так вот и приходилось лазить по улицам на ощупь в темноте. Правда у некоторых имелись фонарики, но они тогда тоже были редкостью. Общественного же транспорта по деревне никакого никогда не ходило.

И вообще там было довольно страшно, в районе моста, там ведь на подходах к мосту и кусты кругом были, ракитник. Так что перейти этот мост для нас, детей, было целой большой проблемой. Но куда деваться? Идти-то как-то надо, как можешь, так и иди. И как-то шли. Особенно страшно было

возвращаться после кино, после вечернего сеанса, он ведь поздно кончался, часов в 9 вечера. Поэтому, да.

Но вернусь к речке. Для того, чтобы как-то в других местах можно было через нее перебраться и не замочить, так сказать, ног, кое-где были проложены так называемые лавы. Это такие сооружения, когда несколько длинных бревен, обычно 3–4, соединялись вместе и на невысоких опорах водружались над водой, на полметра где-то или на метр. Иногда к ним прилаживали еще и перила, чтобы было за что держаться, ведь лавы были довольно неустойчивыми и с них легко было упасть. В основном, ими пользовались взрослые, а мы и так могли речку летом перейти по воде. Все равно босиком ходили. И в двух-трех местах эти лавы точно были. Кажется, был и еще какой-то висячий мост с южной стороны деревни, точнее даже не мост это был, а какая-то плотина, но весной ее тоже, по-моему, заливало. (Нет, именно мост.)

Места, в которых мы купались на речке, назывались по фамилиям тех семей, чьи огороды выходили на тот берег речки: под Лаптевыми, например, или под Медведевыми. Иногда назывались просто: под лавами или под мостом.

Да, и под этот мост мы пару лет ходили купаться, там одно время было довольно глубоко. И очень нас развлекало это купание под мостом. Я помню, что мы еще прыгали в речку с моста, ныряли, это считалось особой доблестью. И не каждый еще решался на это, потому что мост для нас, детей, был в то время довольно высоким сооружением. Нравилось нам и плавать под мостом, там тоже было интересно: выплывать из-под моста на другую сторону. Но на другой стороне почти никто не купался, основное купание было сосредоточено на этой стороне. Это если идти от нас, с западной стороны, то слева, а если из центра села, то справа. Это было основное купальное место. Здесь

речка немного расширялась и получался небольшой такой бассейн для купания, вот там мы и резвились. Никакого пляжа около речки, конечно же, не было, все берега были в зарослях раkitника и нам едва хватало места на какой-нибудь береговой кочке, чтобы скинуть свои скромные пожитки: платица, сарафанчики или штанишки, чтобы залезть в воду.

А обувь мы почти летом не носили, всё лето, а особенно в жару, а, тем более, на речку, ходили босиком, и ничего.

У моста мы купались недолго, всего пару лет, потом это место после очередного паводка занесло песком, и глубина его стала не больше, чем по колено, купаться там стало невозможно, и поэтому пришлось искать другое место. Помню, ходили под какие-то лавы в южную сторону от моста, довольно далеко от дома, но все еще в пределах деревни. Там долгое время, года три, было отличное место для купания, достаточно глубокое, с песочком, но потом и оно после паводков затянулось песком.

Глава 2. Лужок

Помимо купания в речке, были у нас летом и другие забавы. Например, игры на лужке, за огородами.

Чтобы попасть на этот лужок, нужно выйти за деревню. А она кончалась за следующей улицей.

Можно было просто пойти туда по дороге, но она находилась немного в стороне, а обходить мы не любили. А можно было пройти по такой тропинке, которая располагалась между двумя огородами. Да, там был проход между огородами на этот лужок. Так-то это вроде была обычная канава, но летом она обрастала всякой зеленью: ежевикой, малиной, крапивой, репейником, и надо было

идти сквозь сплошной зеленый коридор, что уже было непросто, особенно учитывая нависшие над нашими голыми руками и ногами стебли и листья крапивы. И в этом проходе хоть и страшно было, но все равно была какая-то своя прелесть и таинственность. И мы, очень боясь сначала, все-таки, ходили по нему, радостно выныривая потом с другой стороны, как бы пройдя сквозь какой-то темный и опасный лабиринт. Такой штуки, как этот странный проход, я нигде больше не встречала, и когда в первый раз меня местные дети повели через него, я была сильно поражена увиденным.

Выйдя из прохода, мы попадали на лужок. А вообще, взрослые называли это место «за огородами». В это место как раз и выходили огороды жителей, живущих с той стороны улицы, на Гриве, а за самими огородами и между располагающимся неподалеку полем, оставалось как раз небольшое местечко, метров 50, которое использовали для выгула маленьких телят, коз и прочей живности. Помнится, и наш теленок там порой пасся. Мы вбивали в землю колышек, к колышку привязывали веревку, а на веревку сажали теленка, родившегося этой зимой либо весной. И он целый день там пасся, на этой траве. И мы, дети, должны были своего теленка утром привести, вечером увести, ну и днем еще одним глазом за ним приглядывать, а то, мало ли что... Ну а сами порой какое-то время резвились неподалеку.

На лужке ничего такого особенного не произрастало, обычная трава-мурава, разнотравье такое: розовые цветочки — клевер, белые — тысячелистник, желтые — кашка, оранжевые — львиный зев. Но я часто набирала букет из таких вот луговых цветов и ставила дома в банку. Они украшали комнату. Ставить дома было принято именно луговые, лесные цветы, принесенные откуда-то, из своего палисадника никто ничего не рвал для букетов в дом.

И вот этот незатейливый лужок мне запомнился на всю жизнь: цветение этих луговых трав, стрекотание кузнечиков, высокое яркое солнце на небе. Именно об этом я и написала впоследствии свое пейзажное стихотворение «Из детства»:

*О как высоки были те разливные луга!
Они удивленно глазами ромашек смотрели,
А в небе дрожала полдневного солнца дуга,
И сыпал кузнечик в траву свои дикие трели.*

*Я падала в солнце, в цветы, в синеву, в высоту!..
Вбирала слепой и настойчивый вкус аромата...
А солнце смеялось, свою осознав доброту,
Плескалась над лугом река раскаленного злата.*

*Крадущийся сумрак входил и ложился на луг,
И луг затихал, замирал в первобытной печали...
Полнеба вбирал переполненный золотом круг...
И струны заката все тише и тише звучали.*

1982 г

Именно так всё и было. Этот лужок за огородами стал для меня олицетворением всех лужков России, самым лучшим лужком в мире.

И вот закат солнца на этом лужке как раз и происходил, так как это была западная сторона деревни и закат именно с этой стороны был достаточно хорошо виден.

«Крадущийся сумрак (в некоторых вариантах «свещающийся») входил и ложился на луг,

И луг затихал, замирал в первобытной печали!..»

Луг ведь при дневном свете стрекочет, живет. Как только солнце садится, тут же стрекот прекращается. Как будто его выключили, ведь насекомые реагируют на солнечный свет.

И виден был огромный диск солнца, которое садилось за полем. Поле за лугом в этом месте было с небольшой горкой, поэтому солнце уходило за горку, и было очень красиво. Это одно из самых красивейших впечатлений моего детства. Дневной лужок с ярким полуденным солнцем, стрекотом насекомых, запахом трав и цветов, и вечерний лужок в лучах заходящего солнца, в полумраке, притихший, с запахом, но уже других, ночных цветов, с вечерней сыростью и с нисходящим на землю покоем.

Лужок этот распространялся и в ту, и в другую сторону на какое-то расстояние, но мне нравилось больше всего именно это место: около выхода из канавы, оно захватывало по размеру два огорода: слева и справа.

В более старшем возрасте, лет в 14–16, я ходила на этот лужок заниматься гимнастикой, мы ходили туда с Тоней Бабаниной, одноклассницей моей, делали там «колесо» — это боковые кувырки, мостики и тренировались в делании шпагата.

Глава 3. Тропинка в поле

Между лужком и полем проходила небольшая грунтовая дорога. Также, неподалеку находилась и поперечная дорога, которая шла уже через всё это поле на ток. Вдали, км в 2–3 от деревни, виднелся небольшой лесок, и вот там, около этого леска, располагался ток, куда свозили урожай зерновых со всех близлежащих полей для предварительной обработки. На поле на этом росла, в основном, пшеница, но были годы, когда на нем сажали и что-то еще, возмож-

Пруд в полях. Июль 2019 г. Фото Людмилы Осокиной.

но, подсолнечник, а может и кукурузу. Но мне запомнилось именно пшеничное поле.

Помню, как однажды летом, через это поле, наискосок, кто-то проложил тропинку, дорожку такую, которая тянулась через все поле и выводила к какой-то другой речке, к другому лужку. И вот мы, дети, потом по этой дорожке через все это поле целое лето бегали. Это было так увлекательно!

Сначала пшеница по обеим сторонам дорожки была невысокой и доходила где-то до колен. Потом стала доходить до пояса, потом выросла до плеч, а позже и вовсе стала скрывать нас, детей, с головой. Даже страшновато было порой идти по этому пшеничному коридору, а вдруг заблудишься, если сойдешь с тропинки и придешь неведомо куда? А вдруг эта тропинка все будет идти, идти и никогда не кончится? Можно было присесть и спрятаться в этой пшенице с головой, мы прятались так друг от друга, а потом бежали дальше.

Тропинка эта сначала поднималась в горку, потом опускалась в некую ложбинку, потом опять поднималась на холмик, затем снова спускалась и выводила нас в нужное место — на небольшой лужок.

Тут текла совсем маленькая полевая речка Пáшиха, которая где-то там впадала уже в нашу, деревенскую речку. А через нее в этом месте построили плотину и образовался маленький прудик, кишмя кишевший мелкой рыбешкой: пещарями и гольянами. Как-то мы с братьями взяли с собой удочки и наловили там много таких рыбешек, рыба клевала безостановочно.

Еще в этом месте была пара ложков, в которых в начале июня можно было набрать щавеля на суп, в конце июня он весь был усыпан ягодами земляники. И мы лакомились ей и набирали в небольшие лукошки.

В эту речку впадала еще какая-то речка, текущая со стороны тока. (Посмотрела по карте, эта речка называется Крути́ха). Она тоже вся заросла раkitником.

По ту сторону той, другой речки, рос совершенно запущенный совхозный сад. Мы туда тоже забирались и рвали там то вишни, то сливы, а то смородину или ранетки. Именно из этого совхозного сада я как-то весной вырвала и унесла домой куст черной смородины и посадила около дома. А Алка Ершова притащила домой куст вишни. И вот мы вдвоём тащили эти кусты через все поле. Я тогда была увлечена выращиванием всякого рода растений и хотелось иметь что-то стоящее около дома, но где было взять посадочный материал — непонятно. Поэтому приходилось и таким вот способом добывать.

Глава 4. Дубровы

Нас, детей, манили не только эти ближайшие лужки и поля, но и видневшийся вдалеке лес, или как мы его называли — дубр^овы. Назывались они именно дубровы, через «о», а не дубравы. Это местный такой диалект.

В лес попасть пешком было не так-то просто, он находился где-то в 2–3 км от села.

Добраться до него можно было и по дороге, идущей через поле в сторону тока, и по другой дороге, немного севернее. Там проходила своеобразная трасса, была насыпана насыпь, а саму насыпь сверху еще засыпали щебенкой. Собственно дубровы находились именно с той стороны, со стороны трассы, а остальной лес назывался просто лесом.

*Село Осколково. Окрестности, дубровы. 2019 г.
Фото Людмилы Осокиной.*

*Село Осколково. Окрестности, дубровы. 2019 г.
Фото Людмилы Осокиной*

Как раз по этой насыпи шла прямая дорога на Алейск, и непонятно было, почему здесь не ходили автобусы в город? Зачем делался такой крюк — через Толстую Дуброву? Но дело, видно было в самой дороге, потому что насыпь со щебенкой кончалась где-то за дубровами, а дальше шла обычная грунтовая дорога, и в трассу с покрытием она превращалась опять где-то недалеко от Уржума. Поэтому ездить по таким вот, грунтовым дорогам, без риска можно было только в хорошую погоду, а вот в дождь можно было и застрять в грязи. Наверное, поэтому предпочитали не рисковать.

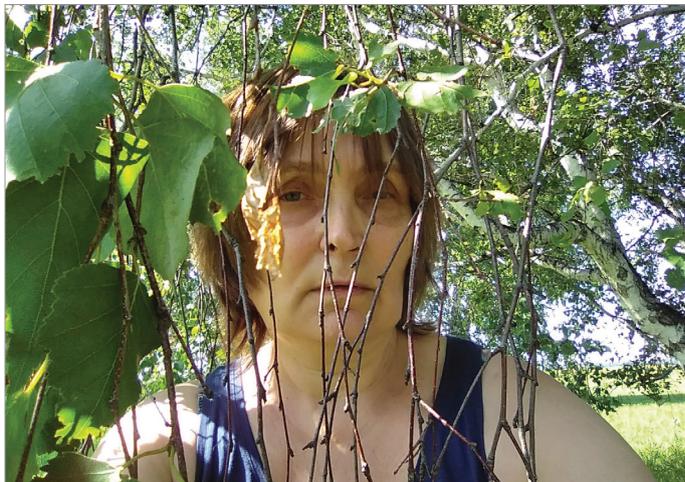
Но на отцовском мотоцикле мы пересекали везде, потому что вытащить его из любой лужи или ямы больших проблем не представляло. И в первую очередь мы ездили по всем этим лескам, отец нас туда возил.

Потом у нас появилось 2 подростковых синих велосипеда, и мы уже сами на них ездили в лес. Это было самое удоб-

ное, так как отец не часто мог нас куда-то возить, он ведь работал.

Ездили мы в эти леса не просто так, а по делу: за ягодами, за грибами или за цветами. Просто так, ради прогулки или, как сказали бы горожане, «подышать свежим воздухом», мы в лес не наведывались. Воздухом мы и так дышали, и он везде был свежим, так что куда-то специально идти или ехать ради таких глупостей не имело смысла. Помешательство на свежем воздухе было чисто городским безумством, и мы никогда им не страдали. Пожалуй, мы даже и не догадывались, что воздухом надо дышать, оно как-то само собой происходило.

Вернемся к нашим дубровам. Их было две: маленькая и большая. Маленькая находилась прямо у дороги — слева, а вот к большой надо было идти через маленькую дуброву, и далее — через большой луг. Справа от луга находилось пшеничное поле.

Я в дубровах. Селфи. Июль 2019 г.

Вот этот лужок перед большой дубровой также произвел на меня неизгладимое впечатление и запомнился на всю жизнь. Именно вспоминая его, я потом написала небольшое стихотворение «Гуляю я с березками по лугу...». Поскольку этот лужок был при леске, то на нем росло несколько березок, одна из них — с тремя стволами, идущими от земли. И вот эта березка с 3-мя стволами и находящийся подле нее прелестный лужок являлись прекрасным местом для отдыха. Мы обычно именно под нею переводили дух после утомительного путешествия к дубровам. Помню, что на лужке около этих березок я как-то нашла несколько маслят. Так что этот лужок с березками врезался в мою память и остался запечатлен мною в одном из самых известных моих пейзажных стихотворений.

*Гуляю я с березками по лугу...
Рябинку обниму — свою подругу.
С ней пошепчусь, и поделюсь секретом...
Как хорошо бродить по лугу летом!
Смотреть на солнце в радости спящей,
И на траве прикидываться спящей...*

1986 г

Первую дуброву можно было обойти в два счета, за какие-нибудь полчаса. Да там ничего особенного и не водилось. А вот во второй дуброве как раз и хранились все лесные сокровища, которые нас привлекали. За той, второй дубровой, было еще несколько околков, которые тянулись в западном направлении, но недалеко, так как там они вскоре ограничивались полями. Тянулись они и в южную сторону, в сторону тока, и в том направлении шли сплошные околки до самого тока, но опять же не слишком далеко. И там этот

дубровный массив в итоге завершался полями. По размеру этот лесной массив был где-то километра 3 в длину и пару километров в ширину. Это был самый большой ближайший лесной массив к нашей деревне, он являлся для нас основным лесом.

Сбоку, с правой стороны от маленькой дубровы, был еще небольшой околочек. Когда мы шли или ехали из большой дубровы, то иногда заглядывали и туда. Помнится, как-то мы нашли там очень много каких-то коричневых грибов и все их пособирали. А на следующий год мы уже ничего подобного там не нашли, как не искали, и в следующем году тоже. Но мы все равно периодически заходили в этот лесок, надеясь там хоть что-нибудь найти, но так ничего почти там и не находили, так, если только пару каких-нибудь незатейливых грибков.

В основном, в эти дубровы мы ездили по грибы. Мать у нас была большой любительницей собирать грибы. Отец же на мотоцикле привозил нас с матерью к лесу и оставлял часа на 2, на 3, и мы бродили по этим дубровам, собирая грибы. В основном, собирали «подосиновики», либо «подберезовики», на самом же деле это были просто сыроежки, синего, либо красного цвета. Красные у нас были подберезовиками, синие — подосиновиками.

Кстати, я только в Москве узнала, что настоящие подосиновики и подберезовики совсем другие, и у нас они не росли.

Собирали также лисички, маслята, всякие там волнушки, синюшки, краснявки и синявки, ну и, конечно же, грузди. Груздь являлся самым ценным грибом в нашем регионе, наподобие белого гриба, (кстати, и белые у нас не росли) поэтому и считалось большой удачей его найти. Иногда находили целые полянки груздей. Грузди ведь не росли так открыто, как растут обычно другие грибы:

*Брат Сергей в подсолнечном поле около дубров. Июль 2019 г.
Фото Людмилы Осокиной*

шляпкой вверх, они были почти полностью спрятаны под листьями, в земле, и была видна лишь слегка приподнятая выпуклость на месте грибного семейства. И поди догадайся, что там? — то ли собственно грузди, то ли просто какая-то кочка. Но когда уже найдешь, откопаешь, разгребешь его, то да, это был волнующий момент: срезать груздь и положить его в ведро. Но при этом надо было обязательно посмотреть на срезе ножки, не червивый ли гриб. И было очень обидно, когда какой-либо замечательный гриб оказывался червивым и его приходилось бросать. Правда, если была одна, две или даже три дырочки, то мы все-таки брали такой гриб. А что, разве можно из-за каких-то там пары малюсеньких червячков бросать вполне пригодный гриб? Какие-то там малюсенькие червячки в нем, чего их бояться, что они могли нам сделать? Мать в таких случаях любила приговаривать, кладя относительно нечервивый гриб в ведро: «Это не те черви, которых мы едим, а вот те черви,

которые нас будут есть!» Что при этом имелось ввиду, мне тогда не совсем было понятно, но в принципе ясно, что она имела ввиду, что не нужно бояться тех червей, которых нам приходится есть, а нужно бояться тех червей, которые нас будут есть.

Да, поиски грибов были увлекательным занятием, и мы, наполнив свои ведра, выходили к условленному месту, где ждал нас отец. Проблема была в том, что ведра с грибами были довольно тяжелыми, поэтому, чтобы доставить их до дома, требовался транспорт. Немыслимо было идти от этих дубров 3 км с ведрами. Поэтому отцовский мотоцикл был в этом деле вещь незаменимой. Но от этих дубров, все-таки, худо-бедно, можно было и пешком дойти. Однажды мы с матерью все ж-таки прошли пешком с этими ведрами. Правда, мы несли их на плечах.

А вот бывали дальние околки, до которых пешком уже никак не доберешься. В такие места отец ездил с матерью за грибами, но нас, детей, туда уже не брали.

Осколковские березки. Июль 2019. Фото Людмилы Осокиной.

Еще ходили в эти дубровы за ягодами. Собственно ягодами мы называли землянику, растущую либо в дубровах, либо на лугах. На самом деле это была клубника, луговая. Но это я потом узнала. Но нам это было без разницы, как она там называется. Для нас это была земляника, но в принципе, это такая местная особенность так эти ягоды называть. (А выращенную в саду клубнику-землянику почему-то на Алтае называют викторией, это тоже местная особенность). За земляникой в больших количествах лучше было ехать в дальние луга, там уж ее точно было — завались! И если надо было нарвать ягод, чтобы сварить варенье на зиму, то отец отвозил нас с матерью, а порой и с бабушкой, в такие луга и оставлял нас там на весь день до вечера, а вечером приезжал и забирал. Луга эти находились по берегам каких-то полевых речек, а поскольку речки эти были далеко в полях и люди из деревни туда почти не ходили, то там можно было насобирать девственно растущую землянику и в больших количествах.

Но собирать ягоды в отличие от грибов, было не таким уж легким делом, это был, довольно-таки, тяжелый труд и, в основном, по женской части. Поэтому мальчишек с собой мы не брали, толку от них было мало. Ведь надо было сгибаться в три погибели, рыская в этой траве, довольно высоко, выискивая ягоды. Конечно, после таких тяжелых трудов болело все: и поясница, и спина, и руки-ноги, но все равно было приятно набрать в итоге несколько ведер таких вкусных спелых ягод.

А в лесах, в дубровах этих, собирали еще и черную смородину, и малину, а также черемуху. Черемуха была подлинным лакомством, и мы очень ее любили. Во-первых, любили есть так, наедаясь вдоволь. Ну, а потом собирали уже и на зиму. На зиму черемуху или сушили, или делали из нее варенье. Но не варили, а просто прокручивали че-

рез мясорубку и смешивали с сахаром, после чего раскладывали по банкам. Помню эти трехлитровые банки с черемуховым вареньем у нас, в нижней части буфета. За весь срок хранения они сильно закисло, потому что, по всей видимости, в них сильно не докладывали сахара. Но все равно мы это варенье ели, несмотря ни на что. Также делали из него начинку для пирожков. Впрочем, для начинки существовала и сушеная черемуха, ее толкли в ступке, смешивали с сахаром и с водой и получалась замечательная, вкусная начинка.

Также в лесах заодно рвали на зиму смородиновый лист, чтобы заваривать с ним чай. Отец такой чай очень любил.

Еще собирали в лесу под деревьями костянику — ярко-красную, очень кислую ягоду. Она была поздней ягодой и появлялась вместе с грибами. И вот когда искали грибы, то рвали заодно и костянику, особенно если грибов почему-то не попадалось. Тогда только костянику и приходилось собирать. Не будешь же уходить из леса с пустыми ведрами! Мать очень увлекалась этой ягодой, она делала из нее потом что-то вроде вина. У нас в погребе стояла целая большая кастрюля с такой вот брагой из костяники.

Осенью собирали в тех же лесах калину. Она была нам очень нужна, опять же, в качестве начинки для пирожков. Но она тоже была очень кислой и так просто ее есть было невозможно. Поэтому ее сначала томили в печи вместе с сахаром, получалось очень вкусное яство со специфическим тонким вкусом. А смешав калину с измельченной сахарной свеклой, также испеченной в печи, получали отличную начинку для пирожков.

Из ягод еще росла по берегам рек ежевика, но мы ей как-то особо не увлекались.

*Внучка Рита с братом Сергеем, в полях около дубров.
Июль 2019. Фото Людмилы Осокиной.*

Черную смородину по лесам собирать было накладно, ее было там не особо много, и набрать нужное количество для того же варенья было проблематично. Поэтому мы в таком случае поступали по-другому: отец нашел в нашем районе специальные ягодные питомники, он возил нас с матерью туда, и там, за определённую плату, мы собирали эту ягоду в нужных для нашей семьи количествах. Также он привозил уже из другого питомника яблоки, точнее ранетки, на варенье. Целый мешок однажды привез, и мы наварили на зиму огромное количество банок яблочного варенья.

Глава 5. За цветами

Еще мы ходили в лес за цветами, и не за обычными, полевыми, которые росли повсюду, за теми же огородами, а за вполне определёнными, особыми цветами, в разное время года за разными. Но, в основном, это происходило весной: ранней, средней или поздней, когда ничего в лесах еще и не было.

Самыми ранними цветами были желтые первоцветы — адонисы, они появлялись, когда еще только-только начинал таять снег и никаких других цветов еще не было. Нельзя сказать, чтобы мы очень ими дорожили, но за неимением лучшего, рвали и их.

Но самыми первыми, настоящими цветами были подснежники, вот за ними мы и охотились, спустя некоторое время после появления адонисов. Правда, настоящие, подснежники у нас не росли, это была сон-трава, но для нас она была подснежниками. За ними приходилось добираться на своих двоих, так как отец не хотел такими глупостями заниматься — ездить за цветами. Правда иногда он это все же делал.

Вслед за подснежниками появлялись кукушкины слезки — темно-синие с желтым цветы со сказочным запахом. Они росли только в лесу. И найдя такие цветы мы замирали от счастья. Вообще-то, по-научному эти цветы назывались ирисами, но кто тогда об этом знал?

Потом, где-то с середины и до конца мая, а то и до середины июня приходил черед огоньков. Их надо было нарвать непременно, иначе весна не могла считаться весною. Огоньками были ярко-оранжевые, либо желто-оранжевые цветки, размером в 2–4 см, похожие на маленькую розу. Впрочем, опять же, по-научному эти цветы назывались купальницей.

После того, как на опушках леса растаивал отчасти лесной снег и образовывались небольшие озерца с водой, эти цветы появлялись именно в этой воде. Они росли поздней весной на лужке у второй дубровы, было их немножко и в маленькой дуброве,

Огоньки

но лучше всего за ними было ехать на пасеку за 5 км на юго-запад от деревни, в сторону Уржума. Там эти цветы росли почему-то в изобилии и можно было нарвать их столько, сколько захочется. Напав на место с огоньками, мы набирали себе по огромному букету и, счастливые, возвращались с ними домой. К огонькам бесплатно прилагались еще и темно-коричневые колокольчики, они росли вперемежку с огоньками, и мы заодно рвали и их, чтобы разнообразить букеты. Да и сочетание было неплохое: оранжевое с темно-коричневым. Как реально назывались эти цветы, я до сих пор не выяснила. Я нигде таких больше не встречала.

Сам вид этих огоньков приводил нас, детей, в состояние неопишуемого восторга! И букеты с огоньками в то время красовались почти в каждом доме. Также эти букеты дарились учителям на Последний звонок, на 25 мая, когда никаких цветов в садах еще не было. Так что огоньки были как нельзя кстати в тот момент.

Позднее появлялись в лесах и ландыши, мы тоже за ними ходили, правда, уже без особого энтузиазма, так как он уже был растрочен на более ранние цветы, но под занавес собирали и ландыши. На самом деле, это были

вовсе и не ландыши, а лишь похожие на них цветы, как они назывались, уж и не припомню.

Но самыми чудесными цветами у нас считались «марикоренья». Найти их, нарвать и принести домой считалось верхом необычайной удачи и на счастливичиков с этими цветами смотрели с завистью. Но найти их так просто было нельзя, ни в каких дубровах они не росли. По слухам их можно было разыскать в районе пасеки, но не всегда эти поиски могли увенчаться успехом. А так, реально, они росли очень далеко, в каких-то дальних ложках, которые находились непонятно где, во всяком случае, пешком до них было не добраться. И мы просили отца: «Пап, отвези нас за марикореньями, поехали за марикореньями!» «Марикоренья» были верхом какого-то необычайного природного волшебства, какой-то изумительной природной тайной. И мы хотели быть причастными к ней.

И вот однажды отец отвез-таки нас в какой-то дальний ложок, очень далеко от деревни в юго-западном направлении. И вот на берегу безымянной луговой речки мы обнаружили эти самые марикоренья. И были на седьмом небе от счастья! Конечно же, мы нарвали целый букет и с этим вожделенным букетом вернулись домой. Этот букет был для нас истинным сокровищем. И мы были очень довольны, когда водрузили потом его дома на стол.

Сами цветы имели бордовый, либо фиолетовый цвет с желтыми чашечками. По-научному же они назывались «марьин

«Марикоренья»

корень» и представляли из себя одну из разновидностей дикого пиона. Они были вовсе без запаха, также, как и огоньки, но нас это совершенно не смущало. Они радовали нас своим внешним видом и наполняли душу необычайным счастьем.

К разряду цветов весной относилась и черемуха, но поскольку она не была такой уж для нас недоступной, а росла повсюду и в самой деревне, мы по ней так уж сильно не страдали. Но всё равно радовались ее цветению и обязательно нарывали целые букеты из черемуховых веток и ставили дома. И тоже от этих букетов с черемухой в доме веяло волшебством.

Сирень тоже привлекала нас своим цветением и чудным запахом, но поскольку в диком виде она у нас не встречалась, а так росла мало у кого, поэтому раздобыть ее было непросто. Надо было либо просить у кого-то, либо пускаться на воровство. Это было достаточно сложно, поэтому мы ее ввиду конечно, имели, но это как повезет. Продавать же ее в деревне никто не продавал.

Цветочная эпопея завершилась где-то в середине июня, когда отцветали последние весенние цветы и появлялись первые ягоды. Тогда всё внимание переключалось на них. И возвращались мы к цветочным страстям уже в конце августа, поздним летом, ближе к началу учебного года. Тогда расцветали в садах главные виновники торжества: георгины и гладиолусы. Ведь требовалось раздобыть цветы для букета учителям на первое сентября, поэтому да, цветы снова привлекали к себе внимание.

Глава 6. Весенние костры и уличные игры

Весной, когда сходил основной снег, полагалось жечь костры. Где? Да где угодно! Взрослые обычно делали это на огородах: сгребали всякую прошлогоднюю ботву, листву, стебли, собирали в кучи, сжигали, а уже потом принимались возделывать землю под новый урожай.

А мы, дети, жгли костры на каком-нибудь близлежащем лужке, либо пустыре, или за огородами. Но, в отличие от взрослых, которые занимались этим делом днем, мы жгли свои костры по вечерам, и, таким образом, они у нас получались более зрелищными. Мы собирали для своих костров остатки всяких буйных трав, которые не росли на огородах: бурьян, например, или репейник, или крапиву, или полынь, которые на пустырях порой вымахивали выше человеческого роста. Кто ж им позволит на огородах так разрастаться? Их там попросту выпалывали. А вот за огородами — пожалуйста! Вот они и старались вымахать выше некуда. Потом всё это буреломье шло на наши костры. И, поскольку в них не было никакого хозяйственного смысла, они и были самыми замечательными. А возле них собирались мы, дети, и начиналось самое настоящее веселье. Чем мы при этом занимались? Играли во всякие уличные игры.

Если был у кого-то большой мяч, то чертили большой круг и начинали играть в выбивалу. 2 игрока становились по разные стороны круга, все остальные участники, в основном, малышня, заходили в круг, и вот эти 2 игрока старались попасть мячом по ком-нибудь из круга. В кого попадали, тот и выходил, его выбили. И так играли, пока не выбьют всех. Очень весёлая была игра: стоял визг, гам, хохот! Прятались друг за друга, стараясь не попасть под мяч, валились всем скопом на землю, получалась целая куча-мала детей!

Если была рядом какая-нибудь стенка: дома ли, сарая ли, либо какой-нибудь высокий забор, то играли в мяч по-другому, такая игра называлась «десяты». Мяч били о стенку на счет, также создавая разнообразные комбинации его подачи и ловли. Предполагалось, например, для начала десять раз ударить мячом о стенку и просто поймать его. Это называлось «десяты», потом нужно было уже 9 раз ударить о стенку, но, чтобы после этого мяч ударился об землю, и после этого уже поймать его. Это называлось «девятью». «Восьмиты» делались так: мяч кидался об стенку, и игрок должен был хлопнуть в ладоши и только после этого поймать его. Чтобы сделать «семиты», надо было кинуть мяч об стенку, потом обернуться вокруг себя, хлопнуть в ладоши и только после этого поймать мяч. Чтобы сделать «шеститы», надо было поднять какую-либо ногу и кинуть мяч через нее. При «пятитах» кидали мяч об стенку, а потом нужно было успеть сложить руки на груди. Ну а дальше я уж не помню, что делали.

Девочки постарше, в сторонке играли в «классики». Чертили «классики» на земле, находили стекляшку, кидали ее в нарисованные квадратики, а потом прыгали туда: прыг-скок, прыг-скок! Надо было еще допрыгнуть до нужного квадрата, а также не наступить на черту, разделяющую классики. И тут нужны были и ловкость, и прыгучесть, и хорошая физическая форма. Но для нас, девочек, это не было проблемой, и мы с удовольствием играли в эту игру, тем более, что она не требовала какого-то, специально принесенного инвентаря, в виде мячей и прочего. Стекляшки валялись повсюду, а больше ничего и не надо было.

Еще чисто девчачьей игрой была скакалка. Две девочки крутили скакалку, третья запрыгивала, и начинались разнообразные прыжки на счет. Помню, как считали: «Часы пробили ровно час!», раз — играющая в этот

момент девочка, запрыгивала в крутящуюся скакалку и делала один прыжок. И тут же выпрыгивала. Девочки продолжали крутить дальше и торжественно при этом проговаривать: «Часы пробили ровно два!» Девочка запрыгивала в скакалку и делала уже два прыжка. Ну, и так далее, до двенадцати.

Еще играли в такую игру (забыла как она точно называется «ножички», кажется). Чертили круг, но не очень большой. Делили его на 2 равные части и становились играть. Играли двое, и для этой игры нужны еще были ножи: перочинные, либо небольшие кухонные, с ручкой. Играли по очереди: брали свой нож и ловким движением — с руки — кидали его в сторону земельного надела противника. Нож втыкался в землю и нужно было провести прямую линию так, как стоял нож, от своей земли к периметру круга, с тем, чтобы отрезать у противника кусок земли. Если удавалось дотянуться до края круга и провести линию ножом, то земля отрезалась. Если нет, то ход переходил к другому игроку. Играли до тех пор, пока вся земля кого-то из игроков не перейдет к противнику. Порой некоторые оставались на клочочке земли величиной в одну ступню, и приходилось стоять на одной ноге, чтобы продержаться. Но ничего! Потом бывало, что всё отыгрывали назад!

Еще была игра в лапту, ну, все, наверное, ее знают. Правда, у нас она не была столь популярна, как может быть, где-то еще. Тут уже нужен был специальный инвентарь: маленький мячик и биты, чтобы мяч отбивать. Недобства были в том еще, что этот маленький мяч так порой далеко закидывали этими битами, что о-ё-ёй куда приходилось бегать! И это как-то да... мало кому хотелось.

Костер при этих играх нужен был, чтобы освещать все это великолепие. Иногда в таком костре пекли картошку, прине-

сенную из дома, а потом ели ее с удовольствием, ведь заодно прихватывали из дома соль, хлеб, лук или сало. Частенько после всяких веселых игр садились к костру на какое-нибудь бревно и рассказывали всякие интересные, либо страшные истории. А иногда и просто разговаривали. Обсуждали свои, детские дела.

Приходили домой довольно поздно, усталые, довольные, счастливые, пахнущие костерным дымом и вымазанные сажей от костра.

И нам, детям, непонятно было, почему взрослые не вели такую развеселую жизнь? Чем они вообще занимались? Конечно, они кажется работали, но в чем толком заключалась эта работа и для чего она была нужна, нам было неизвестно.

Взрослый мир был для нас как за каменной стеной: взрослые жили сами по себе, мы, дети, сами по себе, и никак эти два мира не смешивались, лишь только иногда соприкасались. Да, они, взрослые, что-то там такое делали целыми днями, непонятное для нас, а мы, дети, просто жили, радовались жизни, познавали окружающий мир и это было здорово!

Глава 7. Бураны. Катание с горок

Зима у нас на Алтае была очень суровая и снежная. Не было никакой такой хлюпающей погоды, какая обычно бывает в Москве, никаких оттепелей посреди зимы. Зима так зима, лето так лето. Зимой обычная температура была 20–25 градусов, а большими морозами считались те, которые под 40.

Поскольку село стояло, по сути, в степной зоне, то зимой там бывали страшные бураны. Они начинались где-то после

Нового года, ближе к февралю. Да, бураны — это было что-то жуткое! По 3–4 дня нельзя было выйти из дома. В нескольких метрах не видно было ни зги.

В такие дни мы, дети, в школу не ходили. И это было для нас очень здорово. Поэтому в буранный день мы, прежде чем отправиться в школу, сидели и ждали, что скажут по радио, обычно в такие дни занятия в школе отменялись, о чем сообщалось по местной радиосвязи, и мы ждали этого сообщения до определенного времени. И если оно было, то были этому безмерно рады.

Когда буран утихал, выходили на улицу. Там везде после бурана громоздились огромные сугробы. Порой приходилось откапывать из-под снега сараи, колодцы и другие постройки.

Некоторые сугробы были выше крыши, и мы брали санки и шли кататься. Кататься было очень весело, и мы катались пока не стемнеет.

Иногда в сугробах делались ходы и внутри них устраивались целые поселения. Я помню прямо в нашей ограде мои братья с соседскими ребятами вырыли несколько длинных ходов и организовали там целый городок. Я была сильно потрясена, когда эти ходы в нашей ограде обнаружила.

ЧАСТЬ 5. ДЕРЕВЕНСКИЙ БЫТ

Глава 1. Наш скот

Все в деревне имели домашний скот, чтобы можно было как-то прокормиться. Ведь деревня — не город и пойти в магазин и что-то там стоящее из съестного купить весьма проблематично. В магазинах была, в основном, бакалея. Поэтому мы тоже имели свой скот.

Помимо дровяного сарая, в котором жили свиньи, у нас был пристроен рядом сарай для коров. Там жили обычно три коровы: основная дойная корова, которая давала молоко, еще подтелок — подрощенный теленок, которому уже было около полутора лет, и маленький теленок, родившийся весной. Большого теленка обычно к Новому году забивали, так что после этого корова оставалась только с маленьким теленком. Правда, к весне или в конце зимы она снова рожала.

Свиной закут тоже после Нового года пустел, вот тогда-то как раз, я думаю, его и чистили, и где-то к апрелю в нем опять появлялись маленькие поросята, родители покупали их где-то, привозили.

К сараю был пристроен дневной закут, в нем коров держали в теплое время года. Иногда и зимой выгоняли побывать на солнышке, особенно когда чистили сарай.

Кроме основного набора коров и поросят, у нас больше не было никакой живности. Хотя соседи и справа, и слева имели в обязательном порядке кур и овец. Также у многих имелись гуси и утки, у некоторых даже козы водились.

Но для нас это было уж слишком тяжело, заводить еще овец или кур. Куры у нас правда были, но быстро перевелись. За ними, все-таки, нужен был основательный уход, пригляд такой. Для этого надо было строить специальный загон с сеткой, где бы они могли находиться. А иначе они разбредались по чужим огородам. Да и за маленькими цыплятами нужен был серьезный уход и внимание. Для этого в доме должна быть настоящая хозяйка, а у нас ее не было. Мать пьянствовала, а бабка еле управлялась с тем, что есть.

Глава 2. Поросята и крысы

Свины, которых мы откармливали для забоя, жили у нас в небольшом дровяном сарайчике. Его мы получили от совхоза вместе с квартирой. В нем полагалось, правда, хранить только уголь и дрова, а не держать живность. Сарай для скота нам пришлось делать впоследствии самим, пристраивая его к этому дровяному сараю. Но и этот мы тоже использовали для содержания двух поросят, которых заводили примерно в апреле и из которых осенью вырастали большие свиньи. Правда, для этого надо было очень постараться, чтобы они в этих самых свиней превратились. Кормить их надо было будь здоров, чтобы в итоге что-то образовалось! Два, или даже три раза в день им давали какую-то еду, готовили ее на плите: то ли мелкую картошку, то ли отруби запаривали. Вот это они и жрали, хрюшки эти.

Жили они в страшной грязи, в месиве в таком, по-моему, их загон, пока они в нем жили, никто никогда не чистил.

Еще в этом закутке водились крысы. Как-то, заглянув в этот сарайчик, я увидела, как несколько крыс бегают по опорным столбам сверху вниз и снизу вверх. Писк и визг

при этом стоял на всю округу невероятный: крысиный писк и поросячий визг! Я уж не знаю, как они там сосуществовали, кто из них там кого ел. Но это было нечто! Меня это зрелище так поразило, что я уже больше никогда в этот закуток не заглядывала.

Глава 3. Теленок

Маленький теленок у коровы рождался обычно либо в конце января, либо в феврале или даже в начале марта. Время было почти одно и то же, так как забеременеть корова могла только ходя летом в стадо, а так ей почти некогда было больше беременеть. Так что надо было постараться с этим делом до конца пастбищного сезона, а он длился примерно до середины сентября.

Роды у коровы надо было еще уметь принять, но у нас это как-то умели: и мать, и бабка. Мать у меня по образованию, вообще-то, была зоотехником и работала какое-то время по специальности, пока не спилась. Так что было кому этим заняться, родами у коровы.

Родившегося теленка заносили в дом и устраивали в углу кухни. И где-то месяц, а то и полтора-два до наступления тепла, он жил в доме. Это был сущий кошмар! Так как помещение, в котором он находился, превращалось в подобие хлева. Он же ходил, как говорится, под себя. Поэтому да... последствия были соответствующие. Пол пропитывался телячьей мочой и навозом. И на нас, детей, ложилась обязанность убирать все это дело. И понятно, что убирать телячьи прелести нам не очень-то хотелось, поэтому мы старались подставить под него, когда он начинал писать, какую-либо банку либо ведро, чтобы не попало на пол. Но не всегда это еще и удавалось. И тогда телячья моча рас-

текалась по всему полу и было ее довольно много и приходилось потом ее вытирать. Под падающую телячью каку ничего подставить не удавалось, так как какал он из очень неудобного места, поэтому да... сложновато было приноровиться. Да, мне все это очень не нравилось, я же была девочкой и мне хотелось, чтобы в доме было чисто и красиво. А здесь устраивался сущий кошмар и ничего нельзя было с этим поделаться, теленок для взрослых был важнее какой-то там чистоты и красоты. Я безмерно радовалась тому, когда на улице теплело и теленка переводили в сарай.

Глава 4. За коровами

Нам, детям, в летний пастбищный период полагалось ходить за коровами, встречать их после возвращения с пастбища. Они приходили где-то с 8-ми до 10-ти часов вечера.

Ходили за коровами на выгон, это такой, довольно обширный пустырь сразу за нашей улицей, в северном направлении. Выгон тянулся до конца деревни, километра на 1,5.

Пастух пригонял коров к краю деревни, к началу выгона, да так порой и оставлял. Остальное было на усмотрение самих коров, либо их подоспевших или, что хуже, не подоспевших еще хозяев.

В основном, коровы домой идти не хотели, и, если не успевали их вовремя встретить, разбредались или даже разбегались кто куда. Некоторые, правда, бродили неподалеку, оставаясь в пределах выгона и, почти дойдя до дома, паслись на близлежащем лужке. Просто им не хотелось так скоро расставаться с разнотравьем.

Другие же коровы не были столь благожелательны к своим хозяевам, и когда хотя бы на 5 минут оставались предоставленными самим себе, то пускались во все тяж-

кие. Они не только разбредались по округе, но и порой устремлялись в самые страшные для поисков места — в совхозную кукурузу.

Поле с кукурузой находилось прямо за селом, в северо-западной стороне, недалеко от выгона, и коровы прекрасно знали его расположение. Поэтому со всех ног пускались именно в ту сторону. Радость эта кукуруза представляла только для коров, поэтому они так туда и ломались. Для нас же это было просто бедствием. Потому что найти своих коров в кукурузном поле было не легче, чем иголку в стогу сена. Ведь кукуруза вымахивала к концу лета выше человеческого роста, поэтому найти в ней коров было очень непросто. Даже непонятно, как мы их там находили. Скорее уж, сами коровы несколько облегчали нам задачу и, не особо далеко забирались, а бродили где-то с краю. Им тоже, видно, не особо много требовалось, чтобы оторваться, поэтому полакомившись кукурузой, они быстро успокаивались, уже ничего особо не хотели и покорно шли домой.

Если уж некоторых коров так и не удавалось к ночи найти, ведь, кроме того, еще и темно, и не будешь же во мраке рыскать среди кукурузного поля, то они сами потом приходили домой и виновато мычали у загона, чтобы хозяйки вышли их подоить. А если уже было слишком поздно и хозяйки спали, то просто укладывались рядом с загонем спать. А доили их уже утром. Конечно, они понимали, что совершили что-то нехорошее, но ничего, видно, не могли с собой поделаться и все равно кидались на кукурузное изобилие. Правда, непонятно, зачем кукурузу высаживали рядом с деревней, да еще недалеко от выгона, можно было ведь и в дальних полях ее посеять. Но, сколько я помню, кукуруза почему-то всегда росла рядом с деревней вблизи от коровьего выгона.

Были и совершенно послушные коровы, которые, даже если их не встречали, все равно приходили домой, но таких коров было очень мало.

Вот почему нужно было их встречать, и чтобы не было проблем с поиском коров, и чтобы вовремя их подоить. И именно на нас, детей, ложились обязанности по приводу коров домой. Но, впрочем, это было не столько обязанностью, сколько своего рода развлечением. И мы, дети, собирались скопом со всей улицы, брали с собой хворостины, чтобы было чем погонять коров. Также прихватывали и семечки — шляпку подсолнуха, чтобы полузгать, когда идешь, и шли, разговаривая о своих делах.

Так что нас это особо и не напрягало.

Иногда приходили на конец выгона и раньше, чем пастих пригонял туда стадо, тогда садились на что-нибудь и ждали, когда стадо подойдет. Некоторые ребята постарше ходили порой с радиоприемниками и даже с небольшими портативными магнитофонами, но это тогда была большая редкость. В основном, в руках были хворостины и семечки, иногда конфеты.

Глава 5. Кошки, собаки

Я не особо люблю животных. Поскольку я жила в деревне, то в деревенской жизни не было такого сумасшествия по домашним любимцам: кошкам, собакам, какое бывает в городе у городских жителей, они обычно любят очеловечивать своих питомцев, равнять их с собой.

В деревне же к собакам и кошкам относятся ровно так, как положено: как к животным, и никому не придет в голову исполнять в их адрес какие-то заморочки. И без того про-

блем хватает, заботиться есть о ком, вон, скотины в сарае полно! Какие еще тут собаки и кошки!

Поэтому, так называемые домашние любимцы, в деревне знали свое место и не совались туда, куда не следует. Собака всегда жила на улице в собачьей конуре или где-нибудь в сарае, и никому не приходило в голову заводить ее в дом. Только иногда в очень сильные морозы или бураны собаке могли позволить зайти на веранду. А так, если она сама по недосмотру забредала в дом, то тут же изгонялась. Не положено было, и всё. Собака была уличным животным и жить она должна была на дворе.

По большей части, собаки сидели на цепи у собачьей будки. Так было спокойнее и для проходящих мимо людей, и для самих хозяев. Вообще, у собаки в деревне была вполне определенная работа: она должна была охранять дом и двор от посторонних, предупреждая своим лаем о приходе незнакомцев. А так зачем еще ее было держать? Ведь на нее корму идет вон сколько! Поэтому просто так, из доброты душевной или для радости общения, собак никто не заводил.

Тоже касалось и кошек. Кошку заводили для того, чтобы она ловила мышей. Правда не знаю, насколько она с этим справлялась и ловила ли их вообще. Но чисто фигурально работа у нее была. Кошке разрешено было жить в доме, хотя летом дома она особо не сидела, а где-то шлялась, а потом приносила приплод. Поэтому удобно было иметь в таком случае не кошку, а кота. Чтобы уже не думать о последствиях.

А так кошачье племя в деревне особых хлопот не доставляло. Туалет им менять, как в городе, было не нужно, они справляли свои надобности где-то на стороне. Летом — на улице, зимой кошка ходила через специальный лаз в подполье. С едой для нее тоже особо не заморачивались: летом

ставили блюдечко с молоком, зимой наливали остатки супа, либо какие-то кости давали глотать. Мыть никогда не мыли, даже такое и в голову не приходило: кошку мыть. Кошка, которая жила у нас, прозывалась почему-то женским именем — Катька, была она белой с бурыми пятнами.

Из собак я помню, что у нас жили сразу 2 собаки: Волчок и Тузик. Как-то соседи пожаловались, что они напали на их кур, то ли сожрали их, то ли просто погоняли. Отец, не долго думая, взял ружье и пристрелил их на моих глазах. Это было ужасно видеть, но это произошло. Я это помню. И больше у нас никаких собак с тех пор не было.

Глава 6. Нападения животных

Вообще, многие животные, у нас, детей, ассоциировались с какой-то угрозой, а не с радостью общения с ними, как это бывает в городе. Животные в деревне заводились для того, чтобы приносить какую-то пользу семье, а если польза была сомнительной, то и заводить их не имело смысла.

И конечно же, животные представляли большую опасность для нас, детей. Во-первых, собаки. Именно собаки представлял для нас нешуточную опасность, так как реально могли покусать. Как ни странно, в деревне, насколько я помню, бродячих собак почти не было, во всяком случае, я их не припомню. А вот домашние псы, имеющиеся почти в каждом дворе, представляли для нас большую угрозу. В основном, собаки были привязаны, но иногда нет. И конечно, проход по улице мимо домов с собаками сопровождался грандиозным лаем. Иногда собаки выскакивали из-за оград и продолжали яростно лаять. И если мы шли мимо, то это-то ладно, а если требовалось зайти

в какой-либо дом, где жила подобная собака? Это было непросто. Поэтому было чего бояться, ведь мы, дети частенько ходили и лазали там, где не положено и могли попасться на зуб какой-нибудь собаке. Иногда особо злобные собаки срывались со своих цепей и кусали всех, кто подвернется им под руку.

Также большую опасность представляли для нас быки, особенно совхозные. Ну это было прямой угрозой для жизни, и мы старались обходить десятой улицей такие места. Но меня как-то все же поддел рогом наш собственный бычок, и хоть он был маленьким, мне мало не показалось.

Еще мы боялись гусей. Гусаки, ведущие свое стадо от дома к речке, могли на нас напасть и больно ущипнуть своими клювами. Так что мы их тоже старались обходить стороной.

Еще помнится на меня напал петух и пребольно клюнул в палец.

Так что от всей этой живности ничего хорошего нам, детям, ждать не приходилось. Поэтому, если честно, я больше любила растения, нежели животных. Они, по крайней мере, агрессии в мой адрес не проявляли.

Глава 7. Картошка

Поскольку картошка в деревне была вторым хлебом и запастись этим хлебом нужно было нам самим, то заниматься этим делом приходилось все время, весь сезон.

В выращивании и заготовке картошки было три основных момента: посадка, прополка и уборка. Посадка приходилась на весну, прополка — на середину лета, уборка — на раннюю осень. И мы, дети, должны были принимать

во всех этих делах самое непосредственное участие. Потому что считалось, что это нам вполне по силам. Поэтому вся наша детская жизнь, и моя в том числе, была отравлена этими самыми картофельными делами. Потому что эти дела были очень неприятной, тяжелой и грязной работой. И даже в городе я хотела жить по большей части из-за того, чтобы не заниматься больше подобными делами.

Это сейчас мне приятно вспоминать все эти картофельные хлопоты, а тогда это было для меня настоящим мучением, от которого деться было некуда. Ну, да ладно. Обо всем по порядку.

Картошкой, конечно, продолжают заниматься многие, кто живет на данный момент в деревне, либо на даче, и, конечно, тем, кто это делает, всё это знакомо. Но расскажу, как это было именно у нас, в нашей семье.

Картошка занимала основную площадь на огороде, где-то две трети от его части. В Боровском у нас основной огород был при доме и часть картошки росла тут же. Но все равно этой картошки не хватало, и у нас еще был участок где-то на стороне, целый огород только одной картошки.

В Осколково у нас большого огорода около дома не было, имелся лишь небольшой участок, да и то эта территория 2 года огорожена не была и сажать на ней мы ничего не могли. Поэтому наш огород был в другом месте, почти в центре села, недалеко от школы и прямо напротив деревенского кладбища. Это кладбище располагалось почему-то в самом центре деревни, чуть ли не выходя углом на главную площадь, на которой были школа, клуб, почта, правление совхоза, магазины, радиоузел. Здесь же находилась автобусная остановка, куда приходил автобус из города. А наш огород располагался неподалеку, в переулочке, напротив этого неприятного места, кладбища,

то есть. (Кстати, этот переулочек назывался, оказывается, очень красиво: Цветочная улица, и это конечно хорошо, если б не было того самого...). Ну, а потом мы как-то привыкли и не обращали уже внимания, а сначала было как-то не по себе.

Это был у нас сначала просто огород, где мы сажали всё, затем только картофельный огород. Я даже не представляю, где мы брали воду для полива, когда еще все остальное там сажали, колодца в районе нашего огорода не было. Был у соседей с соседнего огорода, у которых там был собственно дом, и вот к ним, навреное, и ходили, брали воду, но это было достаточно далеко. Конечно, картошку мы не поливали, это была бы слишком большая роскошь, она сама как-то росла. А вот огурцы, например, требовали полива непременно.

Перейду к картошке. В чем заключался процесс?

Сначала нужно было эту самую картошку посадить. Ну, а прежде, чем посадить, требовалось, как минимум, этот огород вспахать или вскопать, кому как больше нравится. Но мы, конечно, вручную картофельный огород не вскапывали, это ж невозможно. Нанимали за определенную плату какого-то совхозного тракториста, и он делал это: вспахивал нам огород.

После чего выбирался день, когда сажать. Отец сначала привозил на огород мешки с мелкой семенной картошкой, ведра, лопаты. А потом возвращался, сажал в коляску мотоцикла всех нас, и мы ехали сажать.

Посадка велась таким образом: взрослые копали, дети кидали картошку в лунки. Поскольку взрослых было трое: отец, мать и бабушка, и нас, детей, тоже трое: я, Сережка и Юрка, то на каждого взрослого приходилось по одному ребенку. Отец, например, шел и копал первый ряд ямок, следом за ним шел Сережка с ведром и кидал в каждую

ямку по картошке. Следующий ряд делал мать. Она копала свои ямки, закапывая вынудой землей тот ряд, который сделал отец и в котором уже была картошка. В эти ямки, сделанные матерью, кидала картошку я. Следом шла бабушка, закапывая материн ряд, в ее ямки кидал картошку Юрка. Бабушкин же ряд шел и закапывал по новому заходу отец. Ну, и так далее.

Таким образом, мы довольно быстро продвигались, и за день вполне могли посадить весь огород, хотя, кажется, за день мы, все-таки, не справлялись. Но уже несложно было досадить остаток огорода на следующий день. Обычно это делалось в какие-то праздники, в майские, например. Посадка, конечно, была самым легким делом из всех мытарств, связанных с картошкой. И пачкаться особо не приходилось, и спину гнуть тоже. Хотя... взрослым, все-таки, приходилось поднапрячься, копку лунок такой уж легкой работой не назовешь.

Дней через 15 картошка всходила, и мы обязательно проверяли, как она взошла, все ли в порядке. Мало ли что... а вдруг картошка была испорченной, подмороженной, могла и не взойти. Тогда надо было срочно что-то делать: подсаживать в невосшедшие лунки новый картофель или вообще пересаживать весь огород. Ведь если бы не взошла вся картошка, можно было бы вообще остаться без урожая, и как тогда быть?

Если всходы проходили нормально, можно было на месяц примерно о картошке забыть и ждать уже следующего этапа картофельной эпопеи: прополки, ведь вместе с картошкой всходила и куча всяких сорняков, которые через некоторое время разрастались так, что самой картошки, порой, и не было видно. И если их не удалить, то картошка могла вырасти очень мелкой и годной разве что для скота.

Этот период приходился на начало — середину июля, и нам приходилось срочно выходить на борьбу с сорняками. Причем эта борьба почему-то целиком ложилась на плечи женщин. Отец, насколько я помню, никакой прополкой никогда не занимался. Братья, когда были маленькими, и, не совсем еще смысленными, помогали, а потом тоже стали отлынивать. (Хотя, нет, Сережка, вроде бы, помогал). Потому что прополка почему-то считалась чисто женской работой и мужикам это было как-то не к лицу, что ли, женской работой заниматься... Так что пололи огород, в основном мы, женщины, и это была очень даже нелегкая работа. Приходилось ходить недели полторы, пока весь огород одолеешь. Для работы использовали тяпки, вручную никто не полол. Берешь тяпочку, кладешь ее на плечо и через все деревню идешь на свой огород. Причем, если весной при посадке картошки было еще более-менее прохладно, то летом при ее прополке стояла нестерпимая жара, градусов эдак 30–35. И мы изнывали на огороде не только от тяжелого прополочного труда, но и от палящего солнца.

Сорняки на огороде водились немудреные: бурьян, лебеда, полынь, осот, повилика, крапива. Среди сорняков рос укроп, который никто никогда не сажал, но он сам непременно всходил вместе с картошкой. Его мы не рубили, он был нам нужен для солений, а также для еды. Еще среди сорняков рос паслен, растение такое с белыми цветами и черными вкусными ягодами. Мы называли его «бзніўка», и тоже оставляли, так как любили впоследствии лакомиться этими ягодами, когда они поспеют. Вкус их чем-то напоминал помидоры.

И вот, наконец, огород был очищен от всякой напасти и можно было немножко передохнуть. Но... через 2–3 недели начинались новые труды: теперь надо было еще и окучивать картошку, чтобы урожай был побольше. При этом

вырубались заодно какие-то, еще невырубленные сорняки, которые не удалось искоренить за первый раз. Но окучивание происходило быстро, за несколько дней, в основном, мать и бабушка порой справлялись и без меня. Так что после прополки можно было в этом плане спокойно отдыхать остаток летних каникул до школы и до копки картошки.

На копку опять же собиралась вся семья. Выбирался выходной день, свободный и от работы, и от занятий в школе, а тогда, кстати, был только один выходной: воскресенье, и всей семьей, прихватив с собой лопаты, ведра, вилы, пустые мешки, мы отправлялись на отцовском мотоцикле на огород и принимались за работу.

Отец занимался тем, что вскапывал огород лопатой, либо вилами, а мы все должны были после этого выбирать картошку из лунок. Сбирать ее сначала в ведра, а потом относить и высыпать в подготовленные мешки. Сбирать-то на поверхности было еще легко, но это не значит, что вся картошка лежала на поверхности, половина ее была скрыта под землёй, и, порой очень-очень глубоко, и надо было сильно постараться, чтобы достать ее оттуда всеми возможными способами. Мне эта работа не нравилась более всего, так как под ногти в этот момент забивалась грязь и руки превращались после этого в нечто ужасное. Ни о каких красивых руках, а тем более ногтях, можно было уже и не мечтать. И для меня, как для девочки, это было ужасно.

За один день со всем этим делом вряд ли можно было управиться, копали в несколько приемов от одной до двух недель. Мы все от такой работы страшно уставали, перемазывались в грязи и в пыли. И вымыться было проблематично, так как никакой ванны или душа с горячей водой у нас не было, и вот так сразу взять и помыться, придя с огорода, было нельзя. Но, конечно, мылись как-то в тазах и ванночках, но все было непросто.

Собранная картошка засыпалась в мешки, они завязывались, отец клал пару мешков в коляску своего мотоцикла и отвозил их домой, потом приезжал за следующей партией. Иногда нанимался какой-нибудь грузовик и привозили разом всю картошку.

Дома высыпали привезенную картошку в ограде прямо на землю, чтобы она обсохла. Иногда она лежала под открытым небом неделю или даже две, и порой дождь успевал ее помыть. Обсохшую картошку потом перебирали и сортировали, отбрасывали поврежденные клубни, разбирали на крупную и мелкую. Крупная шла на еду. Ее засыпали в подпол доверху, весь подпол у нас в доме в этот период был забит до пола картошкой, больше ничего туда, впрочем, и не клали. Мелкую оставляли на семена и на корм скоту. Мелкую и семенную картошку, а также не поместившуюся часть крупной, спускали на хранение в погреб. Там тоже был специальный большой закут для картошки.

Ну, вот на этом и заканчивалась ежегодная картофельная эпопея, где-то в конце сентября. Теперь уже весь зимний период предстояло эту картошку есть и ни о чем не беспокоиться. Так что да.

И помнится, когда я уехала в Москву в 17,5 лет в конце июня 1977 года, я, наконец-то, вздохнула с облегчением: ну, всё, больше я не буду эту картошку ни сажать, ни полоть, ни копать! Отмучилась! И вправду, отмучилась, больше у меня не было таких забот.

А вот сейчас бы я с удовольствием всем этим позанималась, покопалась бы в огороде. Позанималась бы, да негде, к сожалению. Нет у меня больше ни огорода с картошкой, ни деревни моей.

Глава 8. Работа на свекле

Был еще один вид мучений в деревне — это свекла́. Причем уже не наша, а совхозная. Вот на ней мы и мучились. В основном, в нашем совхозе выращивали пшеницу, но были и посадки сахарной свеклы, из которой, как известно, делается сахар. Но, в отличие от пшеничных полей, которые от посадки до уборки никакого ручного труда не требовали, со свеклой приходилось повозиться, да еще как.

Дело в том, что растение сахарной свеклы имело одну странную особенность: одно семя давало почему по 4–5 всходов, и чтобы вырос из этого семени полноценный плод, надо было оставить только 1 побег, а все остальные удалить. А эти всходы росли кустом и их стебли были плотно прижаты друг к другу. Так что работа по прореживанию этих всходов была не из легких. Также сами кусты должны были располагаться на некотором расстоянии друг от друга, чтобы оставалось место для взращивания клубней, где-то сантиметров 15–20. И за этим тоже нужно было следить. А сеяли механической сеялкой, семена засыпались в борозду одним сплошным потоком, как, впрочем, и всходили потом — одной зеленой дорожкой. И вот с этим тоже нужно было заодно разобраться: оставить нужное количество кустов на борозде, остальные удалить.

Сами посадки сахарной свеклы почему-то находились далеко в полях, и чтобы до них добраться, снаряжались специальные машины — грузовики, которые рано утром отвозили работниц в поле, а вечером привозили домой. К слову сказать, прополкой свеклы занимались только женщины, ну и дети, среднего возраста, так сказать.

Свеклу в полях сажали длинными рядами, длиной где-то в 1 км, а то и в 1,5. Были и короткие ряды, по 500 м примерно, но их было мало. Каждой работнице давалась своя

делянка, это делалось в самом начале, в первый заезд, все поле разбивалось на делянки от 15–20 рядов до 30–40, в зависимости от того, сколько пожелала взять себе каждая работница. Кто-то брал больше, кто-то меньше, в зависимости от своих возможностей. Кто-то работал один, а кому-то дети помогали. Делянки отмечались колышками и оставались за работающими на весь срок прополки.

На свекле можно было неплохо заработать, а в деревне это было не так уж и просто — найти подработку, тем более, что работать на таких работах могли даже дети, и вполне официально с некоторого возраста. Надо было пойти в совхоз, оформиться, завести на себя ведомость, а потом уже получать по ней зарплату. Помню, что после 8-го класса я была оформлена самостоятельно на эту работу и получила за свой труд аж 167 рублей! (Для сравнения: отец тогда получал в месяц 160 рублей). Поехала в Барнаул и купила себе, впервые в жизни, настоящие зимние кожаные сапоги черного цвета за 5 рублей. Еще какое-то платье из нейлона с цветами. Что-то еще, уж не помню. Так что да, с такой работой имело смысл затеваться. Но, в первую очередь, мы, дети, помогали своим родителям, работали на их участках.

Был и еще один вид эксплуатации детского труда. Где-то после 4-го класса мы должны были отрабатывать практику на этих свеклопосадках. И избавиться от нее не было никакой возможности, иначе грозились не перевести в следующий класс. Правда, это иго было не каждый год, а почему-то после 4-го, 7-го и после 9-го класса. Почему после 4-го, честно говоря, не знаю. Почему так рано начинали мучить детей? Может быть, эта практика знаменовала собой окончание начальной школы, и это была как своеобразная такая «плата» за обучение. Правда, после начальной школы никто из школы, конечно же, не уходил.

Но, в основном, свекольные мучения происходили не на практике, там все шло шаляй-валяй, лишь бы, лишь бы, а на родительских делянках.

Для моей матери прополка свеклы была, можно сказать, ее основной работой, ведь на постоянной работе она работать не могла по причине своего пьянства. А вот на сезонных — 3–4 недели, ей было в самый раз.

В чем заключалась эта работа? Приходилось подниматься ради этого рано утром, часов в 6 утра, брать тяпку и, вместе с матерью, идти на дорогу, где в определенное время, около 7 утра, проезжала машина с бабами. Она, видимо, ехала от правления совхоза и забирала всех по пути. Мы залезали в эту машину и ехали где-то полчаса в дальние поля. По дороге бабы пели песни или рассказывали какие-то смешные истории, все смеялись, было шумно и весело.

На поле, около делянок со свеклой устанавливали временный навес, либо привозили для такого случая строительный вагончик, а также и бочку с водой. Приехав в поле и оставив свои вещи под навесом или в вагончике, мы разбредались по своим делянкам и сразу принимались за работу, пока еще солнце не так пекло. До обеда обычно проходили 2 ряда: ряд туда и ряд обратно, это если дети. А женщины могли и по 4 ряда пройти. Каждый ряд приходилось идти не меньше часа, он ведь был практически в километр. Я шла свой ряд часа полтора и полтора обратно уже другой ряд.

Потом был обед. От совхоза нас не кормили, еду каждая работница брала с собой. Ну что там обычно брали? Вареную картошку, сало, лук, огурцы, редиску, укроп, хлеб, соль, молоко или квас. После обеда полагался небольшой отдых, бабы в это время спали, я же просто сидела, либо читала. Во второй половине дня делали еще столько же рядов, в день можно было сделать от 4–6 до 8 рядов.

Конечно, сама работа была далеко не сахарная, хоть и обрабатывали сахарную свеклу. Идти под палящим солнцем, согнувшись в три погибели, час-полтора туда, потом столько же обратно, а потом по новой, это было что-то! Спи-ну, конечно, было потом не разогнуть, все тело болело, руки-ноги, плечи, спина сильно обгорали.

Помимо ходьбы в таком положении, надо было еще и полоть, прореживать эту самую свеклу, удаляя попутно и сорняки. А это было не такой уж легкой задачей. Поло-ли мы босиком, потому что никакая обувь тут не годилась, ноги утопали в мягкой пахотной земле по щиколотку, и что тут можно было надеть? К тому же, была лютая жара в это время, в сапогах не пойдешь. Так что, только босиком. По-этому ноги тоже, порой, ранили острыми тяпками, начина-ла идти кровь, но куда побежишь в таком случае? Перевя-жешь каким-нибудь платочком, либо тряпочкой, и дальше пойдешь, кто будет обращать внимания на такую ерунду? С кем не бывает... Но что делать? Зато зарабатывали какие-никакие деньги, свекла, все-таки, хорошо оплачивалась.

После прополки, где-то недели через две, через три, надо было проводить так называемую «проверку». Снова, но теперь уже в быстром темпе, проходились все ряды, свек-ла проверялась на предмет всего, и окучивалась заодно. Это уже не представляло большой сложности, поэтому в день делалось в 2 или в 3 раза больше рядов. Правда, появлялось и некоторое неудобство: свекла уже становилась сильно подросшей и было неудобно среди нее ходить.

Но все в итоге благополучно заканчивалось, и эти муки тоже. Зато как приятно было получить потом деньги, зарабо-танные собственным трудом!

Вообще, работа школьников летом поощрялась в совхо-зе, это была своеобразная трудовая терапия, приучение де-

тей к труду. Так что польза была несомненная и для совхоза, и для детей, и для их родителей тоже.

Сейчас бы я с удовольствием прошлась бы и по этим свекольным рядам, проехала бы в поле, все-таки, была в этом деле своеобразная прелесть. Так что да, хотелось бы... Но сейчас это, к сожалению, невозможно.

Глава 9. Свекла. Школьная практика

Первая практика была у нас после 7-го класса. Моя делянка была рядом с делянкой Кати Гринвальд. А она уже в таком возрасте дружила с очень красивым мальчиком Сережей Киселевым. Поскольку Катя была школьная певица, то ей и достался такой красивый мальчик. Так вот, он помогал ей на практике полоть свеклу. Помнится, Катя сделала свою норму с помощью этого самого Сережи. А я все никак не могла дополоть свои ряды. И они стали после этого помогать мне, пошли мне навстречу с того краю. Я эту помощь запомнила на всю жизнь. Даже не знаю, почему. Вроде и немного там помогли, метров 20, может, но всё равно, сам факт помощи мне меня удивил. Я как-то особо ни от кого никакой помощи не ждала.

Другой эпизод, точнее даже несколько эпизодов, я помню с практики, которая у нас была после 9-го класса. Эта практика была уже достаточно серьезной, мы жили в полевом лагере в лесу в районе тока. Жили в палатках среди берез, а поле находилось неподалеку. Спали мы в этих палатках на обычных железных кроватях. Вечерами было что-то наподобие дискотеки, включали музыку на лесной поляне. Становились в круг и танцевали, помню, танцевали под «Битлз». Потом устраивали всякие шалости друг над другом. Помню, что мальчишки вынесли мою кровать ночью из палатки, а я ничего не заметила, только утром проснулась уже не в па-

латке, а на улице. Еще они вдобавок разукрасили мое лицо во сне зубной пастой. И проснулась я... как говориться сама не своя, с разукрашенной мордой... Под звездным небом и под шелест берез над головой.

Честно говоря, жить в этом палаточном лагере было не совсем удобно, и холодновато было ночью, и комары заедали, да и жесткие были какие-то кровати. Но надо было почему-то две недели там пробыть. Куда деваться? И в лагере этом, и на свекле. Отработать за всё. За всё хорошее, что дала нам школа.

Мы уже почти отработали, и днем должна была приехать за нами машина, но последнюю ночь мне что-то не хотелось там быть, дожидаться этой машины, и я пошла домой одна, пешком, ранним-ранним утром, когда еще только забрезжило солнце, где-то в четвертом часу утра. Что-то меня так это всё достало!

И вот шла я 2 километра одна по этой полевой дороге от тока до дома. Страшновато было одной в такое время идти, там еще речушка небольшая такая протекала посреди поля — Пашиха, вот ее надо было перейти. Ровно посреди пути она была, но я перешла ее и дошла благополучно. Пришла домой и с таким удовольствием легла в свою постель,

*Валя Черкашина и Людмила Осокина на практике после 9-го класса.
Лето 1976 г. Летний трудовой лагерь
недалеко от села.*

так в ней было мягко, тепло, удобно, что после этого проспала еще полдня. Так что да.

От этой практики у меня осталась одна фотография: я с Валею Черкашиной стою в обнимку на фоне берез. Я в черных брюках, в военной, темно-зеленой рубашке. Валя в спортивном черном трико и в платке. Валя — такая маленькая девчушка, по-моему, одна из самых маленьких в классе, я такая дылда, третья из девочек по росту в классе. С Валею мы сидели за одной партой.

Свекольные мучения не заканчивались только летом, порой свекла доставала нас и осенью. Каким образом? Приходилось еще трудиться на ее уборке. Да, вот так. Но уже не так, конечно, как на прополке, тут уже особо не разгуляешься, так как осенью мы, все-таки, ходили в школу и вот так полномасштабно трудиться не могли. Но иногда нас и от школы отправляли на совхозные работы, надо было помочь убрать урожай, и немного, может пару-тройку дней, мы ездили в поле убирать свеклу. Что мы должны были в таком случае делать? Выкапывали свеклу из земли еще до нас специальными машинами и собирали потом в большие кучи — бурты тоже. А вот далее уже требовалась наша помощь. Нужно было у этой выкопанной свеклы обрубить ботву и хвостик. И вот этим мы и занимались. Для этого прихватывали из дома большие ножи, тесаки такие, и вот ими рубили эту ботву. Брели из одной большой кучи с ботвой, кидали потом в другую большую кучу — без ботвы. И вот надо было каждому по вот такой большой куче очистить. Садились и чистили. А холодно уже было, не июнь месяц, а конец сентября — начало октября где-то... Холодно и грязно. Грязь эту помню, несусветную, резиновые сапоги и такие холщовые варежки, в которых мы это делали. Правда, не всегда было грязно и сыро, порой стояла и сухая осенняя погода, так

что вполне можно было и поработать. Было и в этой работе своеобразное очарование: кругом, куда не кинешь взор — поздние осенние поля, в воздухе разлит запах осени, и чувствуется завершение всех летних трудов, подготовка к долгой зимней стуже.

Глава 10. Мой сад-огород

Да, я не очень любила животных, но любила растения. И мне очень нравилось что-нибудь выращивать в саду или в огороде. Особенно мне нравились цветы и садово-ягодные культуры. Помнится, что в классе шестом, мне каким-то чудом удалось уговорить родителей выписать мне журнал «Цветоводство». Я его с удовольствием читала, и узнавала много нового о цветах и о других растениях, которые у нас в деревне не росли и о которых мы и слыхом не слыхали. Там даже давались адреса всяких цветочных и других хозяйств, откуда было можно выписать наложенным платежом семена и даже саженцы, что я потом и сделала.

Семена мне родители выкупили, потому что они были не слишком дорогими, а вот саженцы, которые мне как-то угораздило выписать, выкупать не стали. Они стоили 5 рублей, это, по тем временам, была огромная сумма. Ну, если отец получал зарплату в 160 рублей в месяц, то, конечно. Так эти саженцы постояли на почте, я их видела, кстати, и потом их отправили назад. А вот семена цветов, выписанных из Москвы и стоивших где-то 30–50 копеек, мне удавалось получить и посадить потом у себя в палисаднике. Помнится, как я удивлялась потом выросшим цинниям или флоксам, или резеде, или алиссуму. Алиссум и резеда были совсем простенькими внешне, но имели очень сильный запах. По сути, все эти цветы были простенькими, но их ценность заключалась в том, что

они ни у кого в деревне больше не росли. Деревенские жители и не знали об их существовании, как, впрочем, не знала раньше и я, пока не выписала этот цветоводческий журнал.

Как-то я выписала и семена овощей, которые у нас тоже не выращивались. Это были салат и кабачки. Салат мы посадили на грядке под окном, позади дома. Он взошел дружно, быстро вырос, был необычайно ярким и зеленым, я просто подивилась его удивительному, несколько ядовитому цвету. Мы попробовали эти листья на вкус, они нам не понравились, вкус был какой-то странный, горьковатый. И какой-то пресный. Что с ними дальше делать, с этими листьями, мы не знали, зеленых салатов у нас в деревне никто не делал. Так и не стали их есть и куда их потом дели, даже не знаю, может, отдали на корм скоту.

Такая же история произошла и с кабачками. Посадила я несколько лунок этих кабачков прямо у ограды. К концу лета из этих семян выросли огромные овощи. Мы испуганно смотрели на них и что с ними делать не знали. Попробовали на вкус сырыми — не понравилось, а готовить их мы не знали как. Так и скормили потом, по-моему, свиньям и больше уже не сажали. Так что мой детский опыт по выращиванию новых видов овощей был не всегда удачным.

Также мне очень хотелось иметь в своем маленьком палисаднике какие-нибудь деревья, кусты, но это было непросто. Нигде они вот так вот, в пределах досягаемости, не продавались и достать их было проблематично. Я помню, по весне, мы с Алкой Ершовой ходили в полузаброшенный совхозный сад далеко в поля и оттуда приносили себе какие-то саженцы, кусты смородины, например, или вишни. Вот эти несколько кустиков смородины с передней стороны дома у нас и росли, но они были чахлыми и никаких ягод почти не давали. Больше никаких деревьев и кустов у нас на участке перед домом не росло, только огород и небольшой цветник.

Потом, конечно, добывать весь этот посадочный материал должны были родители, это ведь далеко не детское дело. Но родители такими вещами не интересовались, им важнее было посадить то, что нужно для прокорма семьи, а все остальное считалось пустой тратой времени и сил. Да и негде особо было эти сады разводить, участок около дома был очень маленьким. И вообще, для сада нужен был рачительный и заинтересованный хозяин с массой свободного времени, а моим родителям было не до искусств, как говориться.

Но меня почему-то все эти сады-огороды очень интересовали. Я даже прочитала такую книжку про Мичурина, про то, как он разводил свои сады, выращивал новые сорта плодово-ягодных культур. Я с удовольствием об этом читала и мечтала о таком же саде у себя дома. Но сад — это дело на многие годы и для этого надо было основательно укореняться в каком-либо месте, строить или покупать собственный дом и жить там постоянно. А мы должны были все время из-за отцовской работы куда-то переезжать. Поэтому ни о каких садах не могло быть и речи. А жаль!

Глава 11. Наша еда. Кулинарные радости детства

Особых радостей в этом плане у нас не было, жили мы более чем скромно, и питались в-общем-то, тоже. Готовила у нас бабушка, а она особым кулинаром не была, скорее уж, просто стряпухой, готовила просто съедобную еду, чтобы поесть, без всяких там изысков. Мать я не помню, чтобы готовила. Мне же, как ребенку, готовить не разрешалось, считалось, что я могу загубить продукты, а они ведь дорого стоили. Иногда я, правда, пыталась там что-то сообразить

из готовки, какую-нибудьстряпню, но если меня заставляли за этим делом, то мне могло и достаться. Поэтому готовила все бабка. Я могла только помогать. Что она готовила? Супы какие-то — похлебки в чугунках, либо щи из кислой капусты. Картошку, жаренную на сковородке, точнее, пареную под крышкой. Крышек на сковородки тогда не делали и приходилось их накрывать сверху большими эмалированными мисками.

Готовили серые, толстые макароны, отваривали их сначала, а потом запекали на сковородке под миской. С чем они запекались, уж и не вспомню, но точно не с сыром, сыром мы в деревне не пользовались. Слишком экзотическим было это удовольствие и его почти никто не покупал, хотя в магазинах он, кажется, был. Вместо сыра в ходу были плавленые сырки, они и считались настоящим сыром. Скорее всего, с этими сырками и запекали в итоге эти макароны. А может, просто с молоком. Но помню, что запеканка из макарон считалась очень вкусной, и мы с удовольствием, придя домой из школы, ее ели. Так что из жареных блюд у нас были картошка, макароны, да еще и жареная кислая капуста.

Довольно часто мы топили и печь, для того, чтобы испечь хлеб. Бабка и хлеб пекла: 6 больших караваев — 3 противня по 2 караваев на противень. Потом долго мы эти караваи ели. Но обычно хлеб мы ходили покупать в единственную деревенскую булочную, туда его привозили каждый день из райцентра. То ли каждый день мы ходили за хлебом, то ли раз в неделю, уж не помню. Обычно посылали нас, детей. Давали 1 рубль и вот на этот рубль мы покупали 4 буханки хлеба для семьи. Хлеба шло много, нас ведь было шестеро в семье. Хлеб был только в буханках, в кирпичиках. Никаких батончиков мы отродясь там не видали, мы, к слову, и не знали, что это такое. Хлеб в батонах я впервые увидела в Москве.

Привозили белый по 24 копейки, серый по 16 копеек и черный по 12 копеек. В основном, мы брали 2 буханки белого и 2 серого. Или 4 серого, так как основным хлебом для еды был серый. На остаток денег покупали порой сайки, которые были по 6 копеек. На этом и заканчивалось наше деревенское хлебобулочное изобилие, больше ничего в нашей булочной не продавали. Разве что порой еще большие баранки.

Поэтому если хотели чего-то особенного, то пекли сами. И это опять же делала у нас бабка. Но она особым разнообразием нас не радовала, в основном пекла только хлеб, эти самые караваи. Еще к ним в придачу, если оставалось тесто, выпекала на сковородке пышки. Они получались необычайно пышными и очень вкусными.

Потом еще, изредка правда, она делала, опять же на сковородке, большие пироги: с рыбой, с капустой или с картошкой. Только мне почему-то эти большие пироги не особо нравились. Больше нравились пирожки, она их тоже пекла, но не так часто и без особого энтузиазма. Пирожки эти были так, баловством, и только ради них печь топить никто не собирался. А если уж делали хлеб, то на пирожки теста уже, как правило, не хватало. Да и потом надо было еще готовить для них начинку, а это было не таким уж легким делом. Поэтому делали и пирожки, конечно, но в качестве такой, праздничной еды. Изредка, иногда.

Я вообще заметила, что у нас в доме все было как-то не так. Всё было какое-то запущенное, грязное, закопченное. Грязная, закопченная посуда, грязная постель, мухи в летний период. И нельзя сказать, чтобы слишком грязно было в доме, но и не чисто. На всем лежала какая-то печать безысходности, уныния, бедности. Где грязь, там и бедность, а где бедность, там и грязь, они как-то идут рука об руку.

Вот я помню, что мы, с моей одноклассницей Тоней Бабаниной жили неделю, когда разлилась у нас в очередной раз речка, на той стороне, в семье Деминых, кажется. Вот там я и почувствовала разницу, что значит — жить в семье устроенной, и в семье неустроенной, как у нас.

У них, у этих хозяев наших, был свой собственный дом из нескольких комнат, 4 комнаты было. Нам выделили одну из них. В доме было чисто. Кровати были с богатыми высокими перинами. И нельзя сказать, чтобы они так уж рьяно наводили чистоту, просто в доме было чисто и всё. Просто никто не мусорил. В доме царили чистота и порядок, и какой-то внутренний свет. Чистые занавески на окнах, цветочки, скатерти на столах, половички на полу.

Но больше всего меня поразило то, что утром, перед школой нас накормили молочным рисовым супом со сливочным маслом. Это было какой-то небывалой сказочной роскошью! Дома такой суп, да еще утром перед школой нам никогда не готовили. Я вообще не припомню, чтобы мы утром что-то перед школой ели, если занятия были в утреннюю смену, да и с собой мы не брали ничего.

Еще помню, что хлеб у них был, тоже свой, но совсем другого качества. Он был белый, мягкий и очень приятный на вкус и на ощупь. У нас же испеченный хлеб был каким-то серым и каким-то не особо приятным, сделанным как попало, что ли. Вроде, из одной и той же муки... но бабка пекла его, видимо, абы как, лишь бы, лишь бы, ей было, как говорить, ни до чего.

А этот был настоящим прекрасным домашним хлебом. И вот эта разница меня почему-то очень сильно тогда поразила. Еще меня поразило у них сало. Оно было особенное: белое, мягкое и очень вкусное.

Я вот сейчас анализирую эту ситуацию и думаю: в чем тут было дело? И в свете сегодняшних воззрений, воз-

вращения к религии и прочего, думается, что наша семья была, наверное, поражена какой-то порчей, какими-то бедами. Они и создавали проблемы в семье, приносили грязь и нищету, способствовали пьянству матери. Да и не было у нас в семье никакой любви, никакого согласия. Мы жили вроде бы одной семьей, под одной крышей, но никто никого не любил, никто никем не интересовался. Хотя ... бабка может и любила моих младших братьев, своих внучат. Я-то ей была чужая. Родители же нашим воспитанием не занимались, и мы росли сами по себе. Сами себя воспитывали, как говориться.

Но доводилось и нам отведать вкусенького. И самыми вкусными для нас были пельмени. Ни о каких покупных пельменях в тогдашней деревне никто и не ведал, делали их сами. Но это может и к лучшему, что до наших пельменей не добралась тогда еще рука цивилизации, иначе бы я, вспоминая их, могла бы только плевать, ведь сейчас покупные пельмени перешли в разряд мусорной еды.

Ну, так вот. Пельмени мы делали сами, в зимний период, конечно же, когда было свежее мясо. Мясо у нас было свое, мука тоже. Ну все, конечно, знают, как готовить пельмени, и, может, и готовили, сами, но я расскажу, опять же, как это было у нас.

Сначала делали фарш. Перемалывали на мясорубке мясо — говядину. Далее добавляли шмат сала, тоже перемалывали на мясорубке. Затем измельчали лук, после чего в эту смесь добавляли соль, воду, черный перец и вымешивали фарш. Его пробовали на вкус, кстати, он получался очень вкусным, и выносили на веранду, на холод.

А тем временем готовили тесто, крутое пресное тесто. В большую эмалированную миску насыпали муку, добавляли соль и воду и замешивали тесто. Замечу, кстати, что ни молока, ни яиц не клали, так как их зимой в доме не было,

а в магазине они не продавались. Ведь домашние коровы зимой не доились, а куры не неслись. Это они в городе доятся, не знаю, правда как. Но у нас и кур в принципе не было. И несмотря на то, что в тесто клалось так мало ингредиентов, оно получалось очень даже ничего.

Тесто вымешивалось очень тщательно, потом бабка брала его и била несколько раз об стол. После этого тесто оставляли в покое, положив в сторонке на дощечку и накрыв полотенчиком. Так оно и лежало примерно полчаса. Но это все были лишь подготовительные приготовления, основной процесс начинался позднее.

Тем временем созывали народ: нас, детей, ну и также взрослых, тех, кто был дома. В основном, пельмени делались либо в выходные, либо в какие-либо праздники, поэтому все на тот момент были дома. Помогала в этом случае даже мать.

Мы усаживались вокруг нашего большого стола и принимались за дело. А в этом процессе было много всяких ступеней. И непростое это было, в-общем-то, дело.

Готовые пельмени укладывали либо на посыпанную мукой дощечку, либо на противни для выпечки хлеба. Но лепить сами пельмени было не так-то и просто, не у каждого еще это получалось, и кто не умел их, собственно, лепить, делал только предварительную работу, раскатывая, например, кружки для пельменей. Я помню, что у меня не особо получалось их лепить, они у меня разлеплялись. Хорошо лепили мать и бабка.

Вылепленные пельмени выносились на веранду для заморозки. Этим великолепием предполагалось пользоваться в несколько заходов.

Часть оставляли для варки. На плиту ставили кастрюлю с водой, вода закипала, пельмени засыпались в нее, варились. Потом вынимались и... начинался божественный про-

цесс: поедание пельменей. Их надо было чем-то сдобрить, какой-то добавкой, сливочным маслом, например, или сметаной. Но зимой ни того, ни другого не было.

Но у нас вместо сливочного масла был маргарин, он в принципе у нас и был вместо масла всегда, его и добавляли. И было неплохо. Тогда и маргарин был очень даже ничего, мы его даже на хлеб мазали и посыпали сахарным песком и ели с удовольствием.

Еще для пельменей мы растапливали сало — делали шкварки, в это растопленное сало и макали пельмени. Было очень даже вкусно. Еще из уксусной эссенции делали уксус, разбавляли ее водой и уксус такой получался. Но мы дети, пельмени с уксусом не ели, это было как-то не очень для нас. В основном, матери это нравилось.

Такие пельмени можно было съесть и без ничего, такими они были вкусными.

Для хохмы иногда делали фальшивые пельмени, несколько штук. В них клали либо кусок сала, либо красный или черный перец в большом количестве. Смешно было смотреть потом на того, кому попадался такой пельмень, обычно лицо у него было не очень. Хотя... может он сам его и делал, этот пельмень, закладывал туда всякую бяку, но надеялся, что это попадет к кому-то еще.

Да, пельмени для нас являлись супер блюдом, и мы радовались, когда они появлялись на нашем столе. Но, конечно, мясные пельмени были не таким частым удовольствием, их можно было делать только в холодный период года, когда было мясо. Частенько делали пельмени с другой начинкой, с кислой капустой, например. Я, честно говоря, больше нигде таких пельменей не встречала, а они были довольно вкусными. Ну вот, в летний период мы ими баловались, за неимением лучшего, так сказать.

Но чаще всего в летом делались не пельмени, а вареники с картошкой или с творогом. Ведь картошка была у нас в любое время года. Картошку в вареники у нас клали не вареную, как я наблюдала в городе, а сырую, порезанную на мелкие квадратики, при этом добавляли туда еще сырой репчатый лук. И такие вареники были намного вкуснее, чем с вареной картошкой. Кстати, я опять же нигде больше таких вареников с сырой картошкой не встречала.

И пельмени, и вареники были блюдами не на каждый день, потому что с ними надо было возиться, замешивать тесто, например. Поэтому все подобные блюда были скорее праздничной едой.

Иногда из мясного фарша делали и котлеты. Но они у нас были не особо в ходу, так как фарша на них шло много, а съедались они моментально, что было, в общем-то нерационально, так вот тратить мясо. Его можно было потратить и с большей пользой. В основном зимой из мяса варили кислые щи или какие-нибудь картофельные супы с крупами, а пельмени, котлеты, это все так, баловство.

Еще из вкусного, помню, делали хворост. Замешивали обычное пресное тесто, тонко раскатывали его, потом резали на полоски, а полоски эти тоже как-то надрезались, либо завязывались узлом. Потом на огонь ставили кастрюлю с топленным комбижиром и вот в этом жире и пекли эти полоски. Получалась целая гора вкусного хрустящего хвороста.

Надо сказать, что готовили мы, в основном, на маргарине, либо на комбижире. Не знаю, из чего этот комбижир делали, даже не представляю себе, но из чего-то, видимо, делали. Маргарин мы покупали либо в пачках, либо на развес. Покупали в магазине и подсолнечное масло, но оно тоже продавалось только на развес, точнее, на розлив, и было с сильным специфическим запахом, поэтому мы использовали его только для жарки рыбы.

Продавалось в магазине и сливочное масло на развес, но оно было очень дорогим: 3 рубля 60 копеек килограмм. И мы его никогда не покупали. Но иногда мы делали его сами. Сначала собирали сметану с молока в течение нескольких дней, точнее сливки, но мы называли их сметаной. Потом эту сметану надо было сбивать. Мы обычно делали это в трехлитровой банке, иногда в двухлитровой. Закрывали банку полиэтиленовой крышкой и начинали ее трясти. Потрясешь так полчаса, либо минут сорок, и в итоге получается потом кусочек масла. Вкус у этого масла был просто божественным, что ни говори. Его намазывали на хлеб и ели как истинное лакомство.

Конечно, это было нелегким делом — сбивать масло в банке, без всяких подручных средств, да еще и собирать для него предварительно столько сметаны. Поэтому мы делали это только иногда. А чтобы постоянно делать домашнее масло, надо было для начала обзавестись сепаратором — специальным устройством, которое извлекало из свежесвыдоенного молока сливки, и у зажиточных сельчан это устройство имелось. Кроме того, требовалась еще и маслобойка. Маслобойки были разные, были напольные — в виде ступки, а сверху такая толкушка, которая и сбивала масло. И были еще настольные маслобойки, наподобие швейной машинки или шарманки. Заливаешь туда сливки и начинаешь крутить ручку сбоку, так и сбивалось в итоге масло. Я такие маслобойки видела у своей другой бабушки в другой деревне. Но у нас не было этих устройств, поэтому приходилось пользоваться самым простым способом — банками. Но как-то обходились и банками. Потому что ведь для этих устройств требовалось еще и немалое количество молока, а у нас дойная корова была только одна, и молоко использовалось для других нужд.

Глава 12. Запасы на зиму

К зиме в деревне надо готовиться основательно. Это не город, когда, если чего-то нет, пошел в магазин и купил. Магазины-то в деревне были, но в них почти ничего особенного из продуктов не было, в основном, по бакалейной части что-то имелось. Поэтому заготовки на зиму являлись не каким-то там баловством, а суровой жизненной необходимостью. Потом собственно заготовками мы это дело не называли. Заготовки — это что-то несерьезное, баловство какое-то городское от нечего делать. Было время и желание — сами сделали, не было — пошли и купили.

В деревне, если не сделаешь чего-то для себя осенью, то зимой уже не пойдешь и не купишь. Идти было просто некуда, так как нигде оно это все в те времена не продавалось.

Так что правильнее это было бы назвать запасами на зиму. Итак, что же мы запасали? Ну, помимо картошки, естественно, которая как известно, была на деревне вторым хлебом.

После картошки запасались всякими соленьями, и, в первую очередь, солились огурцы. Именно солились, а не мариновались. В деревне в то время мало что было известно про это, чисто городское маринование. Никакими банками на деревне тоже не пользовались для засолки, это тоже считалось баловством. Банок для реальной засолки на семью на всю зиму потребовалось бы невероятное количество, так что да.

Солили в огромных бочках или в кадушках, высотой не ниже 1 метра. Я не знаю, сколько в такую бочку помещалось огурцов, может мешок, может и больше. Ну, и, конечно, не одну такую бочку засаливали, а 2, как минимум, или даже 3. И находились эти бочки в погребе.

Летом их вытаскивали наверх, и они стояли в огороде, в них хранили воду для полива. В бочках она нагревалась днем солнцем и растения поливались уже теплой водой. И сами бочки тем временем, были в воде, так было нужно, чтобы за лето они не рассохлись.

Огурцы обычно засаливали на зиму в середине или в конце июля. До этого времени их просто ели или делали в небольшой посуде малосольные огурчики. Воду из бочек перед засолкой выливали, саму бочку как следует промывали и ошпаривали кипятком, после чего спускали в погреб. А там уже проводили засолку: укладывали рядами огурцы со всякими специями: хреном, укропом, смородиновым листом, и заливали всё горячим рассолом. Сверху на бочку клали деревянный кружок, а на него гнет — тяжелый камень. Примерно через месяц — полтора огурцы были готовы.

Второй по важности была засолка капусты, ее тоже квасили много и в огромных кадушках. Но с капустой возни было будь здоров, не то, что с огурцами. Ее ведь надо было сначала, перед засолкой, порубить, и это целое действо. Целый день, а то и два могло на этой уйти. Выбирался специальный день для рубки и засолки капусты. Ее рубили в особых корытцах или на большой деревянной доске специальным рубакком. Рубак представлял из себя длинную деревянную палку, на которую насаживался топор. Вот этим и рубили капусту. У нас такой был рубак. И порубить им надо было очень много кочанов.

Капуста обычно снималась с огорода в конце сентября — начале октября, то есть, самой последней. Она была завершающим этапом в заготовках. Огромная кадушка для капусты спускалась в погреб и там происходила эта самая засолка.

Все остальное заготавливать было проще и не так обязательно, без всего остального можно было как-то обойтись, а без этого никак.

Итак, картошка, квашеная капуста и огурцы соленые были основой запасов. Уже на этом можно было как-то прожить, пропитаться. Ну, еще, естественно, заготавливался репчатый лук. У каждой семьи была пара грядок такого лука в огороде. Его выкапывали, высушивали, сплетали в косы, и вешали либо в кухне, либо хранили где-то в подполье.

Заготавливали морковь, она хранилась в погребе в ящике с песком. Там же хранилась и красная свекла. Вместе с ними клали и редьку. Мать была большой любительницей всего острого, так что редьку она для себя выращивала и заготавливала непременно. Порой вместе с редькой заготавливали и хрен, который в огородах не рос, его приходилось собирать где-то по задворкам в дикорастущем виде.

Помимо огурцов и капусты еще солились помидоры. Их тоже солили, не мариновали, но уже в меньшем количестве. Помидоры вообще в районе Алтая плохо вызревали. И были к концу лета зачастую не красными, а серо-буро-малиновыми. А возни в ними было будь здоров! Надо было выращивать еще рассаду где-то ранней весной на окнах в доме, но все равно они не успевали вызреть и большую часть их собирали с кустов еще зелеными, а они доходили до полной спелости уже дома, лежа на подоконниках или на полу.

Из каких-то специфических запасов делали калину, то ли с сахаром, то ли еще как. И использовали ее как начинку для пирогов.

Из сладких запасов варили варенье из черной смородины, земляники, черемухи или из ранеток, ведь нормальные, обычные яблоки у нас, в деревне тоже не росли. Не вызревали, короче. Может, где и росли, но в деревне я их не видела.

Поэтому именно ранетки были у нас в ходу и считались как бы яблоками. Варенье хранилось на кухне, в буфете и частенько портилось за зиму.

Порой солились арбузы. Или среди капусты, или отдельно. Арбузы у нас тоже особо не вызревали, были какими-то очень уж маленькими, в диаметре не больше 10–15 см. Такими же урождались и дыньки. Но мы были рады и этому, другого-то не было. Так вот, арбузы, не съеденные за лето, пускались на засолку. Но они, конечно, в таком виде имели уже специфический вкус и никак не были похожи на обычные арбузы.

Заготавливался горох, сушился на зиму. Откуда он брался в таких количествах, чтобы можно было им запастись, непонятно. Мы его практически весь поедали еще в лопатках. Но потом он возрождался вновь и вновь и в итоге его набиралось довольно много, основательный такой мешочек. Из него зимой варили гороховый суп.

Заготавливали семечки, и помногу. Это тоже было бабловство, но, почему-то пользовалось большим спросом. На каждом огороде в обязательном порядке росли по периметру подсолнухи, они шли в 2 или даже в 3 ряда. Это и украшало огород, когда подсолнухи цвели, и придавало ему законченность. К концу лета на стеблях подсолнухов появлялись огромные шляпки с семечками. Все-таки, увлекательно было их щелкать прямо из этих шляпок. И удобно. Но на зиму в шляпках оставлять их было нельзя, семечки нужно было выбить из шляпок какой-нибудь палкой, а затем просушить. Сушили обычно на покрывалах на солнце, а потом ссыпали в мешки. А затем, поздней осенью и зимой лакомились этими семечками всей семьей, особенно мы, дети.

Также заготавливали грибы, солили их, тоже пару каких-либо больших баков, либо небольших кадешек. Грибы мы

собирали и солили непременно, они у нас считались деликатесом.

Рвали в лесу также смородиновый лист для чая. Такой чай очень любил отец. Специально ездил на мотоцикле в лес и рвал эти листья для себя.

В лесу заготавливали и березовые веники для бани, ездили на мотоцикле, нарезали веток с берез, а потом целый день вязали из них веники, после чего относили их для хранения на чердак.

Заготавливали и полынные веники, чтобы подметать пол и обметать зимой валенки от снега. Обычно в сенцах, на веранде зимой лежал специальный веник, чтобы обметать после прихода с улицы валенки и не носить в дом снег. А у нас, за огородами, росла особого вида полынь, из которой мы и делали эти веники. Тут уж сами ходили и рвали эту полынь.

Что еще запасали? Да много чего надо было запастись. Из съестных запасов привозили с мельницы 1–2 мешка муки. Нам давали в совхозе пшеницу, а мы должны были ее сами перемолоть. Отвозили на мельницу, на мелькомбинат, в Алейск, сдавали зерно и через некоторое время получали свою муку, тоже на весь зимний период ей запасались. Никто в магазин за мукой не ходил, ее там просто не было. Так что если хотели что-то печь-выпекать, то мукой тоже надо было запастись. Еще привозили мешок отрубей, которые получались после помола пшеницы. И отруби эти шли на корм скоту. Все это добро у нас хранилось зимой на веранде.

Мясом и салом запасались позднее, когда мороз установится. Оно у нас до поры до времени находилось в сарае.

Для топки нашего дома привозили также дрова и уголь: по машине. Все это сваливали в угол на улице, с южной стороны веранды. Дрова, правда, надо было еще попилить

и поколоть, поскольку привозили, в-общем-то, древесный материал — обычные бревна. И сделать из них дрова — это надо было еще очень сильно постараться. Но как-то делали, складывали в поленницу около веранды под навес, рядом сгружали машину угля. Машины, правда, на зиму не хватало, привозили потом еще, поближе к весне.

Еще запасались сеном для коров, а также и соломой, привозили по два стожка. Сеном кормили скот, солому подстилали. И за каждым сараем обязательно еще стоял стог сена. Правда, осенью, в период дождей, так вот на земле сено не оставляли, а поднимали его наверх, на крышу сарая и укрывали сверху каким-нибудь целлофаном. Потом зимой подвозили еще стожок и его уже оставляли на снегу, рядом с сараем. И мы дети, очень любили в этом сене играть: прятаться, скакать на нем, съезжать с него или просто сидеть разговаривать. Старшеклассники любили уединяться в этих стожках со своими подружками, школьники помладше с 5-го по 7-й класс, просто веселиться, прыгать и скакать. Обычно это происходило по вечерам и называлось странным словом «бегать». «Ты бегать сегодня пойдешь?» — обычно спрашивали мы своих друзей и подружек. На современный лад это называется «тусоваться».

Глава 13. Рыбалка с отцом

Отец очень любил рыбачить. В Боровском было с этим делом проще, там под боком было озеро, в котором водились караси. А вот в районе Осколкова были, в основном, только маленькие небольшие речки, которые летом бывали максимум по колено или по щиколотку, так что особо не порыбачишь. Только в некоторых местах можно было найти нужную для рыбалки глубину. Но все равно в преде-

лах деревни вот так вот просто никто не рыбачил. Как-то несерьезно это было стоять с удочкой на берегу посреди села. Это считалась каким-то баловством и не приветствовалось.

А вот уехать куда-нибудь подальше и там рыбачить считалось нормальным.

Отец так и делал. В недолгие часы отдыха, в выходные или во время отпуска, он выезжал на мотоцикле рыбачить на природе. У него для этого были удочки, несколько штук, сам он их делал, в магазине они не продавались, разве что только крючки.

Ну, так вот. Отец брал удочки, ведро для улова, частенько сажал в коляску мотоцикла нас, детей, и мы отправлялись рыбачить куда-то за село, далеко в поля. Впрочем, там тоже текла та же самая деревенская речка Паразиха, либо какие-то ее притоки. Но там, далеко за пределами села, она текла в открытом виде и имела глубокие места. А вот в пределах села она была почему-то зарощена непроходимым ивняком, раkitником.

И вот км в 2–3 от села в северном направлении, было такое коленце речное, там образовалось совершенно открытое и глубокое место, вот туда нас отец частенько возил. Вот там, помню, мы сидели все на берегу речки, у такой тихой заводи и рыбачили. Да, это было увлекательное занятие, сидеть и смотреть на поплавок из гусяного перышка, который должен был уйти вниз, если рыба начнет клевать. Отец имел свою удочку, братья свои, у меня тоже удочка была, и я сидела и рыбачила.

Что же мы ловили, какую рыбу? В основном, там водились пескари, мелкая такая рыбешка, их можно было много наловить. Более солидной добычей считались чебаки — серебристые плоские рыбки чуть большего размера.

Еще более важной добычей являлся окунь, но он редко попадался. Ну а венцом всего был линь, золотистая такая рыбка. Больше я не помню, чтобы мы там что-то ловили, больше там ничего и не водилось в этой речке. Да и эти рыбешки были очень маленького размера — 10–15 см, не более. Линь был самой большой рыбешкой и по длине, и по ширине. Окунь — мелкие такие, малюсенькие, не длиннее ладошки. Это тебе не морские окуни и не окуни из больших рек.

Чисто теоретически в этих речках водилась и щука, иногда отец ее привозил откуда-то, но при мне я не помню, чтобы он ее ловил.

В озерах и в прудах водились еще караси, а так же гольяны, мелкая такая рыбешка с мизинчик величиной. Я как-то, помнится, пошла с детьми на пруд через поле, где-то в километре от села и наловила на этом пруду очень много этих самых гольянчиков, они там клевали безостановочно.

Отец и братья очень гордились своим немудреным уловом. Мать и бабка тоже с удовольствием пойманную рыбу разделявали и жарили ее на больших сковородках на подсолнечном масле с луком. Еще помню, эту рыбу в муке обваливали, чтобы не пригорала. Было очень вкусно.

Так что не просто так рыбачили, не для забавы, а для дела, для еды.

Но вот такую, жареную рыбу можно было отведать только в летний период, зимой никто никакой рыбалкой не занимался. Если только какие-то заядлые рыбаки, а так нет. Да и не было у отца подобного снаряжения, чтобы зимним ловом заниматься. Вообще, особо там рыбалкой не позанимаешься в зимнее время, мороз-то градусов 25 там.

Простые удочки для летнего лова отец делал сам. Срезал с ивняка лозу для удилица, прикреплял к нему капроновую леску, для поплавок брал гусиные перья, а грузи-

лом служил расплавленный свинец из аккумуляторов. Вот, правда, крючки не знаю где брал, может сам делал из чего, хотя вряд ли, может покупал где в городе. Крючки еще можно было купить.

Для приманки копали дождевых червей. Они были везде, где не копни. Но особо жирных накапывали на хорошем, влажном черноземе. Собирали их в какую-нибудь коробочку или в жестяную банку, присыпали землей и брали на рыбалку.

Вот и все знания, которые я получила в жизни в области рыбалки. После отъезда из деревни рыбачить мне больше не доводилось. И хоть сейчас я живу на берегу озера, около Большого Очаковского пруда, но рыбачить я здесь и не пробовала. А рыба тут есть и рыбаков много сидит с удочками на берегу, и зимой сидят. Рыбное озеро. Но боюсь тут рыбачить. Как-то неловко мне, это вроде как мужское занятие, женщины редко занимаются подобными вещами.

С другой стороны меня пугает то, что я не знаю местных рыб, каких они пород и можно ли их есть. Ведь бывают еще и сорные рыбы, которых не едят. Но я не знаю, как они выглядят. И если поймаешь чего, то будет непонятно, чего я там еще поймала. Я с детства знаю всего несколько пород рыб: пескарь, чебак, окунь, линь, карась и голяян. И еще седьмую, чисто фигурально существующую шуку. Рыб для ловли, конечно, речных и озерных. Другие породы для себя я не воспринимаю, так как не могу внутренне их идентифицировать. Это ведь закладывается в детстве — возможность распознавания подобных вещей. Также и по грибы я боюсь здесь ходить, так как не могу распознать местные виды, и я боюсь взять что-нибудь не то.

Глава 14. Баня

Одним из приятнейших моментов деревенской жизни было посещение бани. Причем, ни в Осколково, ни в Боровском собственной бани у нас не было. Поэтому приходилось побираться, просить разрешения у соседей истопить их баню, что было непросто. Не каждый еще и хотел давать, кому приятно, чтобы в их бане мылась чужая семья? Но нам давали, мать каким-то чудом выпрашивала. А может, еще боялись и отца, он, все-таки, был властью на селе, участковый, как никак.

На нашей улице из 10 домов бани были примерно у половины семей. С нашей стороны было 3 бани: у Меркуловых, у Провоторовых и у еще кого-то, забыла их фамилию, и с другой стороны 2 бани: у Радченко и еще далее у кого-то еще. Потом, правда, бани подстраивались и у других соседей, тяжело было в деревне без бань.

В основном, мы топили баню у Радченко, это была как бы наша баня. У них поначалу бани тоже не было, но они быстренько так ее построили. Банька получилась очень даже ничего, такая легкая, светлая, с легким, как говорят, в таких случаях, паром. Потому что в некоторых других банях порой не очень приятный был пар, тяжелый такой. А у этой был пар в самый раз.

Обычно баня в деревне состояла из двух помещений: холодные сенцы, в которых раздевались, и парно-мыльное помещение, в котором одновременно и мылись, и парились. В деревенских банях они обычно не разделялись.

Но баню сначала надо было вытопить или приготовить. Натаскать туда воды из колодца: в котел для горячей воды и в котел для холодной. Это был нелегкий труд — столько воды натаскать, ведер 10 может быть, а может и больше. Еще приносились дрова и растопка, чтобы то-

пить баню. Еще в бане надо было потом прибраться, помыть полы. Возможно, после прежнего мытья в ней еще было и не убрано.

Потом затапливали баню. Она топилась часа 2. Ну, и после этого туда шли мать или бабушка и все там мыли, убирали, готовили тазы для мытья, мыло, мочалки, веники. Проверяли пар. И можно было начинать мыться, и париться.

В первый пар шли мужчины. Если мы топили баню на пару с хозяевами, то шли отцы семейств и старшие сыновья. Во вторую очередь шли матери и старшие дочери. В третью — бабки с малышкой. А если мы топили без хозяев, то отец шел с матерью, а мы потом всем скопом с бабкой. Мать потом еще оставалась с бабкой помыть нас.

Когда Сережка, старший из братьев, подросток, он уже ходил с отцом, я — с матерью, а бабка — с маленьким Юркой.

В первую очередь, я по любому не попадала, поэтому приходилось ждать, когда придет отец. Ну, первый пар — он был очень сильный, поэтому во вторую или в третью очередь было как раз нормально.

Мать моя была большая любительница бани, поэтому, насколько я помню, она порой оставалась и на вторую, и на третью очередь.

Мытье в бане проходило при свете керосиновых ламп, одна ставилась в сенцы, где раздевались, другую заносили в баню. От пара в некоторых случаях стекла на лампах лопались, и они гасли. Но вот в бане у Радченко провели электричество, что было очень даже хорошо. Не надо было мучиться с лампами.

Топили бани в основном в осенне-зимний период, хотя, вроде как и летом топили, мыться-то ведь где то надо было. Конечно, можно было и в речке искупаться, но все равно, одно дело купание, другое — мытье. Несколько разные у них задачи. Но летом если и топили, то не столь

часто, в основном, банный сезон приходился на холодный период года.

Мытье в бане начиналось с легкого прогрева. Зайдя в баню, мы садились на полку и грелись. Место для парки состояло из большого полка, где парились взрослые, и маленькой, нижней скамьи, где обычно сидели мы, дети. Наверху нам было слишком жарко и туда нас особо не тянуло.

Нам наливали в тазики теплую воду и прогревшись немного, мы начинали мыться специальными капроновыми мочалками, состоящими из белых капроновых волокон, мы называли их вихотками. Кстати, мочалки мочалками мы почти никогда не называли, а именно вихотками. Это такой местный, алтайский диалект. Мылись каким-то простеньким туалетным мылом типа «Земляничного» либо «Хвойного», либо «Банного». Голову мыли стиральным порошком «Лотос» или густой стиральной пастой. Порошок насыпали в ладошку, потом на голову, вспенивали как следует, промывали волосы, потом смывали. Ни о каких шампунях мы тогда и слыхом не слыхали. Только когда я побывала с теткой в Москве в 1972 году, только там я и узнала, что существует шампунь — специальное такое средство для мытья головы. Но в любом случае, даже узнав о том, что шампунь существует, мы бы все равно не смогли бы им воспользоваться, так как он у нас не продавался. Так что приходилось довольствоваться стиральным порошком либо пастой, это был наилучший вариант.

После мытья, мы могли вдоволь попариться. Мать или бабка плескали воду на каменку и хлестали нас после этого вениками нещадно.

После парки мы выбегали отдыхать в предбанник, потом опять шли париться. И так несколько раз. Каменка была в бане именно открытая, вода бросалась на открытые камни,

после чего образовывался сильный влажный пар, в котором ничего порой не было видно.

Намывшись и напарившись вдоволь, мы напоследок окачивались чистой водой из тазика и шли в предбанник одеваться. Волосы сушить было негде, никаких фенов тогда еще не было и в помине, во всяком случае, в нашей деревне, поэтому голову с мокрыми волосами укутывали как следует теплым платком и выходили на улицу. И под лай окрестных собак, дыша чистым морозным воздухом и хрустя снегом, если дело было зимой, шли домой. Дышалось легко и приятно, и было здорово пройтись домой после бани. Порой светила луна, но порой не светило ничего, и нам приходилось добираться до дома в крошечной тьме. Ведь так светло, как в больших городах, в деревне ночью не бывает. Если нет естественного освещения, то ничего и нет, никакого света. Но мы по памяти, на ощупь, как говорится, находили дорогу домой.

Придя домой, ложились на кровать отдыхать, потом плотно ужинали и ложились спать. Так заканчивался этот банный день. И, несомненно, баня была событием в жизни нашей семьи, настраивала всю семью на особый, торжественный и даже праздничный лад.

Я не знаю, как мы, столько лет живя в Осколково, прожили без собственной бани, уж проще было построить ее, чем вот так ходить каждый раз и просить. Но, тем не менее, вот ходили, побирались.

Частенько мать, как большая любительница этого дела, ходила мыться в чужие бани после того, как вся хозяйская семья вымоется, ведь организовать свою баню было не таким уж легким делом. Она прознавала, кто где топил баню, ну и намыливались идти туда после всех, естественно, спрашивая разрешения у хозяев. Те разрешали. Частенько в эти помывки она брала с собой и меня. В таких случаях при-

ходилось идти туда довольно поздно. Часов в 9–10 вечера, ну и возвращаться, соответственно, тоже. Ведь нужно было ждать, пока вся хозяйская семья вымоется, и после этого уже идти в четвертую, либо даже в пятую очередь. Мне, честно говоря, вот эти помывки в чужих банях после всех не нравились, как-то неприятно было мне в такое позднее время мыться. И не зря. Говорят, что в четвертую очередь ходить в баню нельзя, там черти моются. Ну, и мы с матерью, наверное, мылись в такое время с чертями.

Глава 15. Сельские магазины

Магазинов у нас в селе было немного, очень даже немного. И все они, в основном, находились в центре села, на перекрестке, при пересечении двух улиц. Там образовывалась такая площадь и на 4-х углах этой площади были расположены как раз 4 эти магазина. С одной стороны, с северной, был магазин «Продукты», сзади него, с западной стороны — «Хлеб». На другой стороне улицы, через дорогу, с южной стороны были «Хозтовары», а напротив, с юго-восточной — «Промтовары». Вот, в общем-то, и всё.

Но со временем в нашей заречной, западной стороне, на Гриве, открыли еще один продуктовый магазин. И потом сделали такой же магазинчик и на нашей, нижней улице, в одной из пустующих квартир. Конечно, это в какой-то мере облегчило нам жизнь, но ненадолго. Я правда не знаю, как без продуктовых магазинов обходились южные и северные окраины села, может там и были какие-то свои маленькие магазинчики, но просто мы об этом не знали.

Я что-то не припомню, где у нас в селе была аптека и была ли она вообще. Может, при больнице где была, а может и около «Продуктов». Но, скорее всего, аптеки не было

и за лекарствами приходилось ездить в город. Я не помню, чтобы я когда-то ходила в аптеку и что-то там покупала. Вообще не помню. Хотя лекарства у нас какие-то вроде были, мы ведь каждую зиму болели простудными заболеваниями. Но где их покупали, неведомо.

Что там продавали, в этих магазинах? В продуктовом, в основном, бакалею: соль, сахар, крупы, лапшу, макароны, чай, какао, кофейные напитки в пачках. Натурального кофе не было, я долгое время не имела понятия, что существует какой-то там натуральный кофе. У нас продавались только кофейные напитки из цикория или из ячменя, мы и думали, что это и есть настоящий кофе.

Были также жиры: маргарин в пачках или на развес, комбижир на развес, было и сливочное масло, также растительное на развес. Еще консервы рыбные, мясных не было. Еще конфеты — карамель на развес. Были и шоколадные, но их мало кто покупал, так как они были дорогими. Был и шоколад в пачках, но тоже дорогой, редко его покупали.

Что еще было? Халва подсолнечная на развес, но редко. Халва считалась лакомством и не всегда еще она была и мы за ней охотились. Еще печенье продавали, пряники. Еще было повидло в больших таких металлических банках, также яблочное пюре в банках, но уже в стеклянных, компот из сухофруктов либо кисель в пачках и на развес. Ах, да! Иногда была замороженная рыба, какой-нибудь хек или минтай, либо камбала. Также селедку продавали.

Насчет других продуктов я что-то не припомню, чтобы они были. Ну, те продукты, которые привычны для горожанина, например, колбаса. Хотя... ливерная, может и была когда, а такую не видела. Из молочных продуктов было только сливочное масло. И плавленые сырки. И все, не было никакого молока в пакетах, сметаны, творога,

кефира. Почему? Да потому что летом молочные продукты были у всех и так, а зимой коровы-то не доились, откуда молоко взять и все производные от него? Это они в городе доятся, точнее, для города каким-то чудом, а так нет.

Также не было в магазине и мяса, никакого и никогда. Еще не было никаких овощей и фруктов, поскольку овощи жители выращивали сами, а без фруктов как-то обходились. А кто не выращивал овощи в своем огороде, тот и не ел их, ясное дело.

Да, еще продавались сигареты, точнее, папиросы «Север», «Беломорканал», еще что-то наподобие «Примы». Про такие сигареты, какие мы привыкли видеть, с фильтром, мы ничего не знали, в то время они в селе не продавались. А из вин, из спиртного, ну, водка продавалась, ясное дело, куда ж без нее, а также какие-то крепленые вина, типа портвейна. Может и сухое какое было. Но я тогда в этом не разбиралась, в этих винах, мне зачем? Я еще ребенком была.

Ну а в булочной сзади продавался хлеб в кирпичиках, белый за 24 копейки, черный за 12 копеек и серый за 16. В батонах хлеба там я никогда не видела. Еще могли продаваться сайки за 6 копеек, либо большие баранки.

«Хозтовары» меня как-то не привлекали, и я одна туда практически не заходила, если только со взрослыми. Там было темновато, стояли какие-то лопаты, грабли, ведра и что-то еще, что меня даже пугало.

Мне, как девочке, нравился магазин «Промтовары», он был в новом помещении с большими стеклянными окнами. И я, идя из школы, частенько туда заходила, рассматривала вещи. Иногда что-то и покупала, в основном из канцтоваров.

Однажды я увидела там серое платье. Темно-серое такое, с длинным рукавом, с маленьким кармашком на груди, с воротничком. Стоило оно 29 рублей. Оно мне так понравилось почему-то, и я все ходила и смотрела на него, смотрела. Но кто мне мог его купить? Это было невозможно, никак. Деньги на одежду у нас были очень ограничены, и я даже не помню, чтобы мне что-то покупали из одежды в этом магазине, кроме разве что школьной формы. Если только летние платья иногда покупали, они были дешевые эти платья или сарафанчики, по 1 руб. 20 коп. примерно. Я вообще не помню, что я носила помимо школы в осенне-зимний сезон, но что-то носила, видно.

Короче, ходила я в этот магазин, кое-что смотрела, но не более того. Но, впрочем, в магазинах ничего и не было тогда, в годы тотального дефицита, так что и смотреть-то было особо нечего.

Глава 16. Клуб

Следует рассказать, наверное, и о нашем, так сказать, культурном деревенском досуге. Но тут, конечно, особо не разгуляешься, деревня, все-таки, какой там может быть культурный досуг? Ну, по сравнению с городом, конечно. Это же дело непростое, много чего для этого нужно, чтобы этот самый досуг организовать, поэтому да. В основном, весь досуг деревенских жителей сосредотачивался в деревенском клубе или в Доме культуры, если таковой имелся.

У нас в деревне все места общего, так сказать, пользования: школа, больница, дирекция совхоза, почта, магазины, всё это было еще более-менее, кроме клуба. Здание клуба было просто ужасным, что нас, детей, просто угнетало. Ведь

нам, в большей степени были нужны лишь школа, клуб, да некоторые магазины.

Клуб располагался рядом со школой, бок о бок, метрах в 10 от нее, с правой стороны и был он в убогом сером деревянном строении, которое ужасало одним своим видом. Говорили, что раньше, до революции, в нем была местная церковь или, точнее, молельный дом, так как на церковь это сооружение было мало похоже, скорее на какой-то заброшенный сарай. Жаль, что у меня нет фотографий этого клуба, надо просто видеть это сооружение, чтобы иметь о нем истинное представление.

Как он выглядел внутри? Там были сенцы перед входом в основное помещение, затем зрительный зал, наверное, мест на 50, сцена, и что-то за сценой, какое-то небольшое помещение. С другой стороны было помещение, откуда транслировалось кино, точнее, показывалось, и где находилась еще и касса для продажи билетов. Окошко в эту кассу открывалось с задней стороны клуба, на улице. Там был такой длинный узкий лаз, в который надо было сунуть руку с 5-ю или с 10-ю копейками и получить вождеденный синий билетик.

Вот мы частенько после школы, после второй смены, сразу же бежали в кино, которое начиналось либо в 19, либо в 20 часов вечера. Ну это если родители давали деньги на кино: пятачок или даже 10 копеек. Но они частенько давали, в этом случае особо не жадничали, и мы с удовольствием бежали смотреть кино. По-моему, даже был такой вечерний детский сеанс для школьников ранним вечером, и вечерний взрослый — это часов в 9 или даже в 10 вечера. Туда дети, конечно же, не допускались.

В деревне тогда еще не было никаких особых развлечений, впрочем, как и сейчас, и кино было развлечением чуть ли не единственным. Телевизоры тогда были

очень дорогими и мало кто их имел, мы свой купили с трудом и не сразу. Так что фильмы можно было посмотреть только в деревенском клубе. Ну мы и смотрели все эти кинорадости тех лет: «Неуловимые мстители», «Свадьба в Малиновке», «Трембита», «Кавказская пленница», «Бриллиантовая рука», «Иван Васильич меняет профессию». Другие фильмы я плохо помню, но эти, конечно, запомнила, а как же не запомнить?

На сенцах клуба висела афиша и мы, идя утром в школу, могли узнать, какой фильм будет идти сегодня вечером или же на следующий день. Если фильм был известный, знаменитый, то мы кланчили у родителей деньги, непременно желая посмотреть. Порой фильмы повторялись, возможно, мы смотрели их в прошлом году, но хотели еще раз посмотреть и в этом, поэтому частенько уже знали, на что шли.

Сам клуб, конечно же, был ужасен, это было понятно всем. Низкое, темное помещение, ни холла, ни раздевалки, ни туалета, только сенцы и зал.

Зал был маленьким и низким, и в него порой набивалось столько народа, что многим приходилось либо стоять у стенки, либо сидеть на полу перед экраном. Мы, дети, частенько сидели на полу. Но мы особо по этому поводу не переживали, главное было попасть на фильм.

Еще в клубе бывали концерты, приуроченные к каким-либо праздникам. Мы, правда, особо на них не ходили, все наши праздники проходили в школе. Но потом, когда стали постарше, ходили и на эти концерты тоже.

Бывали и какие-то заезжие артисты в наших краях, но не знаменитости, конечно, а так, местного значения. Но и это было очень редко, и это было для нас праздником. Афиша вывешивалась загодя и нам не терпелось попасть на эти представления.

Однажды даже какой-то заезжий цирк приезжал, жонглеры какие-то, гимнасты, колуны. И вот помню, потолок в клубе был настолько низким, что один гимнаст не смог выполнить номер на своих болванках. Я это запомнила почему-то на всю жизнь. Нам одновременно было и смешно, и стыдно перед заезжими гостями, что у нас такой клуб.

Вообще, стыдно было и руководству совхоза, и учителям, и родителям. Все говорили, что у нас плохой клуб и нам нужен новый. Говорили, говорили, и наконец, каким-то чудом построили прямо рядом со старым. Буквально за год его возвели на радость всем. Я еще захватила этот новый клуб, где-то в 1976 году его построили, а может даже и раньше.

Клуб сделали двухэтажным, что было достаточно прогрессивно, ведь из двухэтажных зданий в селе была одна только школа. Зал был мест, наверное, на 600, сцена была большая. На втором этаже сделали сельскую библиотеку, довольно основательную, я еще туда ходила и брала там книги. Самодеятельность там завели, стали всякие концерты устраивать. И не стыдно теперь было ни перед кем за наш новый клуб. А старый, даже не знаю, куда он делся, его тут же разломали, по всей видимости, но мы нисколько об этом не сожалели.

Глава 17. Телевизор

Телевизоры в селе в те годы являлись большой редкостью. И дом, в котором это чудо существовало, было видно издалека, поскольку над ним возвышалась антенна. И не тарелка, как мы все уже привыкли, а довольно массивное сооружение: высокий столб с проволочным каркасом в виде ромба или квадрата наверху. Каркас этот ловил

телеволны и они передавались по этому столбу с помощью кабеля в дом, к телевизору. Но для начала нужно было этот самый телевизор еще купить. А он стоил тогда целое состояние.

Я расскажу, как мы купили свой. И приобрести его нам удалось только после сдачи коровы. Мы продали, точнее, сдали государству одну из своих коров, и получили за нее деньги: примерно 460 рублей. Много это или мало? Для сравнения скажу, что отец получал в месяц примерно 160 рублей, значит корова стоила где-то три его месячных зарплаты.

Корову мы сдали единственный раз в жизни, так-то нам корова требовалась либо на мясо, либо на молоко, поэтому вот так сдавать постоянно или даже часто мы не могли. Но один раз почему-то сдали, даже не знаю, почему. Наверное, какая-то лишняя корова оказалась.

И вот сдали мы ее и стали думать, то ли деньги на книжку положить, оставить, чтобы были на всякий случай деньги, то ли телевизор купить. Думали, думали и решили, все-таки, телевизор купить. Как-то желания у всех совпали в этом плане.

И купили «Таурас», литовский телевизор, модель такую, черно-белый, достаточно большой и стоил он то ли 360 рублей, то ли 412. Но почти целую корову. Так мы меняли корову на телевизор, и, в общем-то, не пожалели. На коров мы уже насмотрелись, а вот телевизора у нас еще не было. Так у нас появилось кое-что немаловажное для культурного, так сказать, досуга. А то — клуб клубом, но ведь особо не находишься по клубам-то, особенно зимой, в морозы да в бураны. И клуб был довольно далеко от нашего дома, на той стороне речки, а не вот тебе выскочил и — клуб тебе! А телевизор, все-таки, великое дело в таком-то месте — в далекой деревне да в такое-

то время, когда ни Интернета, ни даже компьютеров еще и в помине не было.

Купили, установили и стали смотреть. В нашей местности на телевизоре было всего, по-моему, два канала: московский первый канал и второй, местный. А может, и вообще, один был. Или три. Я точно не помню. Но кажется, мы переключали его куда-то, туда-сюда.

Я, кстати, особой такой любви к телевизору не испытывала, ни тогда, ни в более позднее время. Но все равно как-то периодически, в основном, за компанию, смотрела. Что мы смотрели? Новости, конечно, в первую очередь, программу «Время» в 21 час. Это на час была передача. До этого «Спокойной ночи, малыши», ну а после, порой какой-нибудь фильм. А так «Голубые огоньки», новогодние, которые были тогда событием для народа. И вообще праздничные всякие там концерты советской и зарубежной эстрады, тогда только по праздникам можно было каких-то известных певцов посмотреть. И конечно, я помню первый наш телесериал «Семнадцать мгновений весны», который мы всей семьей смотрели не отрываясь.

Отец очень ответственно относился к просмотру телевизора, к своего досугу. Он обязательно просматривал только что полученную программу передач, которая печаталась в краевой газете, отмечал все фильмы или передачи, которые хотел посмотреть, подчеркивал их. А потом, после работы он укладывался на диван в общей комнате и смотрел в обязательном порядке новости и фильмы. Также на диван порой ложился рядом с ним брат Сережка, а в ногах, поперёк, садился брат Юрка. Я же иногда усаживалась рядом на стул. Это если шел какой-то суперфильм, как эти «Мгновенья...». Еще рядом на другом стульчике садилась мать, и даже приходила порой из кухни бабушка, если было очень уж интересное кино. А так, когда отец

дома, я старалась уже в эту комнату не ходить, где он лежал, я его побаивалась как-то.

В выходные он целыми днями лежал на диване и смотрел телевизор.

Я же смотрела телевизор после прихода из школы, до прихода отца, если училась в первую смену, или до школы утром, если училась во вторую. Но передачи, по-моему, начинались тогда по будням не с утра, а где-то с 12-ти или 2-х часов дня, так что утром особо не рассмотришься, если только по выходным или по праздникам.

Помню, когда у нас были длинные зимние каникулы с 1-го по 10 января, мы смотрели по телевизору тогдашний мультсериал «Волшебник Изумрудного города». Очень мне понравился этот сериал, и я до сих пор его помню.

Так что вот такой у меня был опыт общения с телевизором в детстве.

Глава 18. Подписка

Подписка тоже являлась возможностью организовать себе культурный досуг, получить прямо на дом нужные газеты и журналы и с удовольствием их почитать. Ведь книги тогда купить было проблематично, у нас даже книжного магазина в деревне не было. Правда, уголок книжный был в промтоварном магазине, но что это были за книги, даже не имею представления. Они стояли где-то там, за прилавком, в отдалении, вот так вот не подойдешь, не потрогаешь. И если мы покупали какие книги, то только детские, и еще учебники. А так, какие-то взрослые книги мы вообще не покупали, я не припомню такого случая. Хотя... может и было когда, просто я этого не помню. Я же тогда писательницей, поэтессой быть не собиралась еще, хотя... уже подумывала

о чем-то в этом направлении, но конкретных планов еще не было. Поэтому образовываться в этом плане, читать поэзию, прозу, каких-то авторов конкретных... нет, у меня этого и в мыслях не было.

Правда, у нас стояла дома этажерка с книгами, но эти книги родители покупали давно и еще похоже до нашего рождения. Поэтому газеты и журналы и были нашими текущими книгами. Впрочем, какие-то книги мы брали в библиотеке, ни в каких магазинах тогда нормальных книг купить было нельзя, даже если б такие магазины и имелись бы в нашей деревне.

Ну, так вот, подписка. Она осуществлялась раз в год, осенью, на следующий год, и отец относился к этому очень серьезно.

К нам на дом заходила почтальон и вот у нее мы и подписывались. Она носила с собой список изданий и по нему мы выписывали себе все, что считали нужным.

Что же мы выписывали, точнее, отец? Ведь поскольку деньги были у отца, он и командовал этим делом.

А он выписывал себе, в первую очередь, ежедневную краевую газету «Алтайская правда». Зачем она ему была нужна, даже не знаю, но он почему-то всегда ее выписывал. Подписка на год, кажется, стоила 6 рублей.

Затем он также непременно выписывал районную газету «Маяк труда». Она приходила 3 раза в неделю Тираж у нее был достаточно большой, где-то 10 тысяч, а у «Алтайской правды» — 100 тысяч.

Вот это были две газеты, которые он непременно выписывал. Может, это ему требовалось по долгу службы, чтобы знать, что происходит в крае и в районе. Может быть, ведь он же был участковым инспектором, поэтому должен был быть в курсе общих дел и событий.

Но вот центральные газеты он почему-то не выписывал, «Правду», например, подписка на которую была обязательна для членов партии. Впрочем, отец членом партии и не был. Но все-таки... даже и беспартийные ее обязаны были выписывать. Но ему, похоже, хватало «Алтайской правды». Также он не выписывал и газету «Труд», которую на селе многие выписывали. Еще была «Сельская жизнь» на которую многие подписывались, но мы нет.

Еще он непременно выписывал свой журнал «Советская милиция», наверное, их обязывали даже выписывать по долгу службы. Но это уже не у нашего почтальона, а в городе, на работе. Такие издания позволялось выписывать только сотрудникам милиции, другим не положено было. Отец привозил этот журнал раз в месяц из Алейска, и мы с удовольствием читали опубликовавшиеся в нем детективы.

А так из журналов выписывали еще «Роман-газету», очень такой интересный был журнал, пользовавшийся популярностью в сельской местности, и все вот эти почвенческие романы шли именно в этом издании многомиллионными тиражами. Но и этого не хватало, так как подписка на этот журнал была лимитированной и не каждому доставалась. Но мы подписывались, отцу оставляли лимит на почте как представителю власти. Помню, я еще с удовольствием читала «Ивушку неплакучую» Михаила Алексева, «Матерь человеческую» Виталия Закруткина, «Вечный зов» Анатолия Иванова, «Сибирь» Георгия Маркова, «Последний поклон» Виктора Астафьева. Меня все романы просто потрясли тогда! И все село за ними гонялось, у нас многие брали почитать эти журналы.

Еще выписывали журнал «Крестьянка». Ну это уже для женской части нашей семьи. Мне как девочке, тоже этот журнал очень нравился. Там были и рецепты блюд, и советы

по домашнему хозяйству, и мода. Тогда тоже с такими изданиями были проблемы. Нигде не найдешь.

Еще порой отец выписывал себе «Крокодил», сатирический журнал и с удовольствием его читал. И мы смотрели и смеялись.

Нам, детям, выписывались либо «Веселые картинки», либо «Мурзилка», детские журналы. Когда мы стали постарше, стали выписывать газету «Пионерская правда», а когда у меня наступил комсомольский возраст, выписали впервые «Комсомольскую правду». Кстати, на подобные издания подписывались даже не из любви к ним, а просто обязывали пионеров и комсомольцев выписывать их. Конечно, у детей-то денег-то не было, поэтому рекомендовали их родителям. И об этом не стоит забывать, почему такие большие тиражи были у партийной и государственной прессы, потому что по обязанности эти издания выписывали.

Еще помню, выписывали журнал «Пионер». А где-то в 7-м классе я упросила выписать мне «Литературную газету». Еще однажды, опять же по моей просьбе мне родители выписали журнал «Цветоводство». Мне очень нравились тогда сады, цветы и хотелось вот об этом почитать. Был еще журнал «Работница» в паре с «Крестьянкой», но мы почему-то никогда на него не подписывались.

В плане еще каких-то литературных изданий мы ничего больше не выписывали. Знать-то знали о существовании некоторых, например, о «Литературной России» или о «Юности», или о «Сельской молодежи», о «Смене», но не подписывались. А вот о толстых литературных журналах я даже не имела понятия, о них я узнала только в Москве, да и то не сразу. Ну, и конечно, пришедшие издания приносили нам много удовольствия, и мы все их прочитывали от корки до корки.

Глава 19. Поездки в город

Самым ближайшим для нас городом был наш райцентр — Алейск, это где-то в 40–50 км от села, смотря как ехать.

В нашу деревню из Алейска ходили рейсовые автобусы, 2 раза в день: утром и вечером. Так что если нам надо было зачем-то в город, то мы утром шли на утренний автобус, а возвращались назад на вечернем. Иногда, правда, мы на этот вечерний автобус не попадали, он уходил довольно рано, часов в 7 вечера, в таком случае приходилось уже ночевать на вокзале в ожидании утреннего рейса. Родственников и близких знакомых у нас в Алейске не было, что было крайне неудобно, так бы можно было бы заночевать у них, поэтому приходилось перебиваться на вокзале. У многих односельчан были родственники в Алейске, а вот у нас нет. Конечно, родственники в близлежащих городах для сельских жителей были большим подспорьем, мало ли по каким надобностям требовалось приехать в город. Но нам приходилось вот так вот перебиваться, что было крайне неудобно.

Когда мы были маленькими, то мы ездили с кем-то из родителей. Потом, уже в старшем возрасте, ездили за чем-либо в город самостоятельно.

Алейск стоял на реке Алей, которая и дала название городу. Она протекала с восточной стороны, и, прежде чем въехать в город, мы ее проезжали. Это достаточно большая река, она там, дальше, впадала в Обь.

Ходили через Алейск и прямые поезда из Москвы, был один такой поезд Москва — Лениногорск, на нем ездила к нам тетка из Москвы. Лениногорск — это такой небольшой городок в северной части Казахстана, недалеко от Алтайского края. Поезда из Москвы проходили таким образом через весь Алтайский край с севера на юг и завершали свой путь недалеко от южной оконечности края.

В принципе, это было удобно, доехать вот так вот без пересадки прямо из Москвы почти до нашей деревни. Тетка так и ездила, а потом уже и я.

Зачем же мы, все-таки, ездили в город? В основном, нам нужны были магазины. Мы покупали там что-то необходимое для школы или для дома, школьную форму, например или спортивную форму для физкультуры, или еще какую-либо необходимую одежду, либо школьные принадлежности, а также учебники. Ведь в деревенском магазине почти ничего этого купить было нельзя. Ну были там какие-нибудь тонкие тетради, может, простые карандаши, может, ручки, ластики, а больше ничего. Особенно сложно было достать физкультурную форму или учебники. Учебники мы тогда сами покупали, и это была целая проблема, пока соберешь весь комплект. И не все еще было в Алейске, но все-таки что-то там было.

Второй момент, зачем мы туда ездили, это фотографироваться. В деревне фотоателье тогда не было, впрочем, и сейчас, наверное, тоже, и фото на какие-либо документы приходилось делать в городе. Это сейчас все просто при наличии цифровых технологий, а тогда фото в принципе было целой проблемой, не говоря уже о фото на документы. Ну, например, на паспорт или на комсомольский билет. И это делалось в два захода: сначала нужно было поехать сфотографироваться, а потом уже, дней через 10, съездить и забрать готовые фото.

Наш маршрут в Алейске по городу пролегал от вокзала до базара, да, вокзал — базар, как говорится. Если вокзал находился в восточной части города, то базар — ближе к западной. И между ними было какое-то расстояние в несколько поперечных улиц, правда, не особо значительное, за полчаса можно было это расстояние преодолеть, причем, пешком. Я не припомню какой-либо городской транспорт,

который бы ходил по этому маршруту, может и ходил какой, но мы про это не знали.

Но, чтобы попасть в город с привокзальной площади, сначала нужно было перейти через железнодорожные пути, а для этого взобраться на высокий ж/д мост. Далее пройти какое-то расстояние, чтобы выйти с привокзальной территории в город, на улицу, перейти ее и опять идти вглубь города по каким-то переулкам, переходам и дворам. Перейти несколько улочек и наконец, прийти на базар. Он был, кстати, не особо большой, по сравнению с теми же московскими базарами.

Но не только базар являлся нашей целью. По пути мы заходили в различные магазины, и по большей части, там много чего и покупали.

После покупки всего необходимого, можно было развлекаться, купить, например, мороженое. На переходе вокзал — базар нам попадалась пара киосков, где торговали этим безумным лакомством детства. Мороженое продавалось на развес в картонных стаканчиках. Оно было белое, крупинчатое, как мартовский снег и очень вкусное! Нигде больше я такого вкусного мороженого не встречала. И вот эта его крупинчатая структура, причем, не крупная, а мелкая такая... Я такой структуры тоже нигде не встречала. Ну а вкус — просто фантастика! Даже не знаю, с чем его сравнить!

И оно продавалось только в одном виде, никаких там добавок просто не было. И это правильно. Настоящее мороженое должно быть безо всего, все остальное суета сует.

И вот этим мороженым мы лакомились, особенно в летнюю жару. Стоило оно 13 копеек за 100 грамм.

Вторым лакомством была газировка, простая и с сиропом. И в районе вокзала, и на базаре всегда стояли автоматы с водой, и мы с удовольствием пили эту воду. Еще могли купить бутылку лимонада, которую порой брали с собой домой.

Набегавшись по городу и купив всего, что нужно, мы, напоследок, перед автобусом, могли зайти в привокзальную столовую и поесть там городской пищи, котлет, например, суп какой-нибудь, пюре картофельное. Эти столовые тоже были для нас диковиной, потому что в деревне у нас не было никаких столовых и кафе, и, тем более, ресторанов. Все питались дома. Даже в школе не было никаких столовых для учеников, разве что только для продленки, а так мы в то время не ели в школе.

Поэтому столовая еда была как-то в диковинку и интересно было ее поесть. Мы дома редко когда делали котлеты, да и пюре тоже не делали особо, разве что иногда. Поэтому обедали напоследок в этой столовой и с нетерпением ждали уже обратного автобуса, чтобы уехать домой. Все ж таки, целый день находиться в городе на ногах было утомительно.

Еще вспомнила, что в деревне у нас, кажется, не было аптеки, во всяком случае, я не помню, где она располагалась и не помню, чтобы мы в деревне покупали там какие-либо лекарства. Поэтому, наверное, в городе это делалось.

Иногда в Алейск нас возил на своем мотоцикле отец. Ему надо было в райотдел милиции примерно раз в месяц или даже чаще. Он отчитывался там о делах, получал дальнейшие инструкции, а также зарплату, зарплатный день у него был 20-го числа, один раз в месяц. Вот он порой и брал нас с собой, довозил до райотдела, сам шел туда, а мы шли по магазинам и на рынок. Причем этот райотдел милиции был на нашем пути от вокзала до базара как раз посередине. И мы, когда ездили одни, проходили мимо него. Райотдел был ближе к базару и всем последующим магазинам, поэтому это тоже было удобно. Ну а на мотоцикле мы уже не делали этот крюк через Уржум и Толстую Дуброву, а ехали сразу через западную сторону, чем спрямляли дорогу сильно, км на 10.

Так что именно Алейск был городом моего детства, который я помню именно как город. Вот Осколково — это деревня, а Алейск — это город. Так что это — мои детские впечатления о городе, а если кому интересно нечто большее, то даю небольшую справку об Алейске.

Для справки

Алейск — это город с населением в 29 тысяч человек, образовался в 1913 году, статус города обрел в 1937 году. Находится в лесостепной зоне в самом центре Алтайского края, как с севера на юг, так и с востока на запад, в 120 км от краевого центра — Барнаула. Через него проходит знаменитый ТуркСиб — железная дорога из Западной Сибири в Казахстан и Среднюю Азию. Также через город проходит федеральная трасса А 322 Барнаул — Рубцовск, так называемый Змеиногорский тракт, их всего в крае три, таких трассы. Эта трасса идет в сторону Казахстана. И Алейск является важным транспортным узлом на этом пути.

Именно поэтому Алейск и стал промышленным городом, там много всяких предприятий, какие-то мукомольные заводы, молочный завод, колбасный завод, завод железобетонных изделий. У нас дома был телефонный справочник по району и, в частности, по городу, я помнится, с интересом его смотрела, изучала даже.

Никаких исторических достопримечательностей там, по-моему, нет, во всяком случае, я не припомню. Хотя... может и есть, просто я об этом не знаю.

Ближайший город к Алейску с юга — это Рубцовск, с севера, в сторону Барнаула поселок городского типа Топчиха. Кстати, наша семья родом из Топчихинского района, из села Парфенова, там все наши корни, дедушки и бабушки, так сказать.

Глава 20. Барнаул, наш краевой центр

Скажу несколько слов и о Барнауле, нашем краевом центре. Этот город и был для всего нашего края чем-то вроде Москвы. Потому что сама Москва была настолько далеко, в 3-х сутках езды, что о ней никто и не помышлял, а вот Барнаул, да, он находился в пределах разумной досягаемости: в 120 км от Алейска и плюс еще около 50 км от села. Это расстояние еще можно было как-то преодолеть.

Прямых маршрутов на Барнаул из села не было, надо было сначала доехать до Алейска, и оттуда уже, либо на пригородном поезде или каком-либо проходящем скором, либо на автобусе доехать до Барнаула. Это, конечно, усложняла задачу, но все равно она еще оставалась выполнимой. Поезда и автобусы шли от Алейска до Барнаула где-то часа 3–4. Но в один день уложиться было сложно и вот так вот просто, как в Алейск, туда уже не съездишь.

Несмотря на то, что Барнаул — это город, в котором я родилась и это у меня записано в паспорте, но у меня о нем весьма смутные представления.

До поездки в Москву я в нем не бывала, и поэтому Москва перебила все мои дальнейшие впечатления о Барнауле, мне уже он не показался таким интересным, как мог бы показаться, если бы я сначала попала туда, а не в Москву. После Москвы Барнаул меня уже не впечатлил. Дело в том еще, что в Барнауле у нас не было родственников и близких знакомых и ехать-то было не к кому, поэтому вот так просто взять и поехать было нельзя, надо же было где-то остановиться, а где? Тогда с гостиницами были проблемы, мест было в них немного и вот так просто туда поселиться было нельзя. Да и денег это стоило. Поэтому в среднем школьном возрасте я в Барнаул не попала. В более старшем да, мы как-то ездили от школы, с классом в какой-то музей, нас

учитель возил, но я эту поездку совершенно забыла, мне о ней напомнили одноклассники.

Потом я с матерью как-то ездила после 8-го класса, я хотела поступить в какое-то училище, кажется швейное, но потом передумала и решила закончить среднюю школу. И вот где-то мы там ночевали у каких-то ее институтских знакомых, в каком-то доме, но я опять же это плохо помню.

Потом я проездом в Барнауле была, когда из Москвы ехала, точнее, летела самолетом, а потом уже на автобусе добиралась до деревни из него. Помню только вокзал и при вокзальную площадь и больше ничего.

Также я ребенка ездила рожать в деревню, до Барнаула ехала сначала, потом на автобусе оттуда до деревни. И с ребенком потом также возвращалась в Москву через Барнаул.

И вот в 1983, в сентябре, как я уехала в Москву, в Барнауле села на самолет, так больше и не бывала там.

И вот только в июле 2019-го приехала в гости к своим братьям, они к тому времени обосновались в Барнауле, и как-то более-менее познакомилась с городом. Он опять же меня не особо впечатлил. Ну, после Москвы что меня может впечатлить, ясное дело?

Для справки

Барнаул — это город на юге Западной Сибири, расположен в месте впадения в Обь реки Барнаулки. Население 623 тысячи человек на 2019 г. Занимает 21 место по численности среди городов России.

Возник в 1734 году, когда промышленник Акинфий Демидов привез туда 200 приписных крестьян для работы на своем сереброплавильном заводе. Поэтому Барнаул изначально закладывался как город горного дела. Их было всего два таких города в России, еще Екатеринбург. И, несмотря на от-

даленность от центра, он активно развивался еще в те годы, в 18-м веке. Город строился по образу и подобию Санкт-Петербурга, что определило облик его центральной части, как города с регулярной застройкой.

Формировавшие облик Барнаула архитекторы А. И. Молчанов и Я. Н. Попов были учениками и последователями Д. Кварнеги и К. Росси. В Барнауле более 20 памятников архитектуры и истории XVIII и первой половины XIX, выдержанных в традициях классицизма: уникальный комплекс сереброплавильного завода, Демидовская площадь, ансамбль Петропавловской линии, ныне улица Ползунова.

Природные памятники Барнаула: реликтовый ленточный бор, тянущийся на юго-запад от города, высокий левый берег Оби и правобережная пойма.

Во время Великой Отечественной войны в Баранул на постоянной основе перевели около 100 промышленных предприятий из Центральной России, и он стал промышленным городом.

После распада СССР промышленность пришла в упадок, и городу стало непросто выживать, но как-то в итоге встал на ноги. Сейчас он более-менее начал развиваться. Населения в нем более полумиллиона человек. Метро нет. Рельеф не позволяет. Ближайший крупный город Новосибирск — в 238 км. Также недалеко Кемерово, Новокузнецк, Омск.

(Информация для справки взята из Википедии).

Часть 6. Гости и в гости

Глава 1. Приезд московской тетки

Каждое лето, примерно в июле, к нам в деревню приезжала погостить из Москвы тетка Аня, родная сестра моей матери. Каким-то чудом из деревни, из Парфенова, в свое время ей удалось вырваться в Москву, выйдя замуж за москвича.

*Анна Дмитриевна
Батурина,
сестра матери.
1976 г. Москва.
Фото из архива
семьи Китовых.*

Где она его там нашла, даже не представляю. Но вот нашла, умудрилась выйти за него замуж и уехать в Москву. Это было настоящим чудом. И вот теперь она была городской жительницей и каждое лето разнообразила нашу немудреную деревенскую жизнь своим приездом.

Конечно, она была вся такая, городская, вся из себя... ну не дама, но женщина представительная. И мы смотрели на нее зачарованно. А для меня она вообще была как фея из сказки.

В деревне любому гостю были рады, а, тем более, такому, городскому, ведь к нам редко кто из гостей приезжал.

Поэтому приезд тетки был большим событием и праздником для нас. Не радовался, пожалуй, только отец, потому что ему все это было не очень. Она его, похоже, стесняла, да и вообще, лично ему не особо была нужна, ведь слишком много с ней было хлопот. Но нам детям, эти хлопоты были без разницы, и мы радовались, и больше всех радовалась я. Ведь тетка была волшебным окном в тот далекий и неведомый для меня мир большого города.

Вообще, меня, как деревенскую жительницу привлекал город и все городское. В городе все казалось лучше, там ведь и блага цивилизации, и культура, и настоящая жизнь. А в деревне ничего этого не было. Поэтому городские жители нам казались божествами, спустившимися на нашу грешную землю.

Таким божеством и была тетка. Правда в Москве она работала всего лишь буфетчицей в буфете Главпочтамта, но какое это имело для нас значение?

Она была одета в модную одежду, у нее была модная прическа, она красилась, носила модные туфли. Короче, была вся из себя... И она привозила к нам в деревню много красивых вещей. Какие-то дарила матери, какие мне, а какие продавала деревенским жителям. И к нам в это время приходило все село, чтобы что-то у тетки купить. Но самое главное, это то, что она оставляла в итоге нам. Это были и вещи для дома, и одежда, в основном мне или матери. Отцу и братьям она почти ничего не привозила, потому что она отдавала нам свои собственные старые вещи или вещи своей дочери Гали. А мужчин у нее в семье не было уже на тот момент, с мужем она к тому времени уже развелась. Но, конечно, она и мальчишкам что-то там немудреное специально покупала, какие-то подарки, чисто символические, и отцу тоже, ведь не поедешь совсем без ничего. А так в основном вещи были для женщин: мне и матери или ба-

бушке. Какие же это были вещи? Я помню, что она привезла как-то стеганое болоньевое пальто, демисезонное, удлиненное, миди, с поясом, с карманами, очень красивое, бордового цвета. Мне очень понравилось, и я долго в нем ходила. Еще она привезла как-то сапоги мне, тоже демисезонные, коричневые. Но в них был один недостаток: они были на очень высокой платформе. Я, конечно, их пару раз надела, но ходить в таких сапогах по деревне как-то было неудобно. Еще помню 2 свитера: темно-зеленый и ярко-голубой, я их долго носила.

Для дома она привозила шторы очень красивые и даже дорожки. Также покрывала на кровати, на диван и даже постельное белье. Это тоже было большим подспорьем для нас, потому что ничего такого мы себе позволить не могли, никаких таких красивых вещей. Первое время родители может чего и покупали. Но потом уже всё, не было такой возможности, денег хватало только на еду и на самые необходимые расходы. Так что тетка нас очень выручала подобными вещами.

Еще она привозила какие-то разноцветные мохеровые шапки и торговала ими. Шапки были голубые, сиреневые, розовые. И шли они у нее на «ура» по 10 рублей за шапку. Тетка сама их вязала для этой цели и таким образом как-то окупала свою поездку. И даже умудрялась подзаработать. Ведь шапки эти ей не стоили почти ничего, так как это был не натуральный мохер, который реально стоил дорого, а искусственный, подделка такая. Эта пряжа, как я потом узнала, добывалась из каких-то синтетических мешков, которые в изобилии были у тетки на работе. Она их распускала, стирала, потом красила в разнообразные цвета и получала вот такую пряжу, из которой и вязались эти шапки. Их потом она начесывала специальными щетками и получался «мохер». Выглядели они достаточно примитивно, но красиво и пользовались спросом. Да, еще к этим шапкам при-

лагался очень простенький мохеровый же шарфик по 5 рублей. Шапка стоила 10 рублей, а шарфик 5. Итого 15.

Она и сама дома носила эти шапки, и они очень эффектно выглядели на ней. Дарила и матери. Но на ней это как-то не смотрелось. Для этого надо было иметь городскую статью, а у матери ее не было.

Тетка располагалась во время гощения в нашей комнате на моей кровати, я перебиралась на кровать Сережки, а он шел спать в зал на диван. Нас, детей, летом почти не бывало дома, поэтому тетка могла свободно у нас располагаться.

Мать о чем-то подолгу с ней разговаривала, что-то обсуждала. Порой они говорили и про отца, в его отсутствие, разумеется. И даже ругали его. Отец догадывался, что ему сестрицы перемывают косточки, и тетку за это не особо любил. Ну а так, в общем-то, обходилось все более-менее, тихомирно. Дней через 15–20 тетка уезжала домой и все возвращалось в прежнее русло до следующего лета.

Больше так регулярно к нам никто не приезжал. Но тетка ездила как по расписанию каждое лето, что меня уже стало удивлять: зачем? Не лучше ли было поехать куда-нибудь на юг, на курорт? Ведь это намного интереснее, чем ездить все время в деревню, и деньги у нее на это водились, так что могла бы и съездить. Но вот не ездила. Она привыкла ездить к нам, а привычка, как говорится, вторая натура. И менять свои привычки в зрелые годы было сложновато.

Правда, намного позднее я поняла, что тетка ездила к нам не просто так, а делать деньги, торговать. Она не только торговала шапками, но и продавала у нас вещи, скупленные в комиссионках за бесценок. Также свои старые, уже ненужные вещи продавала достаточно дорого. Тогда с вещами, с одеждой были большие проблемы, ничего хорошего купить было нельзя, все было в дефиците. Но в Москве можно было хоть что-то раздобыть.

Однажды тетка взяла в Москву меня. Кажется, это было то ли после 4-го, то ли после 5-го класса. Если не ошибаюсь, то в 1972 году. Так я впервые попала в Москву на целый месяц и это было для меня большим потрясением. Но это целая отдельная история.

Глава 2. Поездка в Москву

Расскажу вкратце о первой своей поездке в Москву, которую мне устроила тетка Аня. В один из своих приездов, ни с того ни с сего, она решила взять меня с собой. Я точно не помню, то ли это было в 1970-м, то ли в 1972 году, скорее в 72-м, хотя... не уверена. Ну, так вот, она взяла меня с собой, кажется, в конце июля, мы сели на поезд Москва-Лениногорск и поехали в Москву. Ехали мы то ли в общем, то ли в плацкартном вагоне. Но не в купе, это точно. Трое суток ехали. Впечатлений было очень много, я ведь первый раз и на поезде ездила, и, тем более, в такую даль. Мы приехали на Казанский вокзал. Москва меня поразила. Все мне было внове. Все интересно и необычно: и большой город, и метро, и теткина квартира. Тетка жила в районе станции метро «Рязанский проспект», на Зеленодольской улице, д.14, у нее была отдельная однокомнатная квартира в 12-ти этажном блочном доме. Дом был еще почти новый, улица тоже, она выглядела прекрасно.

Первое время по Москве меня водила сестра Галя. Сводила меня на Красную площадь, на ВДНХ, в зоопарк. Еще мы ходили пешком в Кусково и купались там в прудах, а также посетили эти музеи кусковские. Помню, что в Москве была тогда сильная жара, дождей почти не было, и мы вот там купались и загорали, в этом Кусково.

Потом у сестры отпуск кончился, и я стала ходить одна по Москве, я уже более-менее сориентировалась в городе. Тетка оставляла мне деньги утром, уходя на работу, кучку мелочи такую на столе, и я шла в метро и ехала куда-нибудь гулять. Это было увлекательно.

В Москве я была примерно месяц, потом приехала мать и забрала меня назад. Москва произвела на меня неизгладимое впечатление и мне было очень грустно возвращаться назад в свою деревню, она после этого выглядела как-то не очень для меня, мне уже было с чем сравнивать. Ну, конечно, о чем тут говорить! И я стала мечтать о том, чтобы непременно поехать в Москву еще раз, а в принципе, и вообще уехать когда-нибудь жить. В итоге я исполнила эту свою мечту: жить в Москве, но это будет позднее, в 1977 году. А так я еще раз ездила в Москву, когда мне было лет 14, но уже самостоятельно. Ну это вот вкратце об этой поездке. Там очень много было впечатлений, совершенно потрясающих. Эта поездка, можно сказать, перевернула всю мою жизнь и стала, в какой-то мере, даже судьбоносной. Так что да.

Глава 3. Приезд сестры

Однажды вместе с теткой к нам приехала двоюродная сестра: теткина дочь — Галя. Я уж упоминала о ней в своем проекте «Халупе».

Ее приезд случился на следующий год после нашего переезда в Осколково, в году этак 1970-м, а может в 71-м.

Галя была уже взрослой девушкой, ей к тому времени было где-то то ли 20 лет, то ли 21 год, она была с 1951 года. А так я называла ее няня Галя, старших сестер порой так называли, потому что они нянчились с младшими.

*Сестра Галя. 1969 г.
Из семейного архива
брата Юрия Осокина.*

Она была на тот момент настоящей красавицей: длинные волосы, симпатичная, ростом примерно 1.60 м, не очень высокая, но и не очень маленькая. У меня сохранилось ее фото тех лет. Но она была бедовой красавицей, без царя в голове.

Какое-то время она была на попечении бабушки Алены в другой деревне, в Парфеново, где-то до 7-го класса, пока ее мать, тетка Аня, устраивала свою личную жизнь в Москве, решала жилищный вопрос. Потом, когда устроила, получила отдельную квартиру на Зеленодольской улице, взяла ее к себе. Нет, пожалуй, раньше, когда они еще жили на улице Кирова.

Ну вот она приехала к нам в гости и тут же пустилась во все тяжкие. Начала жить в свое удовольствие. Нашла себе каких-то подружек из числа деревенской молодежи и стала ходить каждый вечер на танцы либо в кино в наш деревенский клуб. После танцев целую ночь где-то гуляла, домой приходила под утро, потом дрыхла полдня, причем на моей постели. Где я спала? Кажется, на Сережкиной кровати, а Сережка, брат, ушел спать на отцовский диван в зал.

Так что да, она доставляла нам, в особенности мне, определенные неудобства. Какое-то время можно было потерпеть, если бы это длилось недолго, ну 10 дней, ну 20, но тут это дело что-то затянулось, и она меня достала. В общей сложности она пробыла у нас 4 месяца, до поздней осени, это я хорошо помню.

Однажды мы с ней поссорились. Может, по этой причине, а может, по какой-то еще. Я кричала на нее и говорила, чтобы она уматывала в свою Москву, что она тут надоела. Еще я помню, что мы выбежали на улицу, я обзывала ее, а она таскала меня по улице за волосы и пинала ногами. Еле нас разняли. Да, был и такой эпизод.

Помню, она собиралась вечером на танцы, и делала такую модную прическу: волосы на макушке завязывались в хвост, а потом этот хвост расправлялся и подвязывался к тому же самому месту. И образовывался такой шар из волос. Кажется, эта прическа называлась «бабетта». А сверху, голову с такой прической покрывали шелковым платком, завязав его концы сзади. Вот сестра так и делала и так она ходила на танцы.

Еще у нее было такое, темно-розовое платье, прямого силуэта, отрезное в талии, из плотной ткани. Она походила в нем какое-то время, а потом поменялась с какой-то девицей на другое, на более простое, но летнее платье из штапеля, в цветочек. Я еще удивилась, зачем она это сделала, ведь то платье было дороже и, как мне казалось, лучше. Но сестра, видимо думала иначе. И ей такие вещи, как обмен платьями, было сделать легко. Но меня почему-то этот факт тогда поразил, и я до сих пор это помню.

Сестра нашла себе не только подруг на этих деревенских танцуйках, но и кавалеров. На нее позарились братья Петрыкины. Они жили в той стороне деревни, недалеко от клуба.

Сначала сестра полюбила одного брата, встречалась какое-то время с ним, потом другого. И там все было достаточно серьезно, она похоже собиралась за него замуж, за этого брата. Вот почему она и задержалась у нас так долго, до октября.

Но, конечно, сестра не собиралась с ним жить в деревне, а хотела забрать его с собой в Москву. И это был большой неприятный сюрприз для тетки. Ведь сестра была прописана в ее квартире и, как дочь, имела право прописать туда же и своего официального супруга. А квартира-то была однокомнатная и туда этого Петрыкина Петю особо втиснуть было некуда. Тетка бы никакого Петю из деревни туда не прописала бы. Но сестра могла бы в таком случае и разменять квартиру и тут уже тетка ничего бы не смогла сделать. Так что для тетки готовился «подарок». Я-то ничего в этом не понимала, но мать сообразила и сообщила тетке, что тут за дела. Та стала немедленно вызывать сестру назад, в Москву.

Я помню, как однажды сестра пришла с этим своим другом Петрыкиным к нам домой, как они завалились вдвоем на мою кровать, он уже ласково величал ее женушкой, предвкушая жизнь в столице, и как они, лежа в обнимку, обговаривали свои дела и планы на жизнь. А я с противоположной кровати эту идиллию созерцала. И мне было противно на это смотреть.

Но ничего этого не сбылось. Тетка выманила сестру всеми правдами и неправдами в Москву, но без предполагаемого супруга. Ему было рекомендовано немного подождать. Сестра уехала, а он так и не дождался вызова в столицу.

Тетка там, наверное, дала сестре жару, чтобы та не вздумала выходить замуж за деревенского парня и, тем более, привозить его в Москву в ее квартиру, которую она зарабатывала тяжким трудом. Конечно, потом квартиру все равно разменяли, но гораздо позднее, какое-то время тетке удалось протянуть. Так что да.

ЧАСТЬ 7. НАША СЕМЬЯ

*Брат Сергей, бабушка с братом Юркой на руках, я.
Село Боровское. 1967 г.
Фото из домашнего архива.*

Глава 1. Отец

Мой отец Осокин Михаил Иванович родился 31 августа 1936 года.

Он всю жизнь проработал участковым инспектором, милиционером. Закончил во годы оны Омскую школу милиции, вернулся в село, правда, не в Осколково, а в Парфеново, оттуда он родом, и направили его, насколько я понимаю, на работу в Боровское, в Алейский район. Там он проработал какое-то время, лет 5–6, затем перевели его в Осколково. Потом он, правда, назад в Боровское уехал, там и умер в итоге. 9 февраля 1986 года.

По характеру он был достаточно спокойным, и надежным человеком. Исполнял свои рабочие обязанности, был очень ответственным. Единственное, чего в нем не было, так это хозяйственной сметки, смекалки. По дому он ничего

*Осокин Михаил Иванович, отец.
Село Осколково. Примерно 1975 г.
Фото из домашнего архива.*

*Отец проводит политбеседу с деревенскими мальчишками. Село
Осколково. Примерно 1974 г.
Фото из домашнего архива.*

особо делать не любил, да и не умел. Нет, так-то он делал, за скотиной ухаживал, придя с работы или в выходные, еще что-то типа общих семейных дел в виде посадки или копки картошки. Это да. Я говорю о том, что он не любил особо, для удовольствия, возиться по хозяйству, как порой это делают хозяйственные мужики, что-то мастерят там, прилаживают, улучшают. Нет, он был, как говориться, государевым, служивым человеком, это было главное для него, а остальное — так как-то. По мере необходимости.

Он жил на всем готовом, на государственном обеспечении, как говориться, на том, что давала ему милицейская работа. А она, помимо собственно зарплаты и достаточно высокого статуса, давала много чего. Например, ему полагались: средства передвижения — лошадь или мотоцикл, домашний телефон, форменная одежда, а также оружие: пистолет систе-

мы «наган». Для деревни это было серьезное подспорье. Телефоны домашние тогда мало у кого были, только у причастных к власти, так сказать. Я не помню, чтобы у кого-то из моих одноклассников был домашний телефон. Ни у кого не было. Мобильных же в то время не было по определению. А пистолеты вообще никому не положено было иметь, простым гражданам. Может ружье какое охотничье, это да, но не пистолеты.

Что еще сказать? Он был младше моей матери на 2 года, что было не особо хорошо. Так было не принято, чтобы жена была старше мужа. Даже на какие-то мизерные 2 года.

Назвать его красивым было сложно, хотя многие, особенно женщины, находили, наверное, его привлекательным. Особенно привлекала его должность, наверное, а поэтому и внешность. Роста он был достаточно высокого, волосы мышиного цвета, кожа очень светлая, с веснушками. Фигура у него впоследствии испортилась, он отрастил большой живот, но поначалу была ничего, нормальная.

Всю жизнь он мечтал о пенсии, вот когда он на нее выйдет, тогда и заживет, займется всякими своими делами. Но нет, он умер, по-моему, спустя год после выхода на пенсию, так и не смог воспользоваться всеми льготами, положенными ему в этом плане.

Дома, после прихода с работы, он в основном, лежал на диване и читал газеты, порой даже книги, а потом, когда мы купи-

*Осокин Михаил Иванович.
Село Осколково, 1976 год.
Фото из домашнего архива.*

*Отец — третий слева с начальством из райцентра, 1966 год.
Фото из архива Юрия Осокина.*

ли телевизор, стал смотреть и телевизор. Это были его любимые занятия. Выпивкой он не увлекался, вот так вот ради удовольствия не пил. Хотя в общей компании от выпивки не отказывался. Никогда не бузил после этого, вел себя вполне корректно. Я не помню, чтобы он когда-то напивался до бессознания, ведь порой многие мужчины этим грешат, но я не видела его в таком состоянии.

Друзей я не помню, чтобы они у него были, он ни с кем вот так вот не дружил, не общался, не приятельствовал. Ведь он же был властью на селе, поэтому да. Это было как-то неуместно. Ну если бы он в своей родной деревне жил, то наверное, приятельствовал бы, там, понятно, куда денешься от родных и знакомых? А так нет. Но может и дружил с кем на стороне, я просто об этом не знаю. Просто к нам в гости никто вот так вот не ходил, никакие друзья его.

Еще он любил охоту и рыбалку, летом рыбачил на удочку в период отпуска или в выходные. В охотничий

сезон ездил куда-то на озера, на болота уток стрелять, либо зайцев. Я помню, частенько он привозил дичь: уток каких-нибудь, водяных кур, зайцев, и мы с ними возились.

На самом деле он не был моим родным отцом, он был отчимом. Но я записана на его имя, фамилию и с рождения помню его как отца, другого я просто не знала в своей жизни, поэтому и называю его отцом. О своем родном отце я тоже скажу пару слов.

Глава 2. Мать

Моя мать, Осокина Мария Дмитриевна, в девичестве Батурина, родилась 10 апреля 1934 года, умерла она 18 марта 1991 года.

О матери у меня воспоминания очень неприятные, и я их почти все вытеснила в подсознание. Потому что особо приятного в связи с ней вспомнить нечего, а плохое не хочется и вспоминать. Но что с ней было не так? Не так было только одно: она злоупотребляла спиртным, и в итоге спилась. Но не сразу, конечно, первое время лет 10 держалась. Работала по специальности зоотехником, и даже была директором маслозавода в Боровском. А в Осколково ее «болезнь» прогрессировала и это было да... не очень приятное зрелище.

*Осокина Мария в молодости, примерно конец 50-х.
Фото из архива Юрия Осокина.*

Короче, мое детство с такой матерью протекало в сущем

кошмаре. Это был крошечный ад, и я еще очень долго отходила от этого всего. Но я получила таким образом хорошую прививку от пьянства. На всю свою жизнь. И никогда никакого особого пристрастия к алкоголю у меня не было.

И сразу же после окончания школы я собралась из деревни уезжать, у меня в этом не было ни малейших сомнений. Куда угодно, чтобы только не видеть, не слышать, не знать ни мать эту, ни все, что с ней связано. Ни за что и никогда. И так я и сделала в конце июня 1977 года. После сдачи выпускных экзаменов я уехала в Москву. Так что да. И кстати, еще и по этой причине никаких

*Осокина Мария, 1984 г.
село Боровское.*

*Деревенская гулянка.
Моя мать, справа, с краю, село Боровское. 1967 г.*

особых сожалений от расставания с семьей, с деревней не испытала, уехала и — как отрезало! Я приезжала один раз в отпуск через год, а потом, в 1983 году приехала рожать ребенка, но уехала тут же после родов, опять же, в принципе, по этой причине.

И вот вся эта история начала повторяться потом с моей повзрослевшей дочерью, правда, уже в более продвинутом варианте, в наркомании. Наверное, эта напасть действует через поколение по женской линии. Может, это даже порча какая, как знать?

Глава 3. Бабка

Бабка и была нам настоящей матерью, потому что весь дом держался на ней. Осокина Марфа Петровна, в девичестве Мартюшова. Бабка со стороны отца. Была она то ли с 1914-го, то ли 1916 года рождения. Ну, мне она родной бабкой не была, поскольку отец был неродной. Но все равно.

Она была неграмотной, не умела ни читать, ни писать. Да, вот так. Но вот как-то обходилась и без этого и всю жизнь как-то прожила.

Бабка, в первую очередь, занималась готовкой пищи. Каждое утро и каждый вечер ей надо было растапливать печку и что-то готовить. И это был нелегкий труд. Еще надо было управиться с хозяйством, с домашними животными. Тоже с утра их требовалось накормить, напоить, и вот бабка этим и занималась, в основном. Нет, и отец ей помогал, тоже с утра. Но он не всегда мог помочь, поскольку работал, и день у него был ненормированный. И неизвестно, во сколько он мог вечером прийти, поэтому вечером, по большей части, забота о скотине ложилась на бабку.

Еще надо было наносить воды из колодца для питья и для всяких хозяйственных нужд. Обычно 2 или 4 ведра приносили и ставили в кухне на лавку. Колодец у нас, в Осколково, был прямо напротив дома, это конечно хорошо, но все равно таскание воды было не таким уж легким делом. Для питья-то ладно, а вот скотину напоить требовалось много воды. Еще летом на полив много шло.

Так же бабка занималась уборкой в доме. Правда, потом, когда я подросла, это легло на мои плечи, но когда еще была совсем маленькой, то она убиралась.

Огородом придомным полностью она занималась, всякие овощи там сажала, а в Боровском еще и в палисаднике цветы.

Бабка нам, детям, была намного ближе, чем родители. Они были где-то там, далеко: отец — на работе, мать — в своих пьяных безобразиях, а бабка всегда была с нами, с детьми, всецело принадлежала нам, детям. Именно бабка нас взрастила и вскормила всех. Отец только деньги зарабатывал, мать пьянствовала, а вот бабка растила нас.

Она жила с нами в одной комнате и была всегда рядом, в случае чего мы были не одни, особенно по ночам.

У нее была пенсия в 21 рубль. И вот эти мизерные деньги как-то больше шли на нас, детей, нежели те, что получал отец. Именно на эти копеечные деньги бабка частенько по-

Бабушка

*Марфа Петровна Осокина.
Фото из домашнего архива.*

купала нам конфеты и делила всем поровну. Порой еще что-нибудь сладенькое покупала или давала пяточки, чтобы мы сходили в кино, например.

У бабки была ручная швейная машинка и она часто на ней что-то шила: и себе, и для дома, и нам, детям. Себе она, в основном, шила фартуки-передники с двумя карманами. Одевалась она в длинные платья с рукавами, а сверху непременно надевала фартук, он был необходим ей для работы по дому.

Мне частенько шила нижние рубашки из простой белой х/б ткани, из какой простыни шьют, так я и ходила в этих рубашечках. Какие-то летние платьица мне шила, сарафанчики. На окна — занавесочки. Еще для дома на этой машинке шила стеганые одеяла из лоскутков и ненужных старых вещей. Красивые получались одеяла. Мы их использовали порой и как покрывала, застилали ими кровати сверху.

Еще бабка делала из очень старых вещей вязаные круги для дома. Старые вещи разрезала на полосочки шириной в 1–1,5 см, эти полосочки сшивала в одну большую тряпичную ленту, она потом сматывалась в клубок. И вот из этой импровизированной пряжи большими деревянными самодельными крючками вязала кружки. Они получались всякими: и большими, и средними, и маленькими. Для чего они были нужны? Они клались вместо ковриков у кроватей, у входа в комнаты, либо и вовсе — в дом на крыльцо. Покупные дорожки либо ковры на пол были в деревне большой редкостью в те времена, поэтому вот таким образом порой выходили из положения, застилая вязаными кругами дом. У кого был домашний ткацкий станок, приспособление такое, чтобы дорожки ткать, тот делал самодельные дорожки. Ну, это мало у кого было.

Также бабушка вязала осенью и зимой носки и варежки нам на зиму, на всю семью вязала. Так что забот у нее было невпроворот.

У бабушки был огромный деревянный сундук голубого цвета. Он стоял за дверью в нашей спальне. И он был набит всякой всячиной. В нем было много всяких сокровищ: всякие бабушкины вещи — платья, фартуки, отрезки ткани. Также хранился узелок на смерть, чтобы было в чем в гроб лечь. У каждой деревенской старушки такой узелок имелся. И это почиталось вполне естественным и привычным его иметь. Порой бабушка вынимала этот узелок и разглядывала его содержимое и даже показывала его нам.

Внутренность крышки сундука была обклеена какими-то картинками. Тоже очень интересными были эти картинки, вырезанные откуда-то из журналов. Сам сундук, конечно же, закрывался на замок. Ключ бабушка носила с собой в кармане фартука. Ну, конечно, в той ситуации, когда мать пила, а мы, дети, были слишком любопытными, это было не лишним.

Сундук сверху покрывался каким-то покрывалом или одеялом и на нем можно было много чего еще делать: сидеть, например, либо играть нам, детям.

Характер бабушка имела спокойный, не было у нее ни властности, ни агрессивности, ни злобы. Обычная тихая русская женщина, покорно несущая свой крест.

Особой добротой в мой адрес она конечно же не отличалась, потому что я для нее была чужой. Братья-то мои были ей родными внуками, а я — нет, и она как-то внутренне от меня отстранялась, хотя внешне ничего такого не выказывала. Но любви такой, родственной, она ко мне не питала, и, уже в более старшем возрасте, стала делить нас на своих и чужих.

И, все-таки, какая-то скрытая, пассивная агрессия в отношении меня у нее была, что вот навесила ей блудная сноха чужого ребенка, сама устранилась, пьянствует, а она должна почему-то меня растить. Я ее, конечно, в этом плане понимаю, но и у меня тоже осталось внутреннее неприятное чувство в ее адрес за эту агрессию, поэтому и называю ее не мило так бабушкой, а бабкой, потому что мне тоже такое отношение выносить было тяжело. У меня именно такое внутренне отношение к ней сформировалась в ответ на ее неприятие меня. Конечно, в душе она меня не любила, и может даже и ненавидела. И я это чувствовала. А больше ничего плохого я о ней сказать не могу.

Глава 4. Братья

У меня было 2 единоутробных брата, братьев по матери: Сережа и Юра. Сережка был младше меня на 2 года, он с 1962-го, Юрка на 7, он с 1967-го. Поэтому Сережка был как бы сверстником мне, а вот Юрка всегда считался маленьким. Ведь когда я пошла в первый класс, он только что родился. Я даже помню сам момент его рождения, ну, как мать в больницу увезли на роды, а потом привезли уже с ребенком. Помню люльку, в которой он лежал в комнате. Помню, как его хотели Володей назвать, но назвали почему-то Юрой.

И поскольку в семье я росла с братьями, да еще с младшими, то это наложило некоторый отпечаток на все мои последующие отношения с мужчинами. Все отношения с ними строились, в основном, по-братскому принципу, что, во-общем-то, ни есть хорошо. Я не могла от них дистанцироваться как женщина и как женщина себя вести. Я была им таким, своеобразным братом, как представлялись

братьями они мне. Но вот такая модель отношений была привита с детства, а другая потом и не привилась.

Именно с братьями и их друзьями из окрестных домов я ходила гулять на улицу, играть во всевозможные игры. Зимой мы катались с горок на лыжах и санках, летом всем скопом ходили на речку. Играли около дома в прятки и в другие уличные игры, весной ходили в какие-то походы в лес или в поля.

Дома мы любили играть в карты. Частенько все эти окрестные мальчишки приходили в выходные или по вечерам именно к нам и устраивали у нас дома всякие игрища. Я помню у нас на кухне была такая труба парового отопления, она проходила невысоко от пола. И вот на этой трубе все эти мальчишки порой и сидели как воробьи на проводах. И торчали у нас безвылазно. И так на-

*Соседский мальчик Илья, далее брат Сергей и сбоку выглядывает брат Юрка. Село Осколково. Примерно 1973 год.
Фото из домашнего архива Юрия Осокина.*

Брат Юрка.

Село Осколково.

Фото из архива Юрия Осокина.

происходила без моего участия, и я мне мало что об этом известно. Рассказали кое-что, когда повидались, но все же не расскажешь. Так что мои воспоминания о братьях ограничены июнем 1977 года. А после, через много лет, я встретила уже совсем с другими людьми. Братья стали взрослыми и совсем непохожими на тех, кого я помнила в детстве.

доедали взрослым, что бабка или мать выгоняли их частенько на фиг!

И когда я была еще не особо взрослой, училась в 3-м, 4-м, 5-м классе, я играла именно с этой, мальчишеской братией. Так что я отчасти сама такая «девочка-мальчик» по поведению. Что еще сказать о братьях? После моего отъезда в Москву дальнейшая их жизнь в деревне, да и после их отъезда из нее,

Брат Сергей.

Село Боровское. 1983 г.

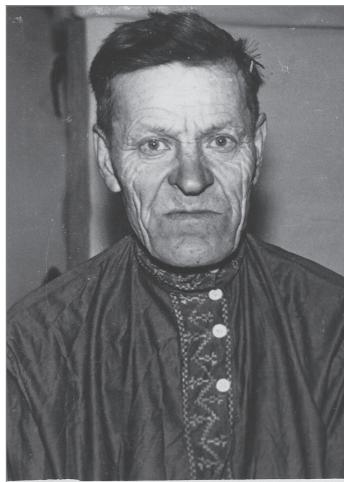
Фото из домашнего архива.

Глава 5. Родные дедушка и бабушка. Село Парфеново.

Мои родные дедушка и бабушка жили не с нами, а в другом селе, в Парфеново. Оно находилось даже в другом районе, в Топчихинском. От села Боровского, где мы жили раньше, там было не так далеко, км 40 по прямой, и мы довольно часто туда ездили. Но вот когда переехали в Осколково, задача усложнилась. Мне кажется, после этого мы вообще в Парфеново больше не ездили, во всяком случае, нас, детей, туда больше не возили.

Дед Митяка — это мой родной дедушка, дед по матери — Батурин Дмитрий Иванович. Я его помню довольно хорошо. Он был высоким, худым, черноволосым. Чисто внешне он имел сходство с актером Юрием Яковлевым. Он был занудным и все время нудил. Именно из-за занудного характера деда и прозвали Митякой.

Он все время рассказывал, как их семью, когда он был еще ребенком, раскулачили красные комиссары и отправили после этого в ссылку, в Нарым. Пришли и забрали у них поросеночка. Дед все время про этого поросёночка вспоминал. В деде была хозяйственная жилка, кулацкие корни, до раскулачивания у них было довольно крепкое хозяйство. Отчасти эта хозяйственная жилка передалась и матери, а впо-

*Дедушка Митя.
Село Парфеново.
Фото из архива
семьи Китовых.*

*Бабушка Алена, справа с краю, в белом платочке.
Село Парфеново. Примерно 1966 г.
Фото из домашнего архива.*

следствии и мне, и если бы не ее пьянство, мы могли бы жить вполне сносно.

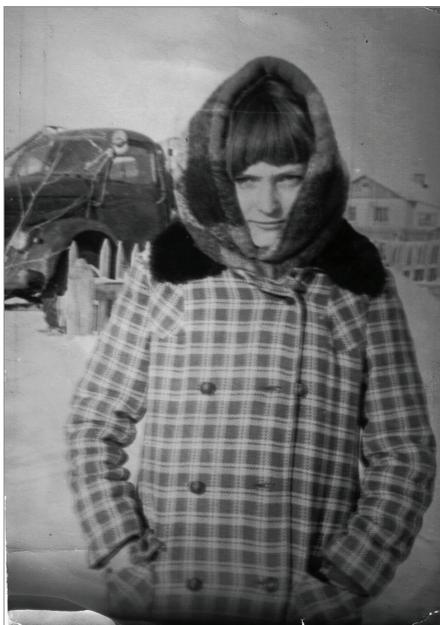
Еще я помню, что у него была вставная челюсть, он на ночь вынимал ее и клал в стакан. Меня это сильно изумляло. Такой штуки в то время я больше ни у кого не видела. Прожил он довольно долго. После бабушки Алены еще женился на своей односельчанке Катерине Соповой. И жили они потом в ее доме у речки. Я еще в гости к ним приезжала летом.

А так, когда он еще жил с бабушкой Аленой, то у них был большой дом на Школьной улице в Парфеново, она почти в центре села была, эта улица. Вокруг дома росли тополя, было много хозяйственных построек и приспособлений, огород неподалеку, яма, заросшая крапивой, черемуха. Через дорогу, роща с большими бабочками. Мы с сестрой туда ходили бабочек ловить сачками.

Недавно узнала, что дед, оказывается, был старовером, это мне брат сказал. У них в семьях очень строго было все, дед даже не пускал бабушку в свою комнату, она не имела права туда входить, поскольку женщина. Даже брата, внука своего впускал, а жену свою, бабушку Алену, нет.

О бабушке Алене я почти ничего не могу сказать, потому что я ее почти не помню, помню, но смутно. Это моя родная бабушка по матери. Но я была еще совсем маленькая, когда она умерла, года 4 мне может было, а может 5. Одна фотография от нее осталась, где она сидит на лавочке с какими-то деревенскими старушками, в белом платочке. Ну они-то с дедом остались жить в Парфеново, когда мать с отцом и со мной переехали в Боровское. Года 2, наверное, мне было, когда они переехали, а может, и меньше. Вообще, у нас где-то была фотка, где мать держит меня на руках совсем маленькую, еще даже года мне нет, волосы у меня такие светлые-светлые, белые абсолютно. И как раз она стоит у этого дома, у дома дедушки и бабушки. Плетень там такой около дома. Но фотография куда-то подевалась, а так долгое время я ее видела в альбоме.

**Часть 8. Я сама.
Мои желания и стремления**

*Я во дворе своего дома.
1976 г., с. Осколково.
Фото из домашнего архива.*

Глава 1. Какая я была?

Что мне сказать о себе, какая я была в детстве, да и в ранней юности?

Рост у меня был чуть выше среднего, 1.67 см, вес... не знаю, у нас не было весов, поэтому и сказать что-либо в этом плане сложно. Но по комплекции я была вполне нормальной девочкой, средней такой комплекции. Размер 46-й у меня был, 3-й рост в 17 лет, а вес примерно 60 кг когда приехала в Москву. Вот так.

Если говорить о внешности, то в раннем возрасте я была светленькой. Очень светлые у меня волосы были, особенно когда была совсем маленькой. Светло-русые. И так где-то до 6-го класса было. Потом волосы стали темнеть и стали темно-русыми в итоге. Так они у меня были длинные, в косах, я две косички заплетала, но в 9-м классе я косы отрезала, причем сама, волосы мне до плеч где-то стали. Хорошо это или плохо, не знаю. Но многие девочки уже ходили с прическами к тому времени, без всяких там кос, ну и я не хотела отставать. А поскольку парикмахерской у нас в деревне не было, надо было для этого ехать в город, то вот пришлось как-то самой это делать. Так что да.

Внешне я была довольно привлекательной девочкой, и даже возможно красивой, симпатичной, это уж точно. Но со вниманием противоположного пола мне еще тогда не везло, мне никто из ребят тогда не предложил, как говорить, ни дружбы, ни любви, что, в-общем-то, меня сильно травмировало, и на долгие годы. Ладно бы я была не особо привлекательной, ведь бывают же девочки дурнушки, они ни на что особо и не надеются. Но тут-то совсем другой расклад, я же говорю, что я была достаточно красивой девочкой. Можно посмотреть на классные фото и увидеть, кто из девочек красив, а кто не особо.

Я обращала внимание на мальчиков и мне нравились некоторые из них, но никто из тех, кто мне нравился, на меня внимание не обращал, их привлекали другие девочки.

И вот с этой обидой я потом уехала в Москву и там долгие годы искала любовь, но не нашла. Это стало даже какой-то идеей фикс для меня, любовь эта. Зачем она мне была нужна? Зачем-то нужна была, если меня это так задевало.

Наверное, потому что в семье своей я этой любви не получила, ни от родителей, ни от бабушек с дедушками, ни от кого. Мать пила, отец и бабка были мне неродными, поэтому, наверное, мне хотелось какого-то любовного тепла от кого-нибудь, хотя бы от мальчиков. Но никого моя краса не привлекла, и я уехала обиженная и с деревней даже из-за этого уже не хотела иметь больше ничего общего, если вот так ко мне там отнеслись. Кстати, одной из целей моих тогдашних было найти любовь. И я даже поставила такую задачу: если через год — полтора в Москве я не найду любовь, то я покончу с собой. Даже вот так, категорично. Такая я была.

Глава 2. Болезни

В школьные годы я довольно часто болела какими-то простудными заболеваниями. Каждую зиму у меня были то грипп, то бронхит, то воспаление легких. Много раз я лежала в местной больнице. Больница была довольно основательная для села. Длинное такое здание за школой на краю села с восточной стороны.

Мне нравилось в детстве лежать в больнице, нравилось, как там все устроено, что есть там распорядок дня, нравилось даже как заправлены там кровати. И вот придя домой, я старалась сделать все так, как в больнице, в том числе и соблюсти распорядок дня и даже заправить кровати по-

больничному, а порой и скучала по больнице, и даже плакала. Почему? Наверное, там мне оказывались хоть какое-то внимание и забота, а дома нет.

Кроме таких простудных заболеваний, ну и детских болезней, ничем таким особым я в детстве не болела. Но тогда все подобные болезни лечили антибиотиками, пенициллином, и поэтому мой организм с того времени был отравлен ими, и я приобрела потом из-за этого пожизненную вялость.

Глава 3. Участие в конкурсе цветов

Как-то я решила поучаствовать в конкурсе цветов, который проводился в городе, в Алейске, в одном из городских парков. Тогда такие мероприятия были очень даже привлекательны, поскольку никаких таких интересных событий просто не было. Объявление об этом я увидела в районной газете «Маяк труда». Там были указаны день, время и место проведения конкурса.

Я собралась и поехала в город на утреннем автобусе. Нарвала букет астр в своем палисаднике, больше никаких цветов у нас на тот момент не было. Букет этот я назвала «Осенние звезды». Да, так, почему-то. Поскольку это было осенью уже, в сентябре.

Я думала, что у меня будет самый лучший букет. Н-да! Не видела я букетов! Там такие были букеты, из шикарных цветов: георгинов, гладиолусов! Так что мой букет имел самый незатейливый вид. Астры — это более чем скромные цветы.

Букет я поставила в литровую баночку с водой. Рядом на бумажке написала его название «Осенние звезды», и автора: Осокина Люда, возраст там то ли 13, то ли 14 лет. И место жительства: село Осколково.

Конечно, ни первое, ни второе, ни даже третье место я не заняла. Но сам факт участия в конкурсе школьницы из деревни не остался незамеченным. Корреспондент из районной газеты упомянул в своей заметке о конкурсе и меня, и мой букет «Осенние звезды». Я прочла об этом и очень гордилась потом такой заметкой, точнее, упоминанием в ней о себе. Ради этого, наверное, и стоило ехать на этот конкурс.

Глава 4. Подруга по переписке

В те годы было такое понятие, как друг по переписке. Практиковалось это среди школьников средних классов, с 5-го по 7-й, примерно. В каких-то детских изданиях, может, в «Пионерской правде», либо в журналах «Пионер» или «Костер», давались адреса каких-либо мальчиков и девочек, которые хотели с кем-то переписываться. И вот им можно было писать. Представляю, сколько им приходило писем со всей страны, учитывая миллионные тиражи тогдашних изданий.

Конечно, сейчас это выглядит смешно, какие еще друзья по переписке? У любого школьника сейчас есть смартфон или планшет с доступом в Интернет и профили в социальных сетях, общайся — не хочу, где бы ты ни жил. Но тогда, когда ничего такого не было, подобные вещи были очень привлекательны для детей, живущих в маленьких поселках, деревнях и городках, далеких от цивилизации. И очень ценились такие контакты, такие друзья по переписке.

Я помню, что переписывалась с одной девочкой из ГДР — Германской Демократической Республики, так тогда называлась восточная часть Германии. Звали ее Даниэла. Жила она в каком-то небольшом городке, в Веймаре, кажется. Училась в специализированной школе по изучению русского язы-

ка. И поэтому ей нужна была языковая практика. Вот в этих письмах она ее отчасти прорабатывала.

Но эту девочку я нашла не в журнале, ее адрес дала мне учительница немецкого языка, таких детей они находили по каким-то своим каналам. И я с этой девочкой переписывалась несколько лет, в принципе, мне тоже нужна была языковая практика, мы ведь немецкий в школе изучали. Но я не помню, чтобы я ей на немецком писала, если только здрассте-до свидания. А так нет. Я как-то не совсем была уверена в своем немецком. Знала кое-что, но полностью письмо написать мне было довольно сложно. А так она мне по-русски писала. Она мне еще свою фотографию прислала и долгое время я эту фотографию хранила.

*Подруга по переписке из ГДР —
Даниэла.
Примерно 1975 г.*

Мне, конечно, очень интересно было переписываться с такой подружкой из-за границы. Я очень ждала этих писем и была безмерно рада, когда приносили очередное письмо. Впрочем, мы были рады любым письмам, приходящим к нам. Увидеть какое-либо письмо, торчащее в почтовом ящике, было безмерной удачей, и мы бежали к ящику, сломя голову за этим письмом. Откуда приходили эти письма? Обычно из Москвы, от тетки Ани. Еще из Набережных Челнов, от племянницы бабушки — тети Вали. Еще от кого? А больше никто нам и не писал, только вот мне эта моя подружка по переписке.

Глава 5. «В Москву... в Москву... в Москву...»¹... или в горы...

После поездки в Москву меня стало куда-то тянуть из нашей деревни, и я уже не могла, как прежде, нормально жить. Мне хотелось снова поехать в Москву, или еще куда-нибудь, в какой-нибудь другой город, но это было не таким уж легким делом. То, что тетка один раз взяла меня с собой, не значило, что она могла это делать постоянно. Эти поездки стоили значительных расходов, но я тогда этого не понимала. Мне хотелось поехать, и всё тут!

Ну, конечно, я не в разгар учебного года этого хотела, ясное дело, что в это время надо учиться. А вот на летних каникулах меня крутило всяко. Поэтому я устраивала истерики, пытаюсь добиться поездки в Москву. Пыталась даже сама отправиться в Москву, пешком, хоть как!

Помнится, после очередной истерики я пошла куда-то пешком в сторону Алейска. Вышла на трассу с западной стороны нашей деревни и пошла. Странно это все было как-то: идти вот так пешком, в Москву. Ну я, конечно, не в Москву собиралась пешком идти, а до Алейска, а там сесть на поезд в Москву. Вот такие были планы. Помнится, на мне было голубое пальто, а на улице было сыро, промозгло. Отец даже ударил меня ремнем с досады, когда я попросила его отвезти меня на мотоцикле в город.

И вот я вышла из дома и пошла. Куда, зачем? Как я собиралась дойти до этого Алейска, непонятно, ведь до него было, если по прямой, то 42 км. Это тоже была какая-то ненормальность, такие стремления. Все-таки, я была уже девочка подросток, но таких вот вещей не понимала. Но вообще, это были какие-то опасные устремления: куда-то

1 «В Москву... в Москву... в Москву...» А. П. Чехов. «Три сестры».

рваться, неведомо куда. И — наперекор всему! Так можно было попасть в большие переделки.

Но в тот раз я вышла на эту трассу, немного прошла, и тут вдруг заморосил дождь, и мне идти в такую даль разом расхотелось, и я, успокоившись враз, пришла в адекватное состояние и вернулась домой.

Еще помнится, захотелось мне, или даже нам, детям, пойти в горы. Горы у нас виднелись на горизонте с восточной стороны таким манящим силуэтом. И нам очень хотелось побывать в этих горах, мы ведь еще ни в каких горах никогда не были, хотя они и были как бы совсем рядом.

Мы просили отца свозить нас в горы, чисто фигурально он обещал, чтобы отделаться от нас. Ну, свозить на мотоцикле, конечно. Но на самом деле это было непросто. Он, конечно бы, свозил нас, если бы это было не так далеко, км 10–20–30. Но горы, на самом деле, были очень далеко, км 500–700, а то и больше. И вот так вот просто, на мотоцикле, до них не доберешься. Он и сам-то там ни разу не был, так что может даже и не знал, куда ехать. Но мы, конечно, ничего этого не понимали. А я не понимала совсем. Если братья хоть как-то успокоились после отказа отца и не стали об этом помышлять, то я нет, мне вынь да подай эти горы!

Тогда я решила сама туда пойти, пешком опять же. Сшила даже рюкзак для этого, ну какой там рюкзак, некое подобие рюкзака, положила какие-то необходимые вещи, какие даже не помню, но рюкзак набила сильно. Не долго думая, надела этот рюкзак и пошла рано утром уже в восточную сторону, в сторону гор.

И вот вышла я за нашу улицу и пошла проулком той до­рогой, которой мы обычно ходили в школу. Я прошла очень небольшое расстояние этим проулком, может метров 50, и тут у меня оторвались ручки от рюкзака. Я их очень плохо

пришла. Дальше идти уже не представлялось возможным. И мне пришлось вернуться.

Я не стала домашивать ручки и продолжать свой поход. Желание пойти в горы у меня после этого почему-то совершенно пропало. Я сразу успокоилась и больше о горах не помышляла.

Глава 6. Как я хотела стать балериной

Да, я была странной девочкой! Хоть и жила я в деревне, но свою дальнейшую судьбу с ней никак не связывала. У меня и мысли не было о том, чтобы получить какую-то сельскую профессию, выйти за какого-нибудь сельского парня замуж, нарожать детей и все такое... После того, как я съездила в Москву в 1972 году, я мечтала только об одном: вернуться туда вновь, и жить только в Москве. Вот такие были планы. Ну а что? Детский максимализм, по-иному тогда и не мыслилось.

И еще. Из Москвы я привезла мечту: я решила стать... балериной. Да, вот так. Но почему, откуда такое странное желание для деревенской девочки? Дело в том, что именно в Москве, у тетки по телевизору я впервые увидела балет и он меня очаровал. Это было настолько необычно, настолько красиво, что я больше ни о чем не могла думать. Я влюбилась в балет безумно. И решила стать балериной. Когда вырасту, конечно. Н-да...

Я тогда не знала об одной маленькой проблемке в этом плане: в балет надо было идти не после школы, а намного раньше, лет, наверное, в 10–12. Балету учат с детства, там долго надо учиться. И для этого надо поступить сначала в хореографическое училище и заниматься там долгие годы. Но об этом я узнала потом.

А сначала я, окрыленная своей новой мечтой, вернулась в деревню. И вот уже дома в течение всего учебного года я лелеяла эту свою новую мечту о балете, о том, как я стану в будущем балериной.

Я стала читать про балет, брала в библиотеке какие-то книжки, чтобы хоть что-то о нем узнать. Но какие в деревенской библиотеке могли быть книжки про балет? Правильно, никаких. Кое-что я узнала из каких-то журнальных публикаций, что-то общее, узнала про великих балерин: Плисецкую, Уланову, Павлову.

Но я узнала, что есть такая Межбиблиотечная система обмена книгами — МБА называется. И вот из нашей сельской библиотеки по этой системе можно было заказать нужные книги из какой-либо библиотеки Барнаула, например. И вот я заказала 2 книжки по балету, и они мне пришли. Одну даже помню название: «Основы классического танца», автор Ваганова, знаменитый балетный педагог. Синяя такая книжка была в твердой обложке.

Я принесла домой эти две книги, почитала. Да, все было непросто. Там шаг за шагом описывались занятия, которые проводились в школах балета и это было нелегкое дело. Я узнала про основные позиции в классическом танце, их 4, про плие (приседания), деми-плие (полуприседания), про батманы и другие балетные штуки. Как-то они назывались на французском. Кстати, весь балетный язык был на французском, оттуда пошел балет, из Франции. Короче, много чего мне стало известно из этих книг по этим всем делам. Но одно дело — прочитать об этом, другое — применить на себе. Я, конечно, попробовала заниматься дома, вставить в эти позиции, поделала все эти приседы и полуприседы. Но надолго меня не хватило. Как можно в таком деле что-то сделать самостоятельно? Это же безумие! Тут нужен педагог и какие-то серьезные занятия.

С помощью этих книг я поняла только, что надо поступать в хореографическое училище и заниматься там. Других путей в эту профессию просто не было. Поняла, что поступать надо не позднее то ли 12-ти, то ли 14-ти лет.

Никакого хореографического училища в нашей деревне, естественно, не было, не было таких училищ и в близлежащих городах — в Алейске и в Барнауле. И в Новосибирске, кажется, не было. Только в Москве было — Московское государственное хореографическое училище, были еще в Ленинграде и в Алма-Ате.

Но я для себя, конечно же, избрала Московское. И вот я стала готовиться к поступлению и вообще, к карьере балерины. К тому времени мы уже купили телевизор, и я не пропустила ни одной передачи о балете. Хотя их было и не так много в то время, но иногда, все ж таки, удавалось кое-что увидеть.

Собственно, сам балет воочию в те годы мне так и не удалось посмотреть, потому что негде было это сделать.

Я какое-то время просто горела желанием стать балериной, у меня появилась вполне конкретная цель в жизни, я определила свое будущее таким образом. Ведь это же так прекрасно: порхать в кисейных пачках под музыку в свете софитов. Так что меня привлек музыкальный театр и первое время я была этим балетом просто загипнотизирована. И кстати, я еще поэтому рвалась в Москву, чтобы поступить в хореографическое училище.

И вот я решила после 7-го класса поехать в Москву и поступить-таки в это училище, так как больше тянуть было нельзя, после 14 лет уже все. Деньги на поездку я заработала сама, так как отец такие глупости поддерживать не хотел. Я поработала летом на прополке свеклы, заработала нужную сумму и поехала в Москву.

Тетка была озадачена моим неожиданным приездом, и тем, что я сама, одна, приехала в Москву, но что делать?

Пришлось ей смириться и потерпеть мое присутствие какое-то время. Я узнала адрес этого училища, оно располагалось в районе ст. м. «Фрунзенская», на 2-й Фрунзенской улице. Новое такое, красивое здание было у этого училища.

Я пришла туда, вся такая, горячая желанием поступить, вошла в здание, но дальше vestibюля мне пройти не удалось. Мне сказали, что прием на этот год уже давно окончен, и делается он весной в марте или в апреле. Вот так. Вот такие дела.

Я не знала, что и делать, какое-то время я вообще не могла осознать, то, что мне сказали. Но потом до меня начало постепенно доходить. И это были да, не очень приятные моменты. Я так на это надеялась, так мечтала столько лет и теперь вот как? Ехала в такую даль, с Алтая... Что же мне теперь делать? Я никак не могла смириться с подобной ситуацией и на что-то продолжала надеяться, не знаю, на что. В vestibюле, правда делать было уже нечего, там были только гардеробщицы и уборщица, я вышла на улицу и медленно пошла вниз по ступенькам. То ли навстречу мне, то ли из самого здания появилась какая-то женщина. И вот на этих ступеньках я с ней и повстречалась. То ли я сама к ней подошла, то ли она ко мне, заметив мой растерянный и удрученный вид, но мы стали с ней разговаривать. Она была из педагогов этого училища. Я стала ей объяснять, что вот очень хочу учиться в этом училище, приехала издалека, опоздала на прием и вот что теперь? Может быть можно мне как-то сверх этого приема попасть в училище, как-то дополнительно, каким-то другим образом. Та отвечала, что никак нельзя, потому-то и потому-то... Но я не успокаивалась и продолжала ее о чем-то просить. Она терпеливо и участливо со мной говорила, пытаюсь втолковать мне какие-то очевидные вещи, которые я никак не хотела ни понимать, ни принимать. Долго я с ней стояла, разговаривала и наконец, кое-как она убедила меня успокоиться и пойти домой. Я кое-как пришла в себя и поехала к тетке.

Но я была настолько потрясена этим событием, не знала, что и делать, и несколько дней переваривала это. Но потом, наконец, переварила, и кое-как успокоилась, смирилась с такой ситуацией. Было совершенно очевидно, что в этом году я в это училище не попаду, никто ради меня график приема менять не будет. И если он проходит весной, то значит, весной и надо было приезжать. А то, что я про это не знала, это уж никого не волнует, надо было знать. Так что да. Это первое, но, как говорить, не последнее. Главное, что после 14 лет не брали в это училище, и на следующий год, таким образом, вообще уже не имело смысла приезжать поступать.

До меня стало доходить, что я опоздала не только в этот год поступать, но и в принципе. Ведь в классический балет берут с 10 лет, до 14-ти это там на народный танец еще берут. А так с 10-ти. И сделать уже ничего нельзя в этом плане. Слишком поздно. Так что да. И мне пришлось болезненно свыкаться с этой мыслью, потихоньку-помаленьку, но свыкаться. С тем, что я никогда не смогу стать артисткой классического балета. Этому учат с малолетства, а я уже слишком большая. И почему эта здравая мысль с самого начала не пришла мне в голову? Даже не знаю. Да, это было первое мое глубокое разочарование в жизни, расставание с мечтой. Но мозги постепенно становились на место. Хотя еще и не полностью. Я не хотела окончательно отказываться от танцевальной карьеры. Ладно, пусть не классический балет, но, может быть, хотя бы какой-нибудь народный танец? Хотя мне это не особо нравилось, но я пока на этом в своих мечтаниях остановилась, потому что было сложно вот так сразу, на всем скаку, как говорить, тормозить с этим балетом. Так что я оставляла для себя еще кой-какую надежду, чтобы плавно так соскочить с этого дела. Ну, я это делала неосознанно, ясное дело.

Я вернулась домой из Москвы и вот не помню, то ли в том же году, то ли в следующем, я поехала в Алма-Ату, тоже поступать в хореографическое училище. Опять же одна, в 14–15 лет вот так свободно разъезжала по городам и весям. Причем, в Алма-Ате у нас вообще никого не было, никаких родственников, и до того я никогда там не была.

И вот приехала я туда. Остановиться было негде, в гостиницы тогда вот так просто нельзя было поселиться, все места в гостиницах в советское время были заняты: туда селили только командировочных. Я оставила свой чемодан в камере хранения на вокзале. А сама поехала в это училище.

Как и следовало ожидать, прием там тоже был давно закончен, и никого там не было, кроме вахтера. И вот что я приехала туда, зачем, для чего? Н-да... Тут даже не знаю, что сказать.

И вот тут я, наконец-то, поняла, что на фиг бы мне это все сдалось, все эти танцы, если вот так вот все складывается, если такие муки мне приходится из-за них принимать! И вот как-то сразу у меня мозги вдруг встали на место, и у меня совершенно пропало желание заниматься танцами вообще: и классическими, и народными, и всякими.

Я тихо вышла из этого училища, села на автобус, доехала до вокзала, купила обратный билет и поехала назад домой на поезде «Андижан — Новосибирск». И после этого уже ни о каких танцах я в жизни не помышляла, они почему-то разом вылетели у меня из головы. Этими двумя поездками по поводу танцев в Москву и в Алма-Ату я излечилась от этого танцевального безумия. Навсегда. Вот так.

И вот сейчас, вспоминая все это, я пребываю в некотором изумлении: как вообще меня на это дело завернуло, на балет на этот, да и на танцы вообще? Это действительно было каким-то безумием, вот такие вот мои мечты, такие планы. Хотя я и была еще ребенком, но все равно надо

было понимать, что одного желания стать балериной мало, тут ведь еще и какие-то способности нужны, какие-то внешние данные, телосложение соответствующее. А об этом я почему-то совершенно не думала, хотя у меня никаких ни способностей, ни данных для танцевальной карьеры не было вообще. Ведь в классический балет идет строгий отбор, там и рост важен, и размер ноги, и форма их, и тип фигуры. Я как-то смотрела прием на отделение классического танца по телевизору, и там педагоги чуть ли не с линейкой ходили и отбирали детей для поступления. Очень строгий был отбор. Даже если б я и попала на этот прием, я бы его никаким образом не прошла. У меня все было не так: и рост слишком большой для балета, и размер ноги, и форма их, и много чего еще. Но ведь еще требовались не только физические, но и музыкальные данные: музыкальный слух, чувство ритма, танцевальность какая-то, подвижность. К слову сказать, никакими танцами ни до того, ни в процессе, ни после я никогда не увлекалась, не танцевала ни дома, ни в школе, никак вообще. К танцам, в принципе нужно иметь особый талант, нужно иметь какую-то легкость в теле, воздушность, подвижность. Почему я решила, что смогу танцевать, да еще и в балете? Даже не знаю. Это был какой-то шизофренический задвиг, который спровоцировала моя поездка с теткой в Москву. Поездка явилась для меня большим стрессом, хоть и положительным, но всё равно, стрессом. И вот последствия этого стресса я и расхлебывала потом несколько лет в виде безумного желания стать балериной. К слову сказать, за всю жизнь я всего один раз была на спектакле классического балета — на «Лебедином озере» в Кремлёвском Дворце съездов. А так смотрела эти спектакли только по телевизору, да и то не так много.

Глава 7. Нащупывание литературной тропы

Где-то после 7-го класса я потихоньку стала нащупывать литературную тропу, по которой мне придется в скором времени идти почти всю жизнь, (с 18 лет я начала писать стихи всерьез и надолго). И это было не так-то и просто ее найти, поскольку не только у нас в семье, в нашей школе, да и во всей деревне никто ничего не писал. Интернета тогда еще не было, социальных сетей тоже. ТВ было, но в ограниченном количестве, в усеченном варианте, 2 канала всего. Было правда радио, выписывали кой-какие газеты и журналы, но в основном, не литературные, исключая разве что «Роман-газету».

Но вот где-то в 7-м классе я стала выписывать «Литературную газету», попросила отца выписать ее. И целый год она приходила к нам. Почему я ее решила выписать, тоже не совсем понятно, но, скорее всего, из-за нашей учительницы по русскому и литературе, которая открыла нам мир зарубежной литературы, мир Бальзака, Гюго, Флобера. Она рассказала нам об этих писателях, я пошла в школьную библиотеку и нашла там много книг вышеозначенных авторов. Сначала я прочитала Флобера — «Госпожу Бовари». Мне этот роман очень понравился. Потом прочитала Бальзака много чего, там было целое собрание сочинений, помню, что читала «Гобсека», «Отца Горио», «Утраченные иллюзии», «Евгению Гранде», «Блеск и нищету куртизанок», «Шагреньевую кожу», еще что-то. Ну много я чего прочитала из Бальзака. И вот после него Диккенса я читать уже не смогла. Стиль был не тот, и я не смогла под него подстроиться. Не смогла и все тут. Так и остался он у меня непрочитанным.

После такого чтения для меня открывался совершенно иной мир. Сама по себе я бы до такого чтения не дошла, мне бы и в голову не пришло читать подобное, ведь мы этих

авторов по школьной программе не проходили, и я вообще о них не ведала, что они существуют. Нет, ну мы, дети, знали, что есть там Дюма «Три мушкетера», романы Жюль Верна, но их не было ни в магазинах, ни в библиотеках.

Но даже почитав классиков зарубежной литературы, желания писать самой у меня тогда еще не возникло. Хотя... как сказать? Я просто потихоньку стала определяться со своими реальными способностями и возможностями. Хотя со способностями я разобралась еще раньше, в классе 4-м, когда очень складно написала сочинение, которое понравилось учителям. И они читали его как пример для всего класса. Уже тогда я поняла, что у меня есть какие-то способности к письму и стала это иметь ввиду. Но не с тем, чтобы что-то делать в этом направлении, а так, как бы для себя. Что вот это я умею делать лучше, чем что-то другое.

После того, как мне выписали «Литературную газету», я стала ее читать, а потом и сама решила написать что-то в рифму. Я написала какую-то поэму в стиле Маяковского про город Желтого Дьявола. И вот написала я эту поэму и отправила ее в «ЛГ». Мне пришел ответ, что напечатать ее они не смогут, так как над ней надо еще как следует поработать, я должна еще овладеть навыками письма и все такое. Указали, что у меня не так, чтобы я поправила. Тогда еще во всех этих местах были литературные консультанты, они занимались потоком из почты и отвечали авторам. Так что это был мой первый опыт общения с литературной прессой.

Я, конечно, слегка огорчилась, но потом как-то успокоилась. И стихов больше на тот момент писать не пробовала. Как-то они мне были не очень. Да я их особо и не понимала еще. Стихи ведь еще надо уметь понимать, воспринимать, а это не каждый может. Кстати, это очень важный момент — восприятия стихов. Из детского возраста я уже вышла, и те,

детские стихи классиков, мне были понятны. А вот такие, взрослые стихи, для взрослых, да еще современных поэтов... я не совсем их понимала. Не то чтобы не понимала, а не получала удовольствие от их прочтения. Только позднее, когда я сама начала писать, я стала потихоньку разбираться в этом.

Хотя помнится, я купила как-то в нашем сельском магазине книжку «Современные поэты Югославии» 1974 года издания. И вот эти стихи, верлибры я стала читать, и они мне понравились. И вот эти стихи на каком-то подсознательном уровне заложили основы моего стихотворчества. Кстати, эта книжка до сих пор у меня есть, стоит на полочке, и я на нее периодически посматриваю. Из авторов там Милован Даноич, Бранко Милькович, Любомир Симович.

И вот примерно в 9-м классе я решила определиться со своей будущей профессией — стать... журналисткой. Да, сначала именно журналисткой, ни поэтессой, ни прозаиком, а вот так пока. Поэтессой я вообще не думала быть, я не думала, что у меня есть какие-то способности к писанию стихов. Я имела ввиду в плане литературных способностей только прозу. И вот эти способности литературные я решила поначалу использовать вот так. А позднее уже, когда поднаберусь впечатлений, тогда уже можно плавно перейти и к писательским делам, учитывая свои литературные способности. Как-то так.

Журналистика была уже в том направлении, в литературном. И для того, чтобы стать журналисткой, я решила поступить на журфак МГУ.

Глава 8. Подготовка к поступлению в МГУ

И тут я уже конкретно взялась за дело. Почему в МГУ? Я думаю, это понятно, потому что этот университет находился в Москве, а в Москву я жаждала вернуться и жить там, чего бы мне это ни стоило. Во-вторых, там были у меня родственники: тетка и сестра, а в других городах родственников не было, и где-то же надо было остановиться на первое время, да и впоследствии не мешало бы иметь какую-то опору в их лице. Мало ли что может случиться? Поэтому я и думать не хотела искать какие-то учебные заведения в других местах, в Новосибирске, например, или в Барнауле... Только Москва, только МГУ, только журфак. Это было, конечно, тоже, чрезмерно, но что делать? Просто я другие места и другие заведения учебные этого плана и не знала, к тому ж.

Я выяснила, что при журфаке есть подготовительные курсы, заочные, написала туда, оплатила эти курсы, мне выслали задания, и я стала готовиться к поступлению.

Перво-наперво мне посоветовали выписать журнал «Журналист», а также заняться подготовкой материалов на творческий конкурс, т. е. публикациями. А для этого надо было войти в контакт с каким-то изданием. Ладно.

Журнал я выписала и год мы его получали. Это издание показало мне удивительный мир профессиональной журналистики, но я тогда еще была так от этого далека, и мне было сложно понять некоторые материалы, публикуемые там. Но, все равно, я весь журнал с интересом читала, если что было непонятно, надеялась понять позднее.

Затем я законтактировала с редакцией нашей районной газеты, она называлась «Маяк труда». Мы ее выписывали, она была единственной в районе, куда я могла обратиться по этому поводу. В редакции меня приняли благосклонно и разрешили сотрудничать.

Сама редакция была в Алейске и находилась рядом с отделом милиции, куда по долгу службы наведывался отец. Просто бок о бок они располагались.

Редакция находилась в старом двухэтажном деревянном здании. Я поднялась туда на второй этаж и познакомилась там с одним из сотрудников по имени Сергей Завгородний. Он такой, уже в возрасте был, лет 38–40, примерно. Он был зав. отделом писем, так кажется. И вот к нему я и стала приезжать и привозить свои материалы. Задания он мне не давал, я сама предлагала темы. И вот кое-что удалось даже напечатать. Почти все мои материалы принимали к печати. Я написала зарисовку такую о комбайнере — моем соседе Викторе Рысеве. Он к тому времени уже

окончил школу — 8 классов и пошел работать в совхоз комбайнером. Уж чего я там написала — не помню, помню, что красиво было, я уж постаралась, все-таки я этого соседа как-никак знала и знала, о чем писать.

Людмила Осокина в редакции газеты «Маяк труда». Фото редакционного фотокорреспондента. г. Алейск, 1976 г.

Помню, как-то приехала туда зимой, а в редакции как раз оказался фотокорреспондент. И вот он меня сфотографировал, целую фотосессию устроил мне: и в редакции я там с ручкой в руках фотографировалась, и на улице в пальто, на куче снега около здания. И кажется одна фотка у меня где-то сохранилась. Мне тогда было 16 лет.

А потом мне почему-то захотелось написать о мясоперерабатывающем комбинате, о том, как там делают колбасу. Почему меня повело на этот материал о колбасе, даже не знаю. Наверное, чисто из любопытства. Колбасу у нас в деревне не продавали в то время, она была в страшном дефиците, разве что ливерную иногда привозили. Может поэтому мне было интересно посмотреть на производство, я даже придумала название «Где делают мисс Колбасу». Да, удивительно! Почему именно «мисс Колбасу»? Непонятно. Но вот такое у меня придумалось название, и я до сих пор его помню. Я сходила на этот завод, посмотрела там все, мне показали все эти агрегаты и, как-то да... Мне что-то как-то это все не очень... Но статью я написала и отправила в редакцию. Кажется ее дали, только название поменяли, сделали из нее такой познавательный материал.

Так что некоторое количество публикаций мне сделать удалось.

Первое время мне нравилось это занятие: и писать нравилось эти заметки и статьи, и нравилось в редакцию приходить, общаться с сотрудниками, и нравилось также ходить в те места, о которых я хотела написать, общаться с людьми, с которыми вряд ли вот так просто смогла бы общаться.

Эта будущая профессия открывала мне какие-то новые горизонты, новые возможности. Кроме того, впереди маячила очень привлекательная и вполне реальная цель: отъезд после выпускных экзаменов в Москву и поступление в МГУ на журфак. И это могло бы случиться, если б не случилось следующее.

Глава 9. Как я хотела стать актрисой

Но у меня еще одна блажь появилась до того, как я окончила школу: в один прекрасный день я решила вдруг стать... актрисой. Да, вот так. Но с чего, почему, зачем? Сейчас объясню.

6 марта 1976 года я праздновала свой очередной день рождения, мне исполнялось 16 лет. Я свои дни рождения, вообще-то, не праздновала, но в этот раз почему-то вдруг решила отпраздновать, мало того, я решила пригласить на него весь мой класс. И это я даже не знаю, что такое было. Короче, они все пришли, я им стол накрыла, посидели они у меня. И вот на день рождения мне кто-то из них подарил одну книгу. Она была о кинорежиссере Георгии Александрове, биография его какая-то. Он, как известно, был мужем киноактрисы Любви Орловой.

И вот я прочитала эту книгу, и она круто изменила мою судьбу, причем, в нехорошую сторону, я бы так сказала. Это увело меня от нужного направления и спутало все мои планы. Ну, это также, как влюбленность в балет. Там было написано об актерской профессии, и я почему-то решила, что я прирожденная актриса, у меня есть для этого все данные и мне надо поступать не на журфак, а в театральный, чтобы стать актрисой драматического театра, либо киноактрисой.

О, кто из девочек в те годы не мечтал стать киноактрисой! Кто не мечтал сниматься в кино? Все мечтали, я тоже мечтала, но как-то практически об этом и не помышляла. Но тут меня в очередной раз непонятным образом куда-то унесло, и я размечталась реально.

Я решила стать актрисой театра и кино.

Если б я знала, куда вообще меня в очередной раз несет, насколько тяжело поступить в какой-то театральный вуз,

какой там невысказанный конкурс, какие интриги, я бы поостереглась. Но я ничего не понимала и лезла туда, куда совершенно невозможно было попасть. Мне вот хотелось быть причастной к искусству — и всё тут! Ну вот в балет я не попала, ладно, но есть надежда попасть в актрисы. Тут я хотя бы по возрасту проходила, про возраст не надо было думать. Но ведь нужны же были еще какие-то актерские данные, способности какие-то. Но об этом я даже не думала, я была уверена, что пройду творческий конкурс, ведь я же прирожденная актриса. Н-да!

Может, я внутренне и была актрисой, но внешне это никак не проявлялось.

Я узнала, что для творческого конкурса надо подготовить какие-то отрывки из классики для чтения перед Приемной комиссией, и стала готовить такие отрывки: стихи, прозу и басню. Так что за 1,5 года до окончания школы я сбилась с пути истинного и вместо подготовки к поступлению в МГУ на журфак, стала готовиться к поступлению в театральный вуз, в частности, в Школу-Студию МХАТ. И все мои труды по сотрудничеству с газетой, по подготовке публикаций для поступления, по учебе на подготовительных курсах пошли насмарку. Я забыла и даже не вспоминала об этом все эти полтора года.

Да, печально. Я, конечно, не совсем уверена, смогла бы я поступить в МГУ, это ведь тоже учебное заведение высшего класса, но, по крайней мере, я была бы на более верной, на более реальной дороге, чем та, на которую меня вдруг в очередной раз занесло.

Забегая вперед, скажу, что ни в какой театральный вуз я, конечно же, не поступила, я срезалась на первом же прослушивании, на первом! У меня и голос был слабый, и с дикцией были проблемы, я «р», например, не выговаривала, и я никогда ни в каких театральных кружках и студиях не за-

нималась, ни в каких школьных спектаклях не участвовала. Поэтому надо было думать, прежде чем соваться в такие-то места. Я даже не знала, куда я иду и зачем.

Но меня это не отрезвило, я пошла на прослушивание еще в один вуз, в ГИТИС, там срезалась тоже, на первом же прослушивании. Время я упустила, чтобы подать документы куда-то еще и мне пришлось потом еще целый год ждать, чтобы поступать снова.

И это было нечто! Это было какое-то очередное безумие, неизвестно на чем державшееся! Ведь самое интересное, я никакого интереса к самому драматическому театру не испытывала, я даже ни разу не была до того в самом драмтеатре, ни на одной постановке, ни на каких спектаклях. И никаких актеров театральных, кроме известных киноактеров я не знала, театров самих тоже. Ну знала там Малый, понятное, Большой, театр Оперетты, но не более того.

И вот так вот я ломилась не пойми куда и непонятно зачем! Ломилась в искусство, короче. И вот этот театр, он мне сильно подпортил жизнь и судьбу. После школы я 2 года потеряла в погоне за театральными химерами, пытаюсь куда-то там поступить. Но мне не удалось и на следующий год это сделать.

И только тогда я пришла в себя и стала возвращаться к мыслям о литературной стезе. Нет, не так. Это случится позднее. А после того, как 2 года я не смогла поступить ни в один театральный вуз, я решила попрощаться с карьерой актрисы, потому что поняла, что мне и тут ничего не светит.

Но с искусством я прощаться не хотела и решила хоть как-то быть причастной к нему. И для этого я решила поступать... на истфак МГУ, на отделение истории искусства. Ну это тоже было очередным безумием, на это отделение совершенно невозможно было поступить, там был большой конкурс,

а набирали всего 25 человек, и поэтому, да... И туда я тоже несколько лет поступала, и все бестолку. Причем, экзамены сдавала, но по конкурсу не проходила. Так и не поступила в итоге. Только потом, года через 4, поступила в Московский государственный историко-архивный институт, на факультет архивного дела.

Вообще, это искусство, как я заметила, приносило мне один только вред, уводило меня с пути истинного, с того пути, где бы я могла хоть каких-то успехов достичь, и не пойми куда заводило. Я только время теряла, силы, и надежду. А в итоге, в поисках приключений на этой самой тропе искусства, я сама в скором времени стала писать стихи, вследствие чего и нарвалась на поэта Юрия Влодова, своего будущего мужа, который меня совершенно добил своей гениальностью. Вот что такое искусство! Оно требует жертв! И я попала под раздачу! Так что да.

ЧАСТЬ 9. ОТЪЕЗД... И МНОГО ЛЕТ СПУСТЯ...

Глава 1. Отъезд в Москву

Я уехала в Москву на следующий же день после выпускного бала, это было 26-го июня 1977 года. Помню, что провожать меня пришел почему-то весь класс. Хотя... это было уже без разницы. И вот все они стояли на остановке, ожидая вечернего автобуса, на котором я собиралась уехать в Алейск, чтобы сесть на поезд. Поезд на Москву проходил через Алейск около 12-ти ночи.

Провожали меня на автобус и родители. Я ехала поступать в театральное училище, надеялась, конечно же, поступить и возвращаться в деревню при любом раскладе уже не собиралась.

Поэтому да, я уезжала навсегда.

Но никакого сожаления от расставания с деревней, со своей семьей, со своими одноклассниками, у меня не было. Хоть я и прожила в этой деревне долгие годы, но она осталась мне чужой, она собственно родной-то мне и не была, родилась я в Барнауле, а все мои корни находились совсем в другой деревне, в Парфеново. Если только природа немножко меня радовала.

Меня в деревне и в плане семьи мало что держало. Отец мне был неродным, соответственно бабка тоже, они еле меня терпели и не могли дождаться, когда же я избавлю их от своего присутствия. Мать пила и ей было все равно, где я и что со мной будет. Братья... ну, не знаю. Они же были мальчишками, и я, как

девочка, была от них далека, равно как и они от меня. Да и они знали тоже, что я была неродная для бабки и отца, и поэтому относились ко мне несколько отстраненно.

Автобус подошел, я села в него со своим небольшим чемоданом. Я уехала и больше никогда уже не приезжала в эту деревню. Семья уже на следующий же год переехала в прежнюю деревню, в Боровское, и приезжать вообще больше стало не к кому.

И моя далекая деревня — Осколково, с того дня осталось для меня лишь в далеком прошлом, в моих воспоминаниях.

Глава 2. Спустя много лет. Поездка на Алтай

В Осколково я приехала только спустя много лет, летом 2019 года. И одноклассников своих увидела, естественно, тоже. Я уже говорила, что ни с кем из них не переписывалась все это время, только года 3 назад нашла их в социальной сети «Одноклассники». Там мы какое-то время чисто фигурально общались.

*Путь на Алтай. Вид из окна поезда. Июль 2019.
Фото Людмилы Осокиной.*

*Я с братьями: слева — Юрий, справа — Сергей.
г. Барнаул, в доме у брата Юрия. Июль 2019.*

Я долго собиралась, и, все ж-таки с большим трудом, решилась съездить в июле 2019 г на Алтай, там ведь у меня еще и братья остались, в Барнауле, их я тоже не видела много лет. И хотелось заехать, конечно же, в деревню.

И вот, я съездила. Повидалась, в первую очередь, с братьями, погостила у них в Барнауле, познакомилась с их семьями. У меня там были уже 2 племянницы, взрослые: Лена, дочь Сергея, и Элина, дочь Юрия. У Лены уже была дочка Настя, а на следующий день после моего приезда (она была беременная) она родила сына — Михаила. Также познакомилась с женами братьев: Галей и Мариной. Съездили даже к родственникам жены брата Сергея — Гали, в Горно-Алтайск. Через некоторое время поехали на машине брата и в деревню, в Осколково. В деревне я остановилась у Аллы Ершовой, или, теперь уже — Ровейн по мужу. У нее был большой дом в центре села. И вот она меня и приютила на несколько дней. Я приехала с братом Сергеем и с внучкой своей Ритой на ма-

*Радужные хозяева: Александр и Алла Ровейн во дворе своего дома.
Июль 2019 г.. Фото Людмилы Осокиной.*

*Веселый гармонист. Саша Ровейн,
муж Аллы Ровейн. Июль 2019 г..
Фото Людмилы Осокиной.*

шине брата. На встречу со мной приехали Витя Альтергот, он жил в Алейске, а также Сережа Лаптев, он жил в Барнауле. Пришла Катя Гринвальд, она жила теперь в Германии и раз в 2 года приезжала в родное село, у нее осталась в деревне дочь. И вот мы собрались у Аллы во дворе, общались, выпивали, фотографировались. Много чего повспоминали.

Ну, что? Все это хорошо, но того времени, ко-

МОИ АЛТАЙСКИЕ РОДСТВЕННИКИ

Брат Юрий Осокин.

Племянница Элина, дочь брата Юрия.

МОИ АЛТАЙСКИЕ РОДСТВЕННИКИ

Племянница Лена, дочь Сергея.

Галя, жена Сергея, с внучкой Настей

Банька во дворе дома брата Сергея.

Печка в доме брата Сергея.

Дом брата Юрия.

На берегу Катуня в Горном Алтае, с родственниками жены брата Сергея Галины. Слева — сама Галина. Справа впереди ее сестра Катя, далее ее дочка с сыном. На кресле в правом углу спиной — моя внучка Рита.

ТАЙНА МОЕГО РОЖДЕНИЯ

Родной отец и другие родственники по отцу

Скажу все-таки, и о своем родном отце. Все ж-таки, он меня зачал, как говорится, запрограммировал мое появление на свет. Правда, сделал жизнь мою на этом свете очень драматичной таким вот неожиданным появлением.

Это Пухальский Казимир Ульянович, родился 27 февраля 1922 г, умер 22 февраля 2007 года. Он поляк по отцу, по матери — русский.

Мать моя познакомилась с ним в Барнауле, в институте, где она во годы оны училась. Это был Алтайский сельскохозяйственный институт, она училась там на заочном отделении, получила в итоге специальность зоотехника. Сейчас это Аграрный университет.

Отец был преподавателем в институте, преподавал начертательную геометрию. У него была жена и двое детей, но поскольку он был преподавателем, соблазнов было много. Вот и перед

Казимир Ульянович
Пухальский, 1963 г.

Фото из архива семьи Пухальских.

Барнаул. Аграрный университет, бывший Алтайский государственный сельскохозяйственный институт.

Фото Людмилы Осокиной.

матерью, видно, не устоял. Связь их была поверхностная, и мать не думала, что забеременеет, но это произошло. Она пыталась всяко от меня избавиться, но это не получилось, и пришлось ей рожать. Так появилась я, не очень желанный ребенок. Впрочем, не только для нее, но и для отца. Причем, мать моя тоже была уже замужем, а муж учился в это время в Омской школе милиции и никак не мог быть отцом. И вот когда она меня родила, ей пришлось автоматически записывать меня на фамилию и отчество мужа. Так я стала Осокиной Людмилой Михайловной. Хотя, по сути, я Пухальская Людмила Казимировна.

Осокин мог бы оспорить такое отцовство и развестись с ней, но не стал этого делать. Они уехали из Парфенова в другую деревню, в Боровское, и там начали жизнь с чистого листа. Я же лет до 7–8 не знала, что отец мне неродной. Потом мать сказала мне об этом. что с этим делать, я не зна-

ла, но жизнь моя от такого известия усложнилась, лучше бы она ничего не говорила.

Своего родного отца я никогда не видела, хотя он приезжал по каким-то делам в деревню и смотрел меня. Может издали, может еще как. Может, мне его показывали, только я не знала, что это мой отец. Правда, я не помню такого случая. Я даже не видела ни одной его фотографии, хотя фото его детей, Светы и Володи, почему-то у нас имелось. И жены его, Анны, тоже.

Желания найти своего отца долгое время у меня вообще не возникало. Только где-то в середине нулевых, когда появился Интернет, я попробовала поискать его с помощью Интернета, но сначала ничего не нашла, никакой информации. Через некоторое время опять искала, и уже что-то появилось. Я нашла сведения о нем в Белоруссии, в Горках, в Белорусской сельскохозяйственной академии. Он давно уже переехал к тому времени из Барнаула и обосновался в Белоруссии, откуда он, собственно, и был родом. В академии он, в середине 70-х заведовал кафедрой начертательной геометрии. Он был кандидатом технических наук, доцентом, по-моему даже автором учебника для вузов «Инженерная графика». Потом он ушел на пенсию и уехал к своему сыну в Смоленскую область. Так мне сказали в академии, когда я туда позвонила как-то. И где кого после этого искать, я не знала. Понятно, что он уже должен был умереть, так как возраст был соответствующим. И искать следовало только его детей.

Но вот только в начале 2019 года я их нашла, часть в Смоленской области, часть в Барнауле и даже повидалась с теми, кто был в Барнауле, когда ездила туда летом. Отец, конечно, умер давно, в 2007-м году. Сестра Света жила в Барнауле, вот с ней я и повидалась, с ней и с ее детьми, двумя дочерьми: Леной и Светой. У них тоже дети уже и даже внуки. Так что да.

Пухальские.

*Справо налево: сестра Света и её две дочери Лена и Ира с детьми.
г. Барнаул. В доме у брата Сергея. Июль 2019.*

А брат Володя живет в Угре Смоленской области. И у него двое сыновей. С ними я еще не виделась.

Вот такие дела.

Фото отца они мне прислали, мне вот хотелось увидеть его фото. Он черненький такой.

Что делать с новыми родственниками, даже не знаю. Вроде они родные по крови, но, в тоже время, абсолютно мне чужие. Как с ними завязывать отношения, не имею понятия. Так что да.

Людмила Осокина. Биография

Людмила Осокина, (по мужу Влодова), родилась в 1960 году в г. Барнауле. В детские и школьные годы вместе с родителями жила в селах Боровское и Осколково в Алейском районе Алтайского края. После окончания средней школы в 1977 году уехала в Москву.

В 18 лет начала писать стихи и ходить на литературную студию «Весы», а затем и на студию «Чистые пруды», где в 1982-м году познакомилась со своим будущим мужем, большим поэтом Юрием Влодовым (1932–2009), автором знаменитого двустишия: «Прошла зима. Настало лето. Спасибо партии за это!» В августе 1983 года у них родилась дочь Юля.

Людмила училась в Московском государственном историко-архивном институте на факультете архивного дела, (сейчас РГГУ).

Работала корреспондентом и обозревателем в таких изданиях как «Клуб», «Юность», а также книжным редактором в ИИД «Профиздат».

Стихи Людмилы неоднократно появлялись в печати, в таких изданиях, как «Московский комсомолец», «Вечерняя Москва», «Юность», «Сельская молодежь», «Гудок», «Истоки», «Клуб», «Дети Ра», «День поэзии», «Эолова арфа», «НГ-Ex libris», «Зарубежные задворки», «Кольцо А», «Zinziver», «Поэтоград», «Литературные известия», «Футурум-Арт».

Первая книга «Природы затаенное дыхание» вышла в 1996 году в Москве в Издательском Доме Русанова. В серии «Библиотечка поэзии Московского союза литераторов» в 2007 г появилась книга «Черная кошка», а в 2009 году в серии «Библиотечка поэзии Союза писателей Москвы» книга «Стихи, биография, библиография».

Книга стихов «Кофейная девушка» в 2010 году вышла в издательстве «Время» с предисловием Рады Полищук.

В 2014 году в издательстве «Время» вышла первая прозаическая книга — роман «Новая божественная комедия». Роман вошел в лонг-лист премии «Золотой Дельвиг», премия организована «Литературной газетой». В 2016 году вышла книга «Халупа» о жизни с поэтом Юрием Влодовым. За эту книгу Людмила получила диплом премии «Нонконформизм –2016» от Независимой газеты и диплом премии Союза писателей 21 века.

Людмила Осокина является Королевой поэзии праздников газеты «Московский комсомолец». Лауреат премий журнала «Zinziver», и газеты «Поэтоград», а также журнала «Эрфольг».

Член Московского Союза литераторов, Союза писателей Москвы, Союза писателей XXI века.

Живет в Москве.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ 1. СЕЛО И ОКРЕСТНОСТИ

Переезд в Осколково	3
Осколково. Путь в деревню.	6
Погода и климат	8
Близлежащие деревни	9

ЧАСТЬ 2. НАШ ДОМ

Наш дом	12
Территория около дома	14

ЧАСТЬ 3. ШКОЛА

Здание школы	17
Одежда школьников. Школьная мебель тех времен	20
Учеба. Учителя	23
Одноклассники	27

ЧАСТЬ 4. ВСПОМИНАЯ ДЕТСТВО. ДЕТСКИЕ ЗАБАВЫ

Речка и мост	32
Лужок	36
Тропинка в поле	39
Дубровы	42
За цветами	52
Весенние костры и уличные игры	56
Бураны. Катание с горок	59

ЧАСТЬ 5. ДЕРЕВЕНСКИЙ БЫТ

Наш скот	61
Поросята и крысы	62
Теленок	63
За коровами.	64
Кошки, собаки	66
Нападения животных	68
Картошка	69
Работа на свекле	76
Свекла. Школьная практика	80
Мой сад-огород	83
Наша еда. Кулинарные радости детства	85
Запасы на зиму	94
Рыбалка с отцом	99
Баня	103
Сельские магазины	107
Клуб	110
Телевизор	113
Подписка	116

Поездки в город120
Барнаул, наш краевой центр125

ЧАСТЬ 6. ГОСТИ И В ГОСТИ

Приезд московской тетки128
Поездка в Москву132
Приезд сестры133

ЧАСТЬ 7. МОИ РОДИТЕЛИ И НАША СЕМЬЯ

Отец138
Мать142
Бабка.144
Братья148
Родные дедушка и бабушка. Село Парфеново.151

ЧАСТЬ 8. Я САМА. МОИ ЖЕЛАНИЯ И СТРЕМЛЕНИЯ

Какая я была?155
Болезни156
Участие в конкурсе цветов157
Подруга по переписке158
«В Москву... в Москву... в Москву...»... или в горы....160
Как я хотела стать балериной162
Нашупывание литературной тропы169
Подготовка к поступлению в МГУ172
Как я хотела стать актрисой.175

ЧАСТЬ 9. ОТЪЕЗД... И МНОГО ЛЕТ СПУСТЯ...

Отъезд в Москву179

Спустя много лет . Поездка на Алтай180

ТАЙНА МОЕГО РОЖДЕНИЯ

Родной отец и другие родственники по отцу189

Людмила Осокина. Биография.193

Людмила ОСОКИНА

Моя далекая деревня...

Документально-художественный проект

Главный редактор
Евгений Степанов

Компьютерная вёрстка
Ирина Ракитина

Формат 140x200
Бумага офсетная
Гарнитура Calibri
Тираж 300 экз.
Сдано в набор 21.11.2019
Подписано в печать ##.##.20##

Издательство «Вест-Консалтинг»
115230, г. Москва, Хлебозаводский проезд, д. 7,
стр. 9, этаж 7, пом. XIV, ком. 12
Тел. (495) 978 62 75

Типография ИПК «Квадрат»
Белгородская обл., г. Старый Оскол,
Комсомольский пр., 73.

В этой книге московская поэтесса и прозаик Людмила Осокина, автор таких известных книг, как «Кофейная девушка» и «Халупа», рассказывает о своем детстве, которое прошло у нее в далекой алтайской деревне — Осколково.

Воспоминания о детских годах дороги каждому человеку. Но у Людмилы Осокиной это не просто экскурс в детство, это еще и путешествие в исчезнувшую страну — СССР, которой уже нет на карте мира. Кроме того, это и воспоминания о тех реалиях, которых уже совсем не осталось в современной жизни.

Вместе с этой книгой вы окунетесь в волшебный мир детства и той, исчезнувшей реальности, воспоминания о которой так дороги людям старшего поколения.

ISBN 978-5-91865-589-4

9 785918 655894

МОСКВА
«Вест-Консалтинг»
2020